

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- НА СВИДАНИЕ В ЖЕНЕВУ
- ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ ДОВЕРЯТЬ НАРОДУ
- ОЧАГ КОМИНТЕРНА В АБИССИНИИ
- РЕВОЛЮЦИЯ КАК БИЗНЕС
- ГЕОГРАФИЯ ТЕРРОРА
- МЭР ИЕРУСАЛИМА
- ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ АНТИСОВЕТЧИНА
- ПЕРЕЖИТКИ КАПИТАЛИЗМА И ТАТАРСКОГО ИГА
- ИНКУБАТОР НАРОДНЫХ ОСВОБОДИТЕЛЕЙ
- ТРАКТИР "ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА"
- КРОКОДИЛ ГЕНА И ЕГО ДРУЗЬЯ
- ТЕОРЕТИК РАБОЧЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
- МОРИАК И АХМАТОВА
- ПРОЩАЙТЕ, ГОДЫ БЕЗВРЕМЕНЩИНЫ

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), Р.Шапиро (Иерусалим), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов), в США, Канаде и Израиле — 35 ам. долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 45 ам. долларов. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению. Цена одного номера — 6 нем.марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 2 ам. долл.) Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>Р.Макфарлейн.</i> Что может сделать народ, если ему доверять?	14
Вести из СССР	22
<i>Р.Бахтамов.</i> Джигит не меняет коня в пути	27
Из газет: 60 лет назад	37
Дым отечества	38
Колек — лауреат премии мира	40
<i>Т.Колек.</i> В будущем году в Иерусалиме	41
Картинки с выставки	44
<i>У.Лакер.</i> Терроризм	46
Революционеры-миллиардеры	58
Оборотень, говорящий на всех языках	61
Из газет: 50 лет назад	63
Самоуправление на американских предприятиях. <i>Письмо в редакцию</i>	64
<i>К.Шмидт.</i> Один грамм власти	66
<i>Франсуа Мориак.</i> Анна Ахматова в сердце моем... ..	75
<i>Борис Пастернак.</i> "Когда я умру, не пишите обо мне книг". Окончание	78

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.
Tel. (089) 272 18 99; (089) 272 28 99; telex 5218017 unbt.
Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).
Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Ноябрь этого года будет прежде всего отмечен встречей Рональда Рейгана и М.С.Горбачева. Вспоминается другое свидание, более двадцати лет назад, когда Хрущев познакомился в Вене с молодым и, как ему показалось, наивным Джоном Кеннеди; за встречей последовал кубинский кризис, едва не приведший к войне. Разумеется, в 1985 г. повторение подобной истории невозможно. Главный вопрос, стоящий на повестке дня, — гонка вооружений. Вначале предусматривалось даже, что это будет единственной темой: разоружение или, точнее, состояние вооружений. Все последние месяцы усилия советских руководителей были направлены к тому, чтобы не допустить размещения новых американских ракет в Европе и тем самым закрепить положение, при котором Советский Союз сохраняет стратегический перевес. Эти усилия и пропагандистская кампания, поддержанная манифестациями сторонников мира в столицах западноевропейских стран, ни к чему не привели. Решение о ракетах было принято (последним — в октябре — было правительство Нидерландов, согласившееся разместить ракеты на своей территории), лидеры западных государств поняли, что возросшая за годы разрядки советская военная угроза не оставляет им другого выхода. Прежде чем говорить всерьез о разоружении, нужно было принять меры к восстановлению нарушенного равновесия.

Новый советский вождь, действующий, без сомнения, не так неуклобо, как его предшественники, хочет, чтобы Соединенные Штаты отказались и от проекта так называемой войны в космосе. Речь идет о программе радикальной

противоракетной защиты, известной под названием "Стратегическая оборонная инициатива". Очевидно, Горбачев понимает, что одних протестов, тайной или явной поддержки пацифистских движений на Западе и т.п. для этого недостаточно. Разжигать разногласия между Вашингтоном и его европейскими партнерами тоже мало. Зная, что президент Франции Миттеран сдержанно относится к стратегическому проекту Рейгана, советский лидер попытался сыграть на этих разногласиях во время недавнего визита в Париж. Но никакие размолвки, по-видимому, не в силах поколебать того, что именуется западной солидарностью. Нужно было, готовясь к встрече в верхах, предложить нечто позитивное. Это и сделал генеральный секретарь КПСС, выступив с предложением сократить наполовину наступательный ядерный потенциал. Особого энтузиазма на Западе этот демарш не вызвал, тем не менее президент Рейган отметил "позитивные элементы" в инициативе Горбачева.

Со своей стороны, американский президент расширил поле переговоров, предложив незадолго до поездки в Женеву обсудить во время встречи пять региональных конфликтов, внушающих наибольшие опасения: в Эфиопии, Афганистане, Никарагуа, Анголе и Камбодже. В этих конфликтах СССР замешан либо прямо, либо через своих союзников — Кубу и Вьетнам. Список этот, конечно, не мог вызвать восторга у Горбачева. Все же он не счел возможным уклониться от игры, по крайней мере, сделал вид, что принимает вызов, — упомянув в одном из выступлений о страданиях, которые причиняют на-

родам "малые войны". Составленный в Москве встречный список конфликтов, вызывающих озабоченность у Горбачева, как и следовало ожидать, разительно отличается от американского. Но разве независимые обозреватели не насчитывают сейчас, на исходе 1985 г., целых восемнадцать горячих точек на нашей планете? Вопрос в том, обещает ли обсуждение тех или иных конфликтных ситуаций быть плодотворным. В перечне тем, предлагаемых Кремлем, фигурируют Южная Африка и Ближний Восток.

На Ближнем Востоке появились кое-какие признаки благоприятного развития событий. Но лучше проявить разумную осторожность, говоря о них. В истекшем году было предложено два сценария мирного урегулирования. Первый, выдвинутый еще в феврале, принадлежит иорданскому королю Хусейну. В отличие от соглашений в Кемп-Дэвиде речь идет о мире, который должен быть заключен не под эгидой Америки и не за столом международной конференции. Хусейн предложил договариваться непосредственно с ним, при этом представители Организации освобождения Палестины должны были войти в состав иорданской делегации. Таким образом, Израилю предлагалось косвенно вступить в переговоры и с палестинцами, не имея дела с организацией как таковой. Египет поддержал Хусейна, американская дипломатия тоже отнеслась к его проекту сочувственно. Но тут произошла целая серия инцидентов, погубивших многообещающее начинание. Палестинские террористы убили израильских туристов на Кипре, Израиль разбомбил базу ООП в Тунисе, затем последовал захват группой террористов итальянского корабля "Акилле Лауро", убийство еврея-инвалида, труп которого вместе с коляской был выброшен в море, и т.д.

Всякий раз, когда пытаешься распутать ближневосточный клубок, встает вечный вопрос: что было раньше — курица или яйцо? Очередная жестокость вызывает акт возмездия, который, в свою очередь, оборачивается насилием над мирными людьми. Террор вызывает ответный террор. Но сейчас, быть может, уже не так важно, кто начал; пусть этим вопросом займутся историки. Важно другое: кто положит этому конец и как?

После неудавшейся инициативы Иордании, после истории с "Акилле Лауро", вмешательства

американской авиации и поимки террористов, бросивших захваченный корабль, после ряда политических поражений ООП — очередь протянуть руку мира была, очевидно, за Израилем. Так возник второй сценарий. Премьер-министр Шимон Перес воспользовался юбилейной сессией Организации Объединенных Наций (празднующей 40-летие), чтобы предложить Иордании начать прямые переговоры до конца года. О чем? Об учреждении на оккупированных территориях смешанной израильско-иорданской администрации, которая призвала бы к сотрудничеству местное арабо-палестинское население. Перес согласился с пожеланием короля Хусейна, чтобы переговоры происходили под международной опекой, но с оговоркой: все "опекуны" должны находиться в нормальных дипломатических отношениях с государством Израиль. СССР, таким образом, не должен иметь касательства к этим переговорам. Кроме того, Перес решительно отверг участие в любом качестве представителей ООП.

Иорданский монарх нашел в этом предложении кое-что приемлемое для себя, однако дело осложнилось разногласиями внутри самого Израиля. Против каких бы то ни было компромиссов относительно контролируемых территорий выступил блок Ликуд — партнер представляемой Пересом партии труда по правительственной коалиции: для него западный берег Иордана — неотъемлемая часть Большого Израиля.

Как бы то ни было, возникла довольно забавная ситуация: Израиль готов солидаризироваться со своим заклятым врагом — Сирией — в том, чтобы поставить вне игры Арафата и его организацию. Дамаск считает, что палестинская проблема — дело арабского мира, а отнюдь не ООП. Все это выглядит так, словно два непримиримых противника, Сирия и Израиль, хотят разделить между собой сферы влияния; ибо под "делом арабского мира" подразумевается политика Сирии. Что же касается более умеренных арабских стран, они давно ищут возможности договориться с Израилем, однако не могут или не хотят сделать это за спиной у Арафата. Президент Египта Мубарак, например, не может забыть о том, что его предшественник был убит после того, как заключил сепаратный мир с израильцами; Хусейн хорошо помнит драматические

обстоятельства, при которых он взошел на трон в 1951 г., — убийство короля Трансиордании Абдаллы за "измену".

Неожиданным эхом отозвались израильско-палестинские дела в Риме, где разразился политический кризис. Уже упоминавшаяся нами эпопея туристического теплохода "Акилле Лауро" выявила давно копившееся недовольство внешней политикой нынешнего итальянского правительства. Ни одна партия в этой стране не может править собственными силами; все влиятельные партии в той или иной мере зависят от поддержки мелких. Нынешняя правительственная коалиция объединяет пять партий. Возглавляет этот союз партия социалистов, к которой принадлежит премьер Кракси. Два других важнейших участника коалиции — социал-демократы и особенно христианские демократы, которые вот уже 35 лет делают погоду в Риме. Правда, эта последние партия несколько подмочила свою репутацию скандалами, в которые оказались замешаны некоторые ее члены (в том числе бывший президент республики Леоне), а также предполагаемой связью христианско-демократической партии с секретной масонской ложей. Список членов коалиции замыкают либеральная и республиканская партии. Обе партии — не слишком важные; но именно республиканцы подали сигнал к кризису, разразившемуся 17 октября. Лидер партии, министр обороны Спадолини известен как решительный сторонник союза с Америкой; на Ближнем Востоке его симпатии безусловно принадлежат Израилю. Что же касается Кракси, то он, как и его министр иностранных дел Андреотти считают, что национальные интересы Италии требуют поддержания добрых отношений с ООП. Захват итальянского корабля и бегство руководителя террористов Абуль Аббаса, совершенное при потворстве итальянских властей, выбило почву из-под ног Кракси.

В конце концов кризис уладили, но бросается в глаза отсутствие на сцене еще одной, в недавнем прошлом влиятельнейшей итальянской партии — коммунистов. Можно предположить, что партию парализовала смерть Энрико Берлингуэра, наиболее известного из числа тех коммунистических лидеров, которые не считают советскую модель пригодной для их стран. ●

Г.Ферон

ИСПАНСКОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: "ОПАСНОСТЬ ПРЕВРАТИТЬСЯ В ЗООПАРК"

Незадолго до ухода в отставку генеральный секретарь компартии Испании Сантьяго Каррильо предупредил своих критиков внутри КПИ, что партия, "как любое демократическое сообщество, имеет свои правила игры, которые следует соблюдать", иначе "она превратится в зоопарк". Трудно оценить, насколько этот прогноз близок сейчас к осуществлению. Ясно одно — многие правила игры нарушены. Справедливости ради следует отметить, что сам Каррильо нарушал их не раз. Впервые это произошло с ним еще в 1936 г., когда на волне победы коммунистов он отрекся от своего отца — ветерана испанской социалистической партии. Великовозрастный Павлик Морозов (Каррильо род. в 1915 г.) не общался с отцом до 1956 г. Когда в 1945 г. испанские коммунисты, собранные в нацистские лагеря из разных стран Европы, где они пребывали в эмиграции, начали выходить на свободу, С. Каррильо сотрудничал с советскими властями в искоренении троцкистов среди бывших узников. В дальнейшем он вновь "нарушил правила" — в другую сторону — осудив вторжение в Чехословакию и перейдя в лагерь еврокоммунистов.

Общая волна демократизации в Испании, поднявшаяся после смерти Франко, вынесла Сантьяго Каррильо на вершину общественной жизни страны и на первые страницы газет. К компартии — недавней жертве гонений — общество испытывало симпатии. К тому же лично Каррильо обнаружил несомненное искусство создания собственного образа — противника догматизма, умеренного политика, отличного оратора. Все

это приятно контрастировало с образом коммуниста — неотесанного попугая, каким рисовала его много лет франкистская пропаганда. На выборах в 1979 г. КПИ выступила мощной общественной силой: 300 тыс. членов, 10% голосов, 23 из 350 мест в парламенте. Как полагают многие, С. Каррильо внес немалый вклад в то, что переход от франкистской диктатуры к конституционно-демократической монархии прошел в целом гладко.

Но после выборов начались трудности. Главное, в чем вожди не хотят признаться, — это охлаждение общества к компартии. Партия не смогла предложить народу ничего такого, чего не было уже в программе социалистов. Освобожденные от давления Москвы и Франко, стали бунтовать сами коммунисты. Дело началось с национальных разногласий. После предоставления автономии ряду областей страны (стране басков, Каталонии, Астурии, Галисии и др.) многие члены местных отделений КПИ перешли в этнические партии. Руководство профсоюзов, связанных с КПИ, начало ссориться с партией из-за проклятого вопроса о деньгах. А с деньгами после разрыва с Москвой, видимо, стало туго. Промосковская фракция в ЦК воспряла духом и начала систематически подкапываться под Каррильо. Нападки на него особенно усилились после катастрофического поражения коммунистов на выборах в Каталонии в конце 1981 г.

К парламентским выборам 1982 г. КПИ пришла с числом членов немногим более 100 тыс. — втрое меньше, чем было после выхода из подполья пятью годами ранее. Нехватка денег привела к приостановке издания многолетнего центрального органа партии "Mundo obrero". Через некоторое время издание было возобновлено, но уже не как ежедневная газета, а как еженедельник. Падение популярности, внутренние распри и сокращение пропагандистской машины привели к еще одному сокрушительному поражению на выборах: уменьшению числа голосов, поданных за КПИ, на миллион (с 10 до 3,8% от общего количества избирателей) и, соответственно, числа мест в парламенте — с 23 до 4.

Сантьяго Каррильо, обвиненный ко всему прочему в диктаторских замашках, вынужден был покинуть авансцену. Из уважения к его заслугам ему разрешили назначить преемника. Он предложил на пост генерального секретаря своего

верного подголоска Херардо Иглесиаса. Бывший шахтер, при Франко отсидевший пять лет в тюрьме за подпольную работу, он был не слишком популярен в партии из-за своего раболепия перед Каррильо. Но получив пост, Иглесиас сделал поворот на 180 градусов и заявил, что он никому не позволит быть "теневым генсеком". Через несколько месяцев он изгнал своего предшественника и учителя со всех партийных постов и разжаловал его в рядовые члены партии. Впрочем, линии Каррильо во внутрипартийных и международных делах он не изменил. КПИ по-прежнему исповедует идеи еврокоммунизма, хотя ее критика Москвы более умеренна, чем позволяют себе итальянцы. Сам Каррильо тем временем вовсе не ушел в небытие. На коммунистические демонстрации этот "рядовой партии" выводит не меньше сторонников, чем его сановный наследник, причем его гвардия охотно блокируется с пацифистами и социалистами. Наконец, после 49 лет пребывания в рядах ленинской гвардии, 12 сентября 1985 г. С. Каррильо зарегистрировал в мадридском МВД собственный бизнес — Революционную марксистскую коммунистическую партию. Правда, он тут же разъяснил, что зарегистрировано только название партии (и беззаботно добавил: "Вообще-то зарегистрировано было 3—4 названия"), на случай если его призывы к объединению трех главных коммунистических групп не будут услышаны. А уж тогда не взыщите...

Москва тоже не оставила своим вниманием Х.Иглесиаса. В январе 1984 г. по ее наущению догматическая фракция создала новую группу во главе с Игнасио Гальего, которая приняла название Коммунистической партии (Испании). По советским данным, в 1984 г. КПИ насчитывала 84 тыс. членов, а КП (И) — 25 тыс., но проверить эти данные трудно. Открытым вмешательством в дела испанских товарищей было присутствие делегаций (хотя и низкого номенклатурного уровня) братских партий на учредительном съезде партии Гальего. Глава делегации КПСС даже заявил, что новая партия — "единственная истинная защитница интересов рабочего класса". Вскоре после съезда новый авангард этого класса неизвестно на какие средства прикупил себе весьма представительное здание под ЦК. Впрочем, Иглесиас может утешаться тем, что за ним сохранилось признание компартий Югославии, Румынии, Кубы, Китая и, что весьма инте-

ресно, Венгрии. В конце прошлого года из КПИ вышел Рамон Тамамес, некогда популярный лидер молодежи. Он увел за собой еще одну группу коммунистов, создавших движение под названием "Прогрессивная федерация".

Разнообразные коммунистические группировки в Испании понимают, что поодиночке им не справиться и постоянно ведут переговоры о блокировании и создании коалиций. Однако опросы общественного мнения показывают, что на предстоящих в будущем году парламентских выборах их ждет еще более жестокий провал. ●

СОБЫТИЯ В ПОЛЬШЕ

Данные об участии граждан в выборах, состоявшихся 13 октября, опубликованы и правительством и "Солидарностью". Они несколько отличаются от сообщенных в предыдущем номере нашего журнала. По официальным данным в выборах в сейм участвовало 78,6% избирателей, по мнению "Солидарности" — 66%. К обеим цифрам следует относиться осторожно. К официальным — из-за возможности фальсификации, и не столько в центральной избирательной комиссии, сколько в низовых комиссиях. Давно известно, что во время выборов происходит своего рода соревнование между участковыми комиссиями за наибольший процент участия в выборах. Атмосфера такой гонки, цель которой — выставить себя перед властями в наилучшем виде, способствует различным манипуляциям, в результате которых могут появиться показатели, весьма далекие от истины. Правда, после выборов в местные органы власти в июле прошлого года несколько членов избирательных комиссий публично выразили сомнение в опубликованных ре-

зультатах. Возможно, это уменьшило масштабы "соревнования", но наверняка не устранило его полностью.

Вероятно, "Солидарность" проводила подсчеты более тщательно, но во-первых, проводились они не около урн, а у дверей избирательных участков. Сообщалось, что, по крайней мере в некоторых местах партийные активисты создавали "искусственное движение", входя и выходя из помещений по нескольку раз, чтобы запутать счетчиков "Солидарности". Во-вторых, до 15 октября "Солидарность" собрала сведения "только" по 1865 из 20,5 тысяч избирательных округов. В этих округах проживает около 15% граждан, имеющих право голоса. Расположены такие округа в крупных и средних городах. Поскольку села и небольшие города идут обычно на выборы более организованно, можно полагать, что фактический процент участия в выборах был несколько выше, чем рассчитанный "Солидарностью", но, разумеется, не столь высоким, как сообщили власти.

Думается, однако, что сведения "Солидарности" достаточно точно отражают положение в больших городах. Так, по данным "Солидарности", в Гданьске голосовало 59% избирателей, в приморском конгломерате городов (Гданьск—Гдыня—Сопот) — 67%, в Щецине — 70%, в Кракове — 58%, в Варшаве (без района Воля) — 60%, в городах варшавского воеводства — 65%. Самый низкий показатель (52%) отмечен в одном из кварталов Кракова. Ни в одном из крупных округов не отмечено случая, чтобы в голосовании участвовало менее 50% имеющих право голоса.

Расчеты "Солидарности" производились на основе единого для всей страны научного статистического метода. На местах ход наблюдений координировали уполномоченные по шести регионам, на которые была разделена страна. Данные региональных вычислительных центров (кстати, оснащенных ЭВМ) передавались в центр вычислений в Варшаве, также имевший компьютеры. По сообщению Конрада Белиньского, уполномоченного Временной координационной комиссии (ВКК) "Солидарности" по выборам, в течение двух дней были собраны данные о ста тысячах пятиминутных замеров, что соответствует 1041 полному рабочему дню. Столько рабочего времени отдали общественные счетчики — люди, которые по призыву ВКК решили вести наблю-

дения. Вероятно, по всей стране таких людей были десятки тысяч. К. Белиньский заявил: "Думаю, что наибольшее удовлетворение всем участникам операции принесло то, что нас оказалось так много и что труд наш был не напрасным. Сложилась отличная организация, совместными усилиями удалось получить нечто чрезвычайно ценное. Прежде всего, это – знание действительности. Для меня главной нашей целью не было доказательство того, что власти лгут, публикуя итоги выборов. Для этого такие большие усилия не нужны. Достаточно сообщений о фальсификации в нескольких избирательных комиссиях, чтобы подорвать доверие к общему подсчету. Для нас речь шла о большем. Мы хотели отобрать у властей монополию на знание нас самих. И мы можем сказать, что это удалось".

В ходе наблюдений возникали нередко комические ситуации. Один из общественных счетчиков целый час пролежал под автомобилем, делая вид, что занят ремонтом. На одном избирательном участке власти развернули в другую сторону скамейки у входа в помещение, чтобы наблюдатель, разыгрывающий случайного прохожего, решившего передохнуть, оказался спиной к выходу из участка. Одна из счетчиц вела наблюдение, делая вид, что разговаривает из уличной телефонной будки. Через несколько минут к ней подошел отменно вежливый человек в штатском и сказал: "Пани может не трудиться: телефон отключен еще вчера". Были моменты и не столь забавные. В Новой Гуте так называемый "актив" разогнал дубинками демонстрацию молодежи численностью в несколько сот человек. После этого представитель правительства по связи с прессой заявил, что дубинки были не милицеские, а какие-то другие.

Ярким завершением акции "Солидарности" в связи с выборами стала пресс-конференция для западных журналистов, которую дал в Варшаве скрывающийся в подполье член ВКК Збигнев Буяк. Он привел итоги общественных наблюдений и заявил, что хотя эти итоги несколько хуже, чем ожидалось, все же тот факт, что свыше 30% избирателей остались дома, показывает, что значительная часть общества, несмотря на отсутствие надежд на какие-либо близкие перемены в стране и на разного рода давление со стороны властей, по-прежнему сохраняет собственное достоинство и остается верной идеалам августа 1981 г.

* * *

В отличие от прошлогодних выборов в местные советы, власти решили применить репрессии против тех, кто ставит под сомнение опубликованные данные о выборах. Как по команде посыпались выступления членов различных избирательных комиссий, полные гнева по поводу обвинений в фальсификации. По следам таких выступлений власти начали следствие против Леха Валенсы, обвиняя его в подрыве репутации членов избирательных комиссий. За такое "преступление" предусмотрено лишение свободы до двух лет, ограничение права передвижения или штраф.

Власти выразили также недовольство позицией церкви, признав тем самым, что она также фактически присоединилась к бойкоту выборов. Как выяснилось, ни один епископ не принял участия в голосовании. Из общего числа священников и монахов, превышающего 10 тыс. человек, к урнам пришло лишь несколько сот. Не исключено, что отказ духовенства от участия в выборах станет для властей предлогом, чтобы окончательно отказать церкви в разрешении создать фонд помощи крестьянам. Однако примас Польши кардинал Ю. Глемп еще не потерял надежды и отложил решение о роспуске организационного комитета фонда.

* * *

Решение вопроса об амнистии, которую обещал Ярузельский во время поездки в США на сессию ООН, пока приостановлено. Возможно, об амнистии будет объявлено позднее. Власти, по-видимому, не хотят создать впечатление, что вопрос о политзаключенных является срочным. Однако он стоит на повестке дня: председатель ПДНВ (Польского движения национального возрождения – род "национального фронта") Ян Добрачиньский беседовал на эту тему с Ярузельским. Затем президиум ПДНВ официально обратился к властям с просьбой об "освобождении из мест наказания и задержания лиц, осужденных, а также временно задержанных за неуголовные преступления. В особенности это может касаться лиц, впервые арестованных и осужденных, прежний образ жизни которых... и нынешняя позиция позволяют предполагать, что в дальнейшем они не будут нарушать действующих норм права".

Такая формулировка не позволяет надеяться на освобождение Михника, Фрасынюка и Лиса, а также других известных деятелей оппозиции:

Мацея Полеского, Тадеуша Едыняка, Юзефа Телиги и Северина Яворского.

* * *

На первом заседании вновь избранного сейма было объявлено, что на посту премьер-министра ген. Ярузельского заменил Збигнев Месснер, 56 лет, экономист. О нем можно сказать пока лишь то, что это — "партийный профессор". Его научная карьера связана с Высшей экономической школой в Катовице, ректором которой он был перед назначением на пост вице-преьера. В ПОРП состоит с 1953 г. Профессионально достаточно бесцветен: ни догматик, ни "ревизионист". Это человек, близкий к Ярузельскому, наверняка не тип реформатора, скорее — сторонник медленных, осторожных и умеренных перемен в хозяйстве. Его назначение скорее всего указывает на то, что прежний курс в области экономики будет продолжаться.

Уход Ярузельского с поста в правительстве, разумеется, не означает, что он не остается человеком "номер один" в Польше. Он сохраняет пост первого секретаря ПОРП и, что весьма важно, — председателя так называемого Комитета обороны страны, состоящего главным образом из военных (его подлинный состав хранится в тайне). Этот комитет — весьма важный центр принятия политических решений также и в гражданских сферах. Он располагает развитым аппаратом инспекции, который периодически проводит оценку деятельности местных партийных и государственных органов и принимает конкретные решения (в том числе, по кадровым вопросам). Поэтому уход Ярузельского из правительства не представляется чем-то вынужденным, результатом неких интриг. Скорее речь идет о демонстрации для зарубежного общественного мнения: Польша, дескать, пришла к нормализации, и нет поэтому необходимости, чтобы государством руководило лицо, ставшее символом эпохи политического кризиса. Возможно, что речь идет о консолидации партии, которой Ярузельский из-за обилия текущих проблем не мог уделить достаточного внимания. Между тем в партии возникли тенденции, противоречащие политике Ярузельского. Его переезд из здания совета министров в здание ЦК приведет, вероятно, к возрастанию роли партийных пленумов в структуре власти, значительно ослабевшей в последние годы. Стало быть, это в какой-то степени воз-

врат к ортодоксальному принципу "руководящей роли партии".

Другие значительные персональные перемены произошли через несколько дней после перемещения Ярузельского: ушел в отставку министр иностранных дел Стефан Ольшовский, который одновременно покинул и Политбюро (как сообщается, по собственному желанию). Вместе с ним ушел и секретарь ЦК Казимеж Барчиковский, а также "левый" вице-премьер Мечислав Раковский.

* * *

С 1 ноября были отменены карточки на сахар, существовавшие почти девять лет. В свое время их введение стало первым сигналом возвращения к карточной системе, достигшей своего апогея в 1981 г. С 1 ноября сахар поступает в свободную продажу по цене 90 злотых за килограмм — на 15 злотых выше, чем цена по карточкам. С того же числа в трех воеводствах в порядке эксперимента вводится свободная продажа мяса на рынках по "сбалансированным" ценам. Открываются также так называемые "образцовые магазины", — эквивалент коммерческих магазинов эпохи Герека, где также можно будет купить мясо без карточек, но по рыночным ценам. Это небольшой шаг в направлении обещанной на конец будущего года отмены карточек на мясо. Пока еще мясо (а также бензин и уголь) ратионируются.

Наряду с такими признаками "нормализации" в хозяйстве, то есть возвращения к нормальным условиям торговли, в экономике возникли явления, дающие основания для беспокойства.

Хозяйственная машина работает на значительно более медленных оборотах, чем в прошлом году. Вместо запланированных 4% роста объема производства будет достигнуто едва 2,5%. Положительное сальдо во внешнеторговом балансе с Западом, составившее в прошлом году полтора миллиарда долларов, в нынешнем году не достигает и миллиарда. Это означает, что задолженность страны возрастет примерно на два миллиарда долларов. Плохо обстоит дело с капитальным строительством. Число объектов, сооружение которых было начато в нынешнем году, больше, чем запланировано, а число завершенных — меньше. Значит, стало больше бездействующих коробок, в которых заморожены средства.

Совершенно неэффективным оказался контроль над ростом доходов населения: доходы растут значительно быстрее, чем производство предметов потребления. В итоге у властей через короткое время может возникнуть необходимость новых повышений цен. Эти беспокоящие явления печать связывает с суровой зимой 1984/85 г. Такое толкование ошибочно. Главная причина состоит в том, что до сих пор ничего существенного не сделано для повышения общей эффективности хозяйствования. На это была нацелена экономическая реформа, но практически она заторможена. Некоторое улучшение экономических показателей в 1983–84 гг. было достигнуто в результате принятия мер, имеющих единовременный характер. К ним относилось увеличение добычи угля, сокращение импорта и увеличение экспорта продовольствия, увеличение доли материалов и запасных частей в импорте. Ныне положительное воздействие этих мер исчерпано, а дополнить их мерами, нацеленными на более длительную перспективу, не удалось. Поэтому наблюдается оживление кризисных тенденций. Если в деле проведения хозяйственной реформы не будет существенного рывка – а на это ничто не указывает, – наступающий 1986 год может стать для страны годом нулевого роста в экономике. ●

В. Кучинский

АФГАНСКИЙ КОДЕКС ЧЕСТИ – ПРОТИВ ИНТЕРВЕНТОВ

В сентябре в Кабуле состоялась Высшая джирга (совет старейшин) пограничных племен. По данным муджахеддинов, это было в основном совещание партийных и правительственных функционеров. Те же участники джирги, кото-

рые в эти круги не входят, получили за свое участие в ней от 20 до 30 тыс. афгани – в зависимости от ранга.

Гораздо более важным событием оказалось состоявшееся почти одновременно в районе Пешавара у Хайберского перевала (на пакистанско-афганской границе) совещание старейшин различных племен ветви зази, придерживающихся своеобразного кодекса чести пуштунов – "паштанвали". Пушту, или пуштуны – вариант самоназвания афганцев, по имени которых и назван Афганистан (в исторической литературе их называют "патаны"). В советской печати пуштунами предпочитают называть лишь ту группу этого этнического конгломерата, которая проживает вне Афганистана – главным образом, в Пакистане. Делается это для того, чтобы создать впечатление национальной разобщенности народа пушту (кроме пуштунов, составляющих половину населения Афганистана, страну населяют также узбеки, таджики, хазарейцы и многие другие народы).

Кодекс "паштанвали" (или "афганвали") – собрание норм, определяющих поведение мужчины. Важное место в нем занимает понятие "защиты чести", восходящее еще к доисламскому периоду. Племенные и религиозные разногласия, связанные с принадлежностью пуштунов к различным сектам ислама, языковым семьям и историческим образованиям, нередко ослабляются наличием общего кодекса чести. Они предписывают афганскому мужчине защищать от чуждого вмешательства три главных ценности: родину, женщину и имущество. Понятие вмешательства (на пушту – "тераи") трактуется весьма широко, как покушение на национальный и семейный суверенитет и на право собственности.

Совещание привело к объединению племен зази из провинции Пактия. После него состоялась пресс-конференция, созванная издателем ежемесячного бюллетеня "Муджахеддин Волас" Мухаммедом Хасаном Волесмалем. В ней приняли участие представители племен и хелай (подразделение мельче племени) ливани, хасан, бахрах, масса, ахмад, али. Было объявлено, что доктринальные соображения позволяют определить советскую интервенцию как "тераи" и, таким образом, забыв о разногласиях, возвести борьбу против интервенции в ранг священной войны ("джихад") в защиту чести. Как известно,

многочисленные разногласия во многом снижали эффективность борьбы муджахеддинов, и доктринальные вопросы играли в этих разногласиях немалую роль. Теперь, возможно, удастся в какой-то мере эти разногласия преодолеть.

Со своей стороны, кабульское правительство сделало жест признания важности ислама в национальной жизни, возведя директорат по делам ислама в ранг министерства.

Тем временем с обеих сторон продолжают гибнуть люди. Очередное советское наступление на долину Панджшер, самое крупное по количеству брошенных туда войск с момента начала вторжения в Афганистан, вновь провалилось. Войска интервентов и кабульских марионеток выведены из долины. ●

А. Залмаи

НГУЕН ШИ ТХЬЕН – ПОЭТ ЛАГЕРЕЙ.

Нгуен Ши Тхьен, по оценке своих сограждан и западных ориенталистов, – один из величайших поэтов в истории вьетнамской литературы – завершает 23-й год скитаний по лагерям и тюрьмам Социалистической Республики Вьетнам. Сведения о его жизни скудны. На Запад они проникли лишь недавно, в связи с выходом сборника стихов поэта "Цветы из ада". Товарищ Нгуена по тюрьме, живущий ныне в США, говорит, что он родился в июне 1933 г. в Ханое в семье вьетнамского инженера, работавшего во французской фирме. Он был младшим из пятерых детей. После победы коммунистов на севере семья пыталась перебраться в Южный Вьетнам, но это ей не удалось. Друзья юности описывают поэта как блестящего, остроумного молодого человека, за-

стенчивого с девушками, верного в дружбе. Он отличался необычайной памятью на стихи.

В 1958 г. руководители СРВ, следуя курсу Мао, провозгласили лозунг: "Пусть расцветают сто цветов". Наступила кратковременная оттепель, и Нгуен Ши Тхьен вместе с другими молодыми литераторами Хайфона решил основать журнал "Ви дан" ("Для народа"). Он обратился к местным руководителям, ответственным за культурную политику, чтобы получить разрешение. Поэт не мог знать, что "внутренняя партия" к тому времени уже решила сменить курс. Ему было велено идти домой и ждать решения. Решение пришло на следующий день в виде полицейского отряда. Дом обыскали, ранние романтические стихи поэта были конфискованы. Они послужили в дальнейшем доказательством того, что Нгуен и его друзья исповедуют идеи, враждебные коммунизму.

Поэт был приговорен к двум годам исправительных работ в лагере в провинции Йенбай, к северу от Ханоя. Пребывание в этом и в других лагерях Северного Вьетнама внесло в его поэзию новые мотивы.

Выпущенный на короткое время из лагеря в начале 1961 г., Нгуен вступил в весьма непрофессионально организованную антиправительственную группу "Доан кет" ("Союз и справедливость"), которая была быстро разгромлена. В ноябре того же года он был объявлен "недораз-

витым гражданином” и послан в лагерь для “перевоспитания”, в этот раз — на три года. Выйдя из лагеря в сентябре 1964 г., он пробыл на свободе лишь месяц. Следующие тринадцать лет он ведет жизнь воспетого Эрнстом Бушем “болотного солдата” в ужасающих джунглях Вьетнама.

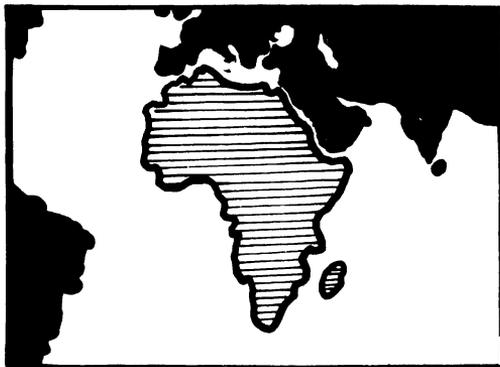
2 апреля 1979 г., вновь оказавшись ненадолго на свободе, поэт предпринимает отчаянную попытку донести свои стихи до мировой аудитории. Он проходит в английское посольство в Ханое и вручает пачку стихов британскому дипломату. В приложенном к рукописи письму на французском языке Нгуен Ши Тхьен просит опубликовать стихи “во имя миллионов невинных жертв диктатуры, уже погибших или медленно умирающих мучительной смертью в коммунистических тюрьмах”. По выходе из посольства его задержали. С тех пор поэт находится в тюрьме.

Британский дипломат передал рукопись Патрику Дж. Хони, специалисту по Вьетнаму из Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета. Благодаря ему копии стихов стали расходиться среди специалистов, а затем были опубликованы.

Публикация принесла поэту широкую известность в общинах вьетнамских беженцев, разбросанных по всему миру и насчитывающих несколько сот тысяч человек. Народный певец Фам Дыи, живущий в Калифорнии, переложил двадцать стихотворений на музыку.

В 1979 г. стихи Нгуена Ши Тхьена выходят в английском переводе (в издании Йельского университета), а затем на французском языке. Видные литераторы, среди них член Французской академии Пьер Эмманюэль, высоко оценили произведение вьетнамского собрата. Другой член Академии, также известный поэт, пишущий по-французски, бывший президент Сенегала Леопольд Сенгор обратился к премьер-министру Вьетнама Фам Ван Донгу с просьбой об амнистии для Нгуен Ши Тхьена. Ответ на письмо до сих пор не получен, хотя с момента его отправки прошел почти год.

Возможно, впрочем, что какое-то действие оно оказало. Вскоре после отправки просьбы Сенгора вьетнамский поэт был переведен из заштатной тюрьмы в Хайфоне в тюрьму Хоа Ло в столице СРВ Ханое. ●

ЭФИОПИЯ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОБМАНА

Абиссиния есть страна хлеба, масла и меда, кож и мяса. Обилие этих продуктов и дешевизна их, необыкновенное богатство почвы (местами до 30% органических остатков), обилие горных рек и ключей для искусственного орошения... должны сделать Абиссинию в ближайшем будущем страной большого мирового значения...

Доклад А. Кохановского, бывшего врача императорской миссии в Абиссинии министру иностранных дел С. Сазонову 1 июня 1913 г.

Смешно искать "очаги" Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии...

И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде ВКП(б), 10 марта 1939 г.

До эфиопской революции подавляющее большинство крестьян в стране были безземельными. В стране, находившейся под властью императора, 1% населения владел 70% всей пахотной земли. Эта вопиющая несправедливость должна была быть исправлена.

Каково положение в Эфиопии сейчас, 10 лет спустя? Кто выиграл от революции? Эфиопская партия труда, возглавляемая Менгисту Хайле Мариамом, не смогла добиться объявленных ею целей: поднять уровень жизни населения.

Согласно данным, опубликованным самим правительством, 7–8 миллионов эфиопов страдают от голода. Это свыше 20% населения страны. Голод обычно объясняют засухой. Однако связующим звеном между засухой и голодом является экономический и политический порядок в стране. Этот порядок может свести к минимуму тяжелые последствия засухи для населения или многократно увеличить их.

Эфиопия расположена в зоне, где часто происходят природные бедствия, оказывающие влияние на производство продуктов питания, — например, засуха. Пекущееся о народе правительство должно поставить в центр своего внимания именно заботу о производстве пищи.

Партия труда предала эфиопское крестьянство, когда она стала на путь создания крупных государственных ферм. Это противоречило объявленной самим же правительством сельскохозяйственной политике, согласно которой крестьянский сектор может произвести продукции достаточно для того, чтобы прокормить себя, население городов и обеспечить экспорт.

Мало того, 300 тысяч работоспособных крестьян были вынуждены покинуть свои хозяйства, ибо их призвали в "народную милицию". Военственная политика правительства с необходимостью привела к сильнейшей зависимости страны от Советского Союза. Задолженность Советскому Союзу, главным образом, за поставки военного снаряжения, достигла 3 миллиардов долларов. Так как СССР настаивал на скорейшей выплате долгов, правительство пошло по пути расширения государственных ферм, на которых выращиваются культуры, являющиеся источником иностранной валюты. В результате правительство игнорировало предостережение ООН, сделанное еще в 1982 г. о том, что стране грозит острая нехватка продуктов питания. Вместо того чтобы прислушаться к этому, правительство начало готовиться к торжествам по случаю 10-летия революции. В то время, когда миллионы людей голодали, на празднества было истрачено свыше 200 миллионов долларов.

Производство продуктов питания в крестьянских хозяйствах в течение последних нескольких лет неуклонно уменьшалось. Для того чтобы осуществить крупномасштабное расширение государственных ферм, правительство создало два министерства с огромным штатом чиновников: министерство развития государственных ферм и министерство кофе и чая.

Иностранную задолженность ликвидировать так и не удалось — исчезло даже единственное возможное оправдание политики предательства интересов крестьянства, во имя которых якобы и была проведена революция. Крестьянство в лучшем случае страдает от недоедания, в худшем — мрет от голода. А как обстоит дело в других областях?

Для эфиопской экономики характерна безудержная инфляция. Кофе, который в 1975 г. продавался в Аддис-Абебе по 3 быра за килограмм, теперь продается по 20, если его вообще удастся найти. А кофе — это основа национальной экономики. Хотя стоимость жизни неизменно возросла, зарплата увеличена только у военнослужащих. После 1974 г., когда марксистски настроенные офицеры захватили власть, не повышалась зарплата ни гражданских чиновников, ни служащих предприятий национализированной промышленности, ни даже работников новосозданных крупных сельскохозяйственных ферм. Пытаясь как-то заполнить все расширяющуюся пропасть между доходами и стоимостью жизни (или, точнее сказать, выживания), чиновники вынуждены прибегнуть к единственному оставшемуся у них средству — взяточничеству.

Взяточничество сегодня превосходит по своим размерам все то, в чем Менгисту в свое время обвинял бывшего императора. От этого страдают в первую очередь те самые люди, во имя которых была произведена революция: наименее обеспеченные. Возник новый класс — продажное чиновничество, дельцы черного рынка, которые извлекают выгоду из обрушившихся на Эфиопию несчастий.

Одно из самых отвратительных проявлений коррупции — продажа на черном рынке продовольствия, поступившего в порядке помощи голодающим от иностранных правительств. Коррупция проникла до самых высоких уровней руководства Партии труда: рыба гниет с головы. Коррупция неустраима, пока не устранены ее причины.

Полковник Менгисту

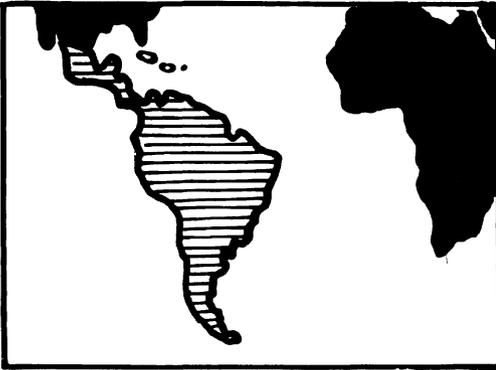
Кто же выигрывает в создавшейся ситуации? Военные? Они стали, по-видимому, привилегированным классом. Только они официально получают повышение зарплаты. Им выделяются специальные рационы и другие блага. Да, конечно, они члены нового класса, хотя по уровню доходов взяточники оставили их далеко позади. Однако их жалкие "привилегии" кажутся привилегиями лишь на фоне страданий, которые испытывает основная часть населения, жизнь их лишь немногим лучше, чем жизнь массы народа. И за это они обязаны дорого платить, совершая такие же преступления, во имя уничтожения которых революция совершилась. Их задача – поддерживать угнетение своих же братьев по всей Эфиопии. Военные, по сути дела, так же обмануты и преданы режимом, как и весь народ.

Выиграли ли профсоюзы, городской пролетариат, трудящиеся мужчины и женщины? Следуя опыту своих советских хозяев, Менгисту сурово

расправился с руководством Конфедерации эфиопских профсоюзов (КЕЛУ). Лидеры ее были либо убиты, либо заключены в тюрьмы, либо изгнаны за границу, либо принуждены к молчанию каким-либо иным образом. КЕЛУ была заменена так называемым Всеэфиопским профсоюзом (ЛЕТУ), который послушно штемпеует все предложения режима.

Замораживание зарплаты понизило доходы городских рабочих, и это в условиях худшей инфляции, которую когда-либо знала страна. Растет безработица, условия труда рабочих все более ухудшаются. Заявления об "овладении средствами производства" оказались для рабочего класса пустой риторикой. Советская модель профсоюзов лишила рабочих возможности заключать коллективные договоры и отдала их на милость режиму. Последние удары нанесли коррупция и инфляция. Нет, и городской рабочий класс ничего не выиграл, но очень многое потерял.

Д.Дересса (Эфиопия)

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НИКАРАГУА

Революционное правительство Никарагуа на седьмом году правления решило пойти на "обострение классово-борьбы." 15 октября объявлено о введении на двенадцать месяцев чрезвычайного положения и приостановке конституционных гарантий ряда основных гражданских прав. Формально отменена неприкосновенность личности: служба безопасности может производить обыски, задерживать любого гражданина без судебной санкции и держать его под арестом, сколько заблагорассудится. Отменена свобода собраний и слова, тайна переписки. Печать долж-

на проходить предварительную цензуру (до этого существовала только последующая цензура, перед которой издатель нес ответственность за уже опубликованные материалы). Рабочий класс, считающийся авангардом революции, лишен права на забастовки – мера, на которую не решился пойти даже военный режим в Польше. Заодно рабочих лишили и "тринадцатой зарплаты", завоеванной ими еще при кровавом режиме диктатора Сомосы. Министр внутренних дел Томас Борхе заявил, что ограничение гражданских прав не затронет работы парламента, деятельности "легальных" партий оппозиции и программы предоставления автономии индейцам мискито и другим этническим группам на атлантическом побережье страны.

Сразу же после введения чрезвычайного положения последовали действия: 134 человека были арестованы за "антиправительственную деятельность". Они были выведены на показательную пресс-конференцию и представлены в качестве информаторов повстанцев, саботажников и диверсантов. Сами партизаны – антисандинисты расценили пресс-конференцию как спектакль, призванный оправдать введение репрессивного порядка.

Польша была упомянута выше не случайно: расстановка сил в Никарагуа чем-то напоминает положение в этой восточноевропейской стране.

Президент Даниэль Ортега и его брат министр обороны Умберто Ортега: посты распределены по кубинской модели

Против действий сандинистов выступают профсоюзы, интеллигенция и католическая церковь. Есть в Никарагуа и свои специфические проблемы — например, вопрос о меньшинствах, в первую очередь индейцах мискито. В последние дни в их защиту выступили организации американских индейцев, о которых столь печется советская пропаганда. Американские индейцы выразили готовность послать добровольцев для борьбы за права своих собратьев. Первый раз чрезвычайное положение в Никарагуа было объявлено в 1982 г., в период относительных успехов антиправительственных повстанцев. Нынешний декрет введен в действие в условиях, когда положение правительственных войск сравнительно хорошее: им удалось потеснить повстанцев. Значит, не "внешняя угроза" — причина чрезвычайных мер, а внутренняя неустойчивость режима.

Сандинистская власть преуспела в подрыве отношений с церковью, что было непростой зада-

Обандо и Браво приветствует своих сторонников

чей. Как известно, в католической церкви Латинской Америки существует сильное популистское течение, так называемая "теология освобождения." Священники выступают против местных диктатур, за справедливые требования бедных слоев населения, занимаются социальной помощью жителям трущоб. Активисты этого течения способствовали победе сандинистов в Никарагуа и оказывали им духовную поддержку. Один из них — Мигель д'Эското Брокман вошел в сандинистское правительство в качестве министра иностранных дел.

Открытым противником диктатора Сомосы был и кардинал Мигель Обандо. Однако в отличие от Брокмана кардинал Обандо не поддержал и диктатуру, установленную сандинистами. Кардинал, постоянно критикующий режим, стал живым символом оппозиции. Власти пытались противопоставить ему раскольническую группу священников, назвавшую себя "народная церковь". В одном из своих выступлений член "народной церкви" Урбина Молина назвал даже кардинала Обандо "важной фигурой контрреволюции". Власти ограничили передвижение кардинала, стали препятствовать ему в проведении массовых богослужений. Священникам, организующим богослужения с участием кардинала, угрожают репрессиями. Однако, М.Обандо не теряет уравновешенного взгляда на события. В интервью еженедельнику "Ньюсуик" он заявил: "Я сознаю, что структуры латиноамериканских обществ должны пройти преобразования... Нельзя сказать, что революционный процесс обязательно переходит в тоталитаризм. Однако то, что произошло, должно послужить предостережением." ●

ЧТО МОЖЕТ СДЕЛАТЬ НАРОД, ЕСЛИ ЕМУ ДОВЕРЯТЬ?

С чем пришли стороны на встречу руководителей СССР и США в Женеве? С позицией советского руководства читатели знакомы достаточно хорошо, с американской позицией — гораздо хуже, преимущественно в искаженном изображении советской прессы. Мы публикуем речь советника президента США по вопросам национальной безопасности Роберта Макфарлейна, произнесенную им 19 августа в г. Санта-Барбара (Калифорния) на собрании двух гражданских клубов. Речь эта, в сжатой форме излагающая американский подход к проблеме советско-американских отношений, была замечена и в СССР и охарактеризована советской печатью как агрессивная и поджигательская. Читатель может теперь судить о ней сам.

Р. Макфарлейн принадлежит к высшему кругу лиц, которые непосредственно отвечают за формулирование основных целей и методов международной политики США. Таким образом, его суждения и оценки — это ответственное и компетентное изложение позиции американского правительства. Наш журнал уже неоднократно публиковал тексты выступлений крупных международных лидеров, считая, что советскому читателю важно знакомиться со взглядом ведущих государственных деятелей из первых рук. Такие публикации мы намерены продолжать и впредь.

В ближайшее время в Женеве состоится встреча президента Рейгана с генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачевым.

Если учесть колоссальные изменения, которые произошли в последнее время на Западе, а также возможности для изменений, которые сейчас, по-видимому, создались на Востоке, то можно сказать, что встреча эта состоится в момент поистине исторический. За последние четыре года мы в США, да и вообще на Западе, были свидетелями политического, экономического и социального обновления мирового масштаба.

Еще четыре года назад мы, казалось, были парализованы моральными и политическими последствиями Вьетнама и Уотергейта; наши экономические проблемы словно вышли из-под контроля, и разрешить их не представлялось возможным; соотношение сил в области вооружения изменилось в пользу СССР, что нашло свое отражение в растущем влиянии СССР в самых различных частях света: от Анголы до Эфиопии, от Индокитая до Афганистана и Никарагуа. Западные союзы испытали потрясения; многие государственные руководители от Парижа и Лондона до Москвы задавали себе вопрос: не сбились ли Соединенные Штаты с пути, смогут ли они вернуть себе ведущую положительную роль на мировой арене?

Сегодня картина совершенно иная. Президент Рейган оживил нашу экономику; основы нашей мощи восстанавливаются; советская экспансия остановлена, ее даже удалось потеснить на одном из маленьких островов в Карибском море. В целом Америка восстановила свое положение, она снова играет ведущую роль, и мир сейчас прочнее, чем вчера.

На советской части глобуса картина не так ясна, но, несомненно, есть определенные основания для оптимизма. Во главе советского государства встал новый руководитель — человек, которому не угрожают превратности избирательных кампаний и который поэтому имеет все шансы встретить наступающий двадцать первый век на своем посту.

Мы в Соединенных Штатах — народ оптимистов во главе с самым большим оптимистом в истории нашей страны, — мы надеемся на лучшее. Нас, правда, слегка отрезвляет сознание того, что оптимизм наш редко был оправдан. И все-таки мы верны себе. Но вступая в этот новый и, как мы надеемся, многообещающий период наших отношений с СССР, мы должны открыто и честно заявить как о наших целях, так и о наших опасениях, не скрывая ни надежд, ни тревог.

Сейчас в Кремле идет процесс глубокого анализа и пересмотра позиций. Чтобы принять разумные решения, советскому руководству надо знать, откуда и куда мы идем. Может быть, открыто высказывая наши опасения и разочарования, мы сможем как-то повлиять на образ мысли советского руководства. В этом и состоит цель моего сегодняшнего выступления.

Часто приходится слышать, что соперничество между нашими странами практически неизбежно и наша задача не в том, чтобы покончить с ним, а в том, чтобы держать его под контролем. Некоторые говорят, что после 1945 года существует лишь один способ покончить с этим соперничеством — способ слишком ужасный, чтобы даже подумать о нем. Но для многих других неизбежность нашего соперничества вызвана не просто чудовищным положением вещей в ядерный век. Причины его гораздо более глубокие, более старые и, как многие считают, неустранимые. Знаменитое предсказание Токвиля, сделанное им 150 лет назад, многие рассматривают почти как закон — закон, опирающийся если не на предписания разума, то на традицию.

Всякий, кто изучал конкретные проблемы, разделяющие наши страны, знает, что практические политические решения никогда не принимаются в предположении, что советско-американские отношения в ближайшем будущем радикально изменятся. Наоборот, мы должны рассматривать наше соперничество как данность и сделать все возможное в этой ситуации. Это, однако, не избавляет нас от обязанности подумать о том, что же все-таки лежит в основе нашего конфликта. Я много лет изучаю и обдумываю международные проблемы, я работаю в этой области, но никто еще не сумел доказать мне, что существует некий закон природы, по которому две мощные державы с большим населением, расположенные на противоположных половинах земного шара, обречены на постоянную вражду. Если они ссорятся, то, вероятно, по причинам иным, нежели их особое положение в мире, огромная численность их населения, их мощь или расстояние между этими державами.

Я думаю, что глубинные причины конфликта — суть вещи, которые можно и должно изменить. Если между двумя великими государствами существует военное соперничество, то причина этого не столько в наличии самого оружия как такового, сколько во взглядах этих держав на проблему обеспечения безопасности. Если имеет место геополитическое соперничество, то вызывается оно не географией, а тем, как эти державы определяют политическую безопасность и другие свои интересы. Если сталкиваются друг с другом идеи — ну что ж, и идеологии тоже не вечны. Некоторые политические идеологии являются источником творческой энергии, другие же представляют собой настоящие тюрьмы, держащие в заключении не только своих последователей, но и тех, кто вовсе в них не верит. Ничто так не губит человеческую энергию и творческие способности, как дурная идея. Но, как я уже сказал, идеи, на наше счастье, отнюдь не бессмертны. "Излечение реальностью", иначе говоря, временем и опытом, не проходит мимо них. Иногда, если повезет, от них удастся избавиться. Стены духовных тюрем рушатся. Хотя в наш век возведенного в закон фанатизма люди редко меняют свои предубеждения, это все же иногда происходит.

Из заявлений советских лидеров мы знаем, что в последнее время они уделяют большое внимание критическому анализу своей политики. Испытание временем оказалось, безусловно, очень суровым. Сам генеральный секретарь Горбачев призвал недавно по-новому взглянуть на все недостатки, отрицательные явления, на всякого рода ошиб-

ки. Он дал понять, что переоценка ценностей откладывалась слишком долго. По его мнению, необходимо больше порядка, больше научного подхода, больше важных решений по назревшим вопросам и т. д. и т. п. По словам Горбачева, все это потребует широкой мобилизации творческих сил, способности к перестройке, к тому, чтобы начать работать по-новому, не только в области экономики, но и в области социальной, культурной, идеологической и пр.

Все это неплохие слова, но вы согласитесь, что нам на Западе нелегко понять, что за ними скрывается. Мы не знаем, действительно ли происходит процесс коренных изменений. В прошлом видимость изменений лишь прикрывала все ту же жесткость прежней системы. Каким бы сторонником радикальных изменений ни был очередной новый руководитель, неизменно оказывалось, что тот, кто поднялся к власти в соответствии с правилами системы, навсегда остается ее пленником. Если процесс коренных изменений все же начался, то нам крайне трудно заметить это; мы не знаем, сможем ли мы внести свой вклад в этот процесс, и нам нелегко предсказать его результат. Но поскольку все это касается нас очень близко, мы вправе поставить в связи с этим ряд вопросов. Ответы на них в незначительной степени определяют нашу собственную политику. Я думаю, что советскому руководству также хотелось бы знать наше мнение о том, какого рода изменения были бы наиболее благоприятны для стабилизации советско-американских отношений. Иногда нам приходится слышать жалобы советских руководителей, что они не знают, чего мы хотим. Поэтому позвольте мне дать некоторые пояснения.

Начнем с вопросов военного характера. Я уже сказал, что механизм военного соперничества приводится в движение не наличием самого вооружения как такового, а тем образом мыслей, который управляет оружием, политическими доктринами, решениями и интересами, находящими свое выражение в организации, форме и размерах военной машины. В последние годы многие решения советского правительства были для нас весьма тревожны, ибо они показывали, что подход Советского Союза к вопросам безопасности весьма отличен от нашего. При этом я не имею в виду, что советские расходы на вооружение очень высоки, хотя они именно таковы. Не это сейчас беспокоит меня. Я хочу обратить ваше внимание на нечто совсем другое — на те решения советского руководства, которые привели к возобновлению гонки вооружений либо возникновению гонки в тех областях, где ее раньше не было.

Возьмем положение с химическим оружием. Отвращение и ужас западной общественности по отношению к этому виду оружия уступает по своей силе лишь отвращению к ядерному оружию. В прошлом наши правительства успешно справлялись с задачей контроля над этим ужасным средством ведения войны. Женевский протокол 1925 г. в течение многих лет был одним из общепризнанных и соблюдаемых соглашений о контроле над вооружением в истории. В результате у нас в США производство и технология химического оружия пришли в упадок, его запасы были крайне невелики. Мы не производили химического оружия в течение 15 лет. К сожалению, на советской стороне положение было совершенно иное, и игнорировать усилия СССР в области химического оружия стало более невозможным. Поэтому мы предложили сейчас модернизировать наши программы развития химического оружия. Конгресс против этой программы, и мы тоже пытались избежать этого.¹ В апреле 1984 г. президент Рейган направил вице-президента Буша в Женеву с предложением начать переговоры о полном запрещении химического оружия; переговоры, однако, пока не сдвинулись с места.

В связи с этим уместно задать вопрос: что же, собственно, выиграла советская сторона от возобновления гонки химического оружия? Особенно сейчас, когда это оружие

¹ В октябре с. г. Комитет Конгресса США отказался утвердить финансирование программ развития химического оружия. — Ред.

изготавливается (причем довольно дешево) и используется (весьма эффективно) малыми странами, — не является ли необходимость контролируемого запрещения химического оружия совершенно настоятельной?

Я хотел бы, чтобы это был лишь единичный случай. Но то же самое наблюдается и в вопросе, который занимал центральное место на советско-американских переговорах о контроле над вооружением в глазах общественности во время первого срока нашего президента, — в вопросе о ракетах среднего радиуса действия. Полезно напомнить историю. Вы, наверное, знаете, что в течение многих лет Соединенные Штаты не развивали своего арсенала ракет среднего радиуса действия в Европе; СССР же действовал иначе. В 50-х и 60-х годах западные страны разработали немало планов уравнивания советского превосходства, но все их пришлось один за другим по различным причинам оставить. В конце 60-х годов, в связи с началом разрядки, чувство тревоги по поводу создавшегося положения стало уменьшаться. Беспокойство военных о значительном преимуществе СССР в области ракет также теряло постепенно свою остроту: Советский Союз, казалось, не собирался обновлять свои ракетные силы среднего радиуса, и они постепенно устаревали.

Но затем произошла странная вещь. СССР начал усиливать свои ракетные силы, приняв на вооружение ракеты СС-20¹, один из наиболее опасных видов оружия, когда-либо разработанных странами Восточного блока. В результате союз НАТО оказался вынужденным принять контрмеры. В 1983 г., после двухлетних безуспешных попыток добиться заключения соглашения об ограничении средств доставки ядерного оружия среднего радиуса действия, Запад начал установку своих собственных ракет.

Вопрос об ограничении ядерных сил среднего радиуса действия сейчас исчез с первых страниц газет, и в этом, как мне кажется, есть положительная сторона. Теперь мы можем окинуть ход событий критическим взором и дать себе трезвый отчет в том, что же произошло. Конфликт между Западом и Востоком нашел свое выражение в проблеме, которая, казалось, давно отошла в сторону. Два вопроса приходят на ум, и я до сих пор затрудняюсь ответить на них: что, по мнению СССР, он выиграл от возобновления гонки вооружений в этой области? Что он выиграл в результате нескольких лет одно-стороннего превосходства, уповая на разобщенность Запада?

И, наконец, разрешите мне остановиться на весьма актуальном в данный момент вопросе: соотношении между наступательными и оборонительными стратегическими системами. Как вы, наверное, знаете, в 1972 г. США и СССР достигли договоренности о том, что ни одна из сторон не будет сооружать системы защиты от баллистических ракет. С тех пор Советский Союз установил систему обороны вокруг своей столицы, что было разрешено договором. Соединенные Штаты этого делать не стали. Обе стороны проводили исследовательские работы в этом направлении, что опять-таки не противоречит договору. Масштаб таких работ в СССР колоссален.

И вот, не нарушая рамок Договора об ограничении систем противоракетной обороны, президент Рейган предложил так называемую Стратегическую оборонную инициативу (СОИ) — пересмотр возможностей оборонительных систем. Это решение было принято главным образом по следующим двум причинам. Во-первых, колоссальное увеличение советского наступательного потенциала за последние десять лет поставило под угрозу способность наших вооруженных сил пережить первый удар; во-вторых, президент хотел выяснить, не удастся ли уменьшить неустойчивость ядерного баланса, если появится возможность отказаться от морально уязвимой доктрины ядерного возмездия. Как говорил неоднократно президент, это одна из самых обнадеживающих

¹ СС (SS) — принятое в странах НАТО обозначение для ракет типа "земля-земля" (surface-surface). Эта аббревиатура используется и в советских публикациях. — Ред.

возможностей нашего времени. Мы надеемся, что сможем таким образом внести вклад в обеспечение безопасности обеих сторон, особенно если нам удастся достичь соглашения на Женевских переговорах по ограничению вооружений. В ходе этих переговоров мы надеемся выяснить взаимные точки зрения на то, как обеспечить стратегическую стабильность. Каков же был ответ СССР? Советское руководство в своих публичных заявлениях, с которыми многие из вас хорошо знакомы, предлагает нечто такое, что, по нашему мнению, не поддается проверке и вообще не может быть предметом обсуждения: запрет всякой исследовательской деятельности в этом направлении — в то время как сам Советский Союз проводит самую обширную исследовательскую программу в мире. И при этом советские руководители беззастенчиво повторяют, что наша исследовательская программа рассчитана на то, чтобы добиться возможности безнаказанного первого удара.

Короче говоря, нам очень трудно наладить настоящий диалог. Памятуя о всем вышесказанном, мы не можем не задавать себе тревожный вопрос: будет ли Советский Союз готов к подлинному сотрудничеству в решении этой проблемы или будет придерживаться своей тактики "все или ничего"? Два приведенных примера — химическое оружие и ракеты среднего радиуса действия — показывают, что такая тактика не сослужила СССР хорошую службу.

От ответа на этот вопрос зависит очень многое. Президент готов пойти советскому руководству навстречу в поисках решения назревших проблем. Я могу снова подтвердить это. Однако если советское руководство не изменит своего подхода к проблемам безопасности, не изменит своего метода мышления, боюсь, что будет крайне трудно добиться даже незначительных улучшений. И гораздо менее вероятно, что процесс улучшения ситуации будет набирать силу.

Проблемы советско-американского соперничества выходят, конечно, за рамки чисто военных аспектов. Решающий вопрос состоит в том, как каждая из сторон определяет свои интересы во всем мире. Многие на Западе хотели бы увидеть признаки того, что способ мышления советского руководства по вопросам международной политики меняется. Некоторые из специалистов по этим делам утверждают, что СССР сейчас стал, как они говорят, "зрелой державой", что он больше не руководствуется старым ленинским принципом "чем хуже, тем лучше"; что идеологическая вражда по отношению к Западу не играет больше в его политике определяющей роли; что он не нуждается более в том, чтобы при каждом удобном случае без нужды подрывать американскую политику.

Такие изменения были бы, конечно, крайне важны. Но откуда мы знаем, так ли это? Критерием, очевидно, является только практика. Когда этот вопрос обсуждается в Москве, советское руководство должно понимать, что у нас перед глазами примеры Афганистана, Кубы и Ливии.

Возьмем Афганистан. Сто двадцать тысяч советских солдат ведут там самую жестокую войну из всех, идущих сейчас на земле. С какой целью? Ответить не так легко. На Западе некоторые полагают, что Советский Союз инспирировал коммунистический переворот 1978 г., который предшествовал вторжению 1979 г. Как вы, наверное, знаете, советские официальные лица и комментаторы советских газет и радио постоянно повторяют, что СССР не был замешан в этот переворот. Мы не знаем, так ли это, но мы можем задавать вопросы по поводу советской политики, чтобы прояснить ее цели.

Если Советский Союз на самом деле хочет отмежеваться от всего происшедшего и показать, что он не заинтересован в разжигании подобных конфликтов, то почему тогда 120 тысяч солдат защищают в Афганистане маленькую кучку людей, осуществивших переворот, от сопостыляющегося афганского народа? Советские представители говорят, что СССР заинтересован в дружественном Афганистане на своей границе. Мы можем

понять такое желание, но как нужно было добиваться такой дружбы? По нашему мнению, то, что делает сейчас Советский Союз в Афганистане, только увеличивает ненависть афганского народа к СССР. Есть ли у советской стороны в запасе невоенная стратегия решения этой проблемы? Если есть, мы готовы помочь претворить ее в жизнь.

Или возьмем Ливию. Мало найдется на свете правительств, если они вообще есть, для описания политики которых так подходит фраза "чем хуже, тем лучше". Полковник Каддафи верен этой традиции провокаций и извлечения выгод из беспорядков и неустойчивости. Естественно, что США задают самые серьезные вопросы в связи с советской поддержкой полковника Каддафи. Приведем всего лишь один пример. Учитывая проблему терроризма в этой части мира, какой цели служат поставки полковнику Каддафи советских подводных лодок? Или, если вспомнить о бесконечной войне между Ираном и Ираком, какой цели служат поставки полковнику Каддафи советских ракет, которые потом переправляются в Иран, откуда их затем запускают в центр Багдада — столицы государства, с которым у СССР заключен договор о дружбе и взаимопомощи? Можно ли это назвать дружбой и взаимопомощью? Американцы с полным правом спрашивают: если советская политика не следует принципу "чем хуже, тем лучше", то не должны ли в таком случае отношения СССР с полковником Каддафи быть совершенно иными?

Наконец, возьмем Кубу. По подсчетам наших специалистов, поддержка Кубы обходится Советскому Союзу в пять миллиардов долларов в год. Для сравнения скажу, что примерно столько же мы предоставляем ежегодно Египту и Израилю, вместе взятым, а население обеих стран в пять раз больше населения Кубы. Иными словами, Кубе советская сторона придает огромное значение. Но чем это вызвано? Честно говоря, нам представляется, что главная выгода, которую отсюда извлекают, это использование Кубы — кубинских вооруженных сил, кубинских советников, кубинских баз и т. д. — в наступательных целях.

Кубинская политика за последние десять лет — явление чрезвычайное, тем более чрезвычайное, что в подобной политике не было никакой необходимости. В течение первых десяти лет после карибского ракетного кризиса 1962 г. Куба не была камнем преткновения в советско-американских отношениях. Сейчас она им стала. Кубинские военнослужащие принимают участие в войнах на двух континентах и, несмотря на международное давление со всех сторон, вовсе не намереваются возвращаться домой. Все та же картина, что и с химическим оружием или ракетами в Европе. Советский Союз разжег потухший уже было источник конфликтов. Выиграл ли он что-нибудь от этого? Мы надеемся, что такой вопрос задают себе и в Москве.

Не должно быть никаких сомнений в том, что Соединенные Штаты в состоянии справиться с трудностями, возникающими на их пути. Дело не в этом. Конечно, нам придется уделять больше внимания безопасности Пакистана, чем мы это делали несколько лет назад, — но мы справимся с этой задачей. Точно так же нам приходится уделять гораздо больше внимания, чем обычно, безопасности Сальвадора, но мы справимся и с этим. И мы не смотрим сквозь пальцы на проблемы, создаваемые Ливией ее соседям, среди которых есть верные друзья Соединенных Штатов. Вопрос состоит в том, какое воздействие оказывает все это на советско-американские отношения, соответствует ли это воздействию тому, чего хотела бы советская сторона? Упомянутые действия СССР отчетливо показывают нам, чем руководствуется советская политика. Все это весьма затрудняет улучшение положения в других областях. И можно не сомневаться, что из-за этого даже те небольшие успехи, которых нам удастся достигнуть, останутся лишь отдельными, изолированными шагами, что достижения эти будут неустойчивыми.

Я хотел бы добавить, что заявления советских руководителей об их долге поддерживать другие "социалистические" страны сути дела не меняют. Для нас это означает поддержку других правительств, угнетающих собственное население. Мы считаем, что

социализм советского типа принес многим великим народам немало тягот и страданий, ограничил развитие их творческого потенциала. Мы глубоко убеждены в этом. Советское руководство с этим, разумеется, не согласно, но дело не в этом. Я надеюсь, что советские руководители подумают о другом: оправдана ли такая советская поддержка даже с их собственной точки зрения. Мы на Западе помним, например, слова генерального секретаря ЦК КПСС Андропова о разнице между строительством социализма и простым провозглашением его.

Мы надеемся, что размышления такого рода сумеют пробудить сомнение в том, соответствует ли советская политика подлинным интересам Советского Союза.

Пока что я говорил о военно-политических вопросах, омрачающих наши отношения. Эти проблемы являются центральными, на них сосредотачиваются наши переговоры. Я мог бы остановиться еще на целом ряде вопросов — от Польши до нераспространения ядерного оружия. Но как бы ни были они важны, здесь вряд ли возможны серьезные изменения. Честно говоря, самое прочное и далеко идущее улучшение советско-американских отношений, а возможно и отношений СССР с почти всеми странами мира, было бы вызвано событиями внутри самого Советского Союза.

Когда американцы поднимают вопрос о правах человека перед советскими представителями, они знают, чего следует ожидать. Советская сторона считает, что мы вмешиваемся во "внутренние дела" СССР. Им отлично известно и то, что мы обычно им отвечаем: многие из этих "внутренних дел" имеют прямое отношение к обязательствам, записанным в Заключительном акте Хельсинкских соглашений. Речь идет об обязательствах, которые СССР принял добровольно.

Это немаловажный вопрос. К подписанным соглашениям нужно относиться серьезно. Но это не главная причина, по которой американцы проявляют интерес к правам человека и демократии. Причина даже не в том, что мы верим в мораль в политике, не в наших симпатиях к советским евреям, которые хотят эмигрировать и не могут этого сделать. Нет, основная причина — та, что прогресс в этом направлении имел бы колоссальное воздействие на международные отношения, на то, каким образом мы ведем дела друг с другом.

Когда президент Рейган был в Китае в апреле 1984 г., он произнес речь, которую с полным правом можно отнести к числу наиболее откровенных речей, когда-либо произнесенных главой государства при посещении страны с иной политической системой. Суть его речи была проста: "Доверяйте народу." Для нас это вещь самая очевидная, но многие идеологи XX века основываются на недоверии к народу, на убеждении, что народ в принципе неспособен справиться со своими собственными делами. И так как вопрос этот весьма важен, позвольте мне вкратце изложить, что означает доверие к народу на практике. Оставим чувства в стороне и обратимся к конкретным вещам. Что может сделать народ, если ему доверять?

Во-первых, только сами люди могут радикальным образом увеличить продуктивность сельского хозяйства. Любой другой рецепт безнадежен. Более двадцати лет назад компартия СССР обвиняла компартию Китая в том, что, по ее мнению, "если весь народ ходит в лаптях и хлебает жидкий суп из общей миски, то это и есть коммунизм". Сегодня таких саркастических обвинений уже не предъявишь. За последние семь лет производство продуктов сельского хозяйства в Китае удвоилось. А вот пример Индии. Премьер-министр Р. Ганди во время своего недавнего визита в США рассказал нам об успехах индийского сельского хозяйства, достигнутых путем увеличения стимулирования. Сегодня Индия стала экспортером зерна. Как? Это сделал народ.

Во-вторых, только сами люди могут осуществить научно-техническую революцию. Именно они совершают ее в тех странах, где происходит наиболее быстрый экономический рост. Научно-техническая революция не может быть осуществлена никаким ми-

нистерством и никаким центральным планированием. В США экономика развивается под лозунгом децентрализации, — так, например, происходит поразительный рост новых компаний, предлагающих технологические средства обработки информации и др. В упомянутой уже речи в Китае президент Рейган сказал: "Можете не сомневаться: те, кто пренебрегают этой жизненно важной истиной, обрекают свои страны на все большее отставание..."

И наконец, только сами люди могут оживить национальную культуру, культуру как в самом высоком, так и в обыденном смысле, культуру развлечений и культуру просвещения, изобразительное искусство и литературу, музыку и кино. Только сам народ может справиться с болезнью, добиться национального самовыражения и самоуважения. Никакое министерство культуры тут не поможет.

Каждый народ справляется с этими задачами по-своему. Культуры развиваются по-разному. Китай остается и китайским, и социалистическим. Но в любом случае, дабы преуспеть в выполнении названных задач, люди нуждаются в том, чтобы были выполнены некие основные требования: им нужна свобода принимать решения, думать своей головой, иметь возможность учиться друг у друга, знать правду об экономической и общественной жизни своей страны. Им нужно избавиться от возведенной в закон секретности, которая в других странах мира считается абсурдной и вредной. Им нужно знать простые вещи, например, каков урожай зерновых в прошлом году, но надо знать и о том, что происходит в большом мире. Они должны иметь возможность поехать за границу, если захотят. Если они лишены всего этого, нельзя ждать от них многого.

Обращаясь к советским руководителям, я хотел бы сказать, что все это — не романтические идеалы, а практические требования, необходимые для достижения их же собственных целей. А также и одной из наших целей — ибо все это есть ключ к преобразованию отношений между Западом и Востоком.

В заключение разрешите мне вернуться к тому, что я уже сказал в начале: планируя нашу политику, мы не ожидаем радикального изменения отношений между Западом и Востоком. Мы пытаемся постепенно их улучшать, и мы ценим даже малые практические шаги. Советское руководство должно знать, что президент Рейган готов терпеливо и методически делать шаг за шагом, но, планируя каждый последующий шаг, мы ставим его в зависимость от того, что мы получили в ответ на предыдущий.

В настоящее время, когда в Кремле идет процесс переосмысления политики, мне кажется, что мы должны потребовать большего и от самих себя, и от советской системы. Мы должны понять, что те, кто ищет лишь небольших улучшений, очень часто не получают ничего. Мы приветствуем косметические улучшения, но понимаем значение и ценность крупных сдвигов. Мы должны задавать такие вопросы и настаивать на таких ответах, которые могли бы указать путь к этим сдвигам. ●

В Овальной комнате Белого дома.
Слева направо: Дж. Шульц, Р. Макфарлейн
Д. Риган, Р. Рейган

ЕЛЕНА БОННЭР ЕДЕТ НА ЛЕЧЕНИЕ

В октябре–ноябре 1985 г. в западной прессе распространились самые противоречивые слухи о возможной судьбе А.Д.Сахарова и его жены Е.Г.Боннэр. Начало положил известный западногерманский журнал "Шпигель", сообщивший о том, что между СССР и США идут якобы переговоры об освобождении А.Сахарова и А.Щаранского. "Шпигель" утверждал даже, что "А.Щаранского освободят первым, а А.Сахарова – позднее". Несколько позже люксембургское радио передало аналогичное сообщение, но в нем упоминался уже только один А.Щаранский. Вся история благополучно умерла в конце месяца, когда журналист Виктор Луи – рупор КГБ на Западе – назвал эти сообщения чепухой.

28 октября неожиданно появилось другое сообщение, на этот раз в западногерманской бульварной газете "Бильд", уже неоднократно получавшей информацию о А.Сахарове и Е.Боннэр – тогда, когда советским властям это было по разным причинам необходимо. Посредником служил, как всегда, тот же Луи. "Бильд" сообщила, что Елене Боннэр дано разрешение на выезд за рубеж для лечения: "она может ехать немедленно, куда хочет". По информации "Бильда", для того чтобы такого разрешения добиться, А.Сахаров вновь проводил голодовку. Е.Боннэр разрешено провести на Западе 2-3 месяца и вернуться назад.

На другой день В.Луи подтвердил, что выездная виза Е.Боннэр уже выдана. Он пояснил, что это "не билет в один конец. Она все еще отбывает ссылку. Виза выдана для лечения, она может ехать куда угодно – в Израиль, в Ливан, в Нью-Йорк". Что касается самого А.Сахарова,

ВЕСТИ ИЗ СССР

то "он не обращался за визой и остается в Горьком".

30 октября сообщение о предстоящей поездке Е.Боннэр подтвердил посол СССР в ФРГ В.Семенов, а позднее и государственный секретарь США Дж.Шульц после встречи с советским послом А.Добрыниным. В Москве в тот же вечер у пустующей квартиры Сахаровых был вновь установлен милицкий пост.

31 октября Е.Боннэр прислала телеграмму своим друзьям в Москве, в которой подтверждает, что получила разрешение на выезд и намерена отправиться в путь в конце ноября 1985 г., после того, как она закончит приготовления к тому, чтобы А.Сахаров провел зиму без нее.

Пока шли все эти сообщения, все еще оставалось чувство неуверенности и тревоги – непонятно, почему, если Е.Боннэр было дано разрешение на выезд, она сама не может связаться хотя бы со своими близкими, проживающими в США и сообщить им об этом лично. Родственники А.Сахарова и Е.Боннэр неоднократно пытались вызвать Е.Боннэр к телефону и все время – безуспешно. Наконец, московская телефонистка неожиданно "посоветовала" им: "попробуйте в понедельник."

И действительно в понедельник 4 ноября разговор состоялся, и у телефона оказались оба – и Е.Боннэр, и А.Сахаров. Они подтвердили, что Е.Боннэр, действительно едет на лечение. 21 октября ее неожиданно вызвали в ОВИР, а 24 она получила разрешение на выезд. Накануне, 23-го, она "воссоединилась" с А.Сахаровым, из чего следует, что они были разделены. Где были тот и другая – пока неясно. А.Сахаров, насколько можно судить, вновь голодал, добываясь для Е.Боннэр разрешения на выезд. Он потерял около 20 кг и сейчас медленно поправляется.

Серьезно ухудшилось общее состояние его здоровья, в частности, обострилась болезнь сердца.

Телефонный разговор 4 ноября был первым (за 6 лет) разговором А. Сахарова с близкими за рубежом. Подтвердилось то, что он жив, и самые худшие опасения, к счастью, не сбылись.

К тому времени, когда этот номер выйдет из печати, Елена Боннэр, если ничего не случится, уже будет на Западе и начнет лечение. ●

МАРКС ПРОТИВ КРИШНЫ

Культура и философия кришнаизма принадлежит к числу старейших в мире – если вообще не является старейшей. Первые ее письменные памятники созданы не менее 5 тысяч лет назад.

В 1965 г. Бхактиведанта Свами Прабхупада, приехавший в Нью-Йорк из Индии, основал там "Международное общество сознания Кришны" (МОСК), более известное ныне как "движение Харе-Кришна". Вскоре оно получило международную известность своими попытками связать культуру древней Индии с западным миром XX столетия. Отделения МОСК были созданы в 65 странах.

В 1971 г. АН СССР пригласила в Москву одного из руководителей МОСК Шрилу Прабхупаду. Как позднее выяснилось, смысл визита стороны понимали по-разному. Шрила Прабхупада ожидал, что сможет выступить перед большой советской аудиторией с изложением идей своего движения. Выяснилось, однако, что единственным его слушателем будет советский индолог проф. Г. Г. Котовский, подписавший приглашение. Представитель МОСК был очень разочарован, однако визит его неожиданно оказался не без последствий.

Во время визита секретарь Шрилы Прабхупады случайно встретил на улице московского техника Анатолия Пиняева. Необычный вид чужеземца в просторных белых одеждах и с бритой головой привлек внимание молодого москвича. Прабхупада пригласил Пиняева в гостиницу. После нескольких встреч с индийцем Анатолий сделался убежденным последователем философии кришнаизма.

Сам Шрила Прабхупада позднее с восточной цветистостью говорил, что подобно повару, который по одному зернышку риса определяет го-

товность целого блюда, так и по тому, как жадно Пиняев воспринял учение Кришны, он, Прабхупада, понял, что к тому же готовы и миллионы других русских.

Пиняев действительно стал не только верным последователем движения Харе-Кришна, но и активнейшим его пропагандистом. Благодаря его усилиям – А. Пиняев много разъезжал по стране с миссионерскими целями – в ряды последователей Харе-Кришна влилось множество новообращенных. Большую роль в пропаганде кришнаизма в СССР сыграла 2-я Московская книжная ярмарка 1979 г., на которой имелся стенд книжного фонда Бхактиведанта, издающего кришнаитскую литературу. Пророчество Прабхупады о миллионах русских кришнаитов пока не сбылось, но в настоящее время в СССР насчитывается 200 "посвященных" членов движения Харе-Кришна и более десяти тысяч людей, практикующих кришнаизм как религию.

Возникновение независимого движения кришнаитов, без инициативы и одобрения "сверху", разумеется, не могло не привлечь внимания советских властей, читай – КГБ. В 1980 г. СССР посетил духовный учитель Харе-Кришна для Советского Союза Роберт Кампаньола в сопровождении представителя книжного фонда Бхактиведанта Давида Якупко. Было условлено, что в Риге в Доме культуры состоится лекция Кампаньолы с демонстрацией программы "киртан" (пения гимнов Харе-Кришна). Вместо лекции, однако, состоялся визит сотрудников КГБ, которые задержали Кампаньолу и Якупко, а вместе с ними – приехавшего в Ригу Пиняева. После допроса с пристрастием иностранцам разрешили продолжать путешествие по стране, однако категорически воспретили какую бы то ни было пропаганду Харе-Кришна. В знак протеста Кампаньола и Якупко предпочли покинуть СССР.

Вскоре против кришнаизма в СССР была официально открыта кампания. Начал ее ген. С. Цвигун, тогдашний зам. председателя КГБ, в статье в журнале "Коммунист". В числе опасностей, грозящих нестойкому советскому населению, он назвал западную культуру, поп-музыку и движение Харе-Кришна.

От слов быстро перешли к делу. В 1981 г. в Красноярске был арестован первый кришнаит – Евгений Третьяков, организатор кружка йоги при местном доме культуры. С тех пор аресты

членов движения Харе-Кришна в СССР стали явлением чуть ли не обычным.

В начале 1982 г. в Москве были арестованы кандидат физико-математических наук Владимир Критский и Сергей Куркин, которые незадолго до этого заявили о желании официально зарегистрировать свое религиозное объединение. Вместе с ними арестовали и Анатолия Пиняева, однако сначала его направили на экспертизу в психбольницу, откуда он бежал. В декабре того же года всех троих судили (Пиняева заочно) и приговорили к разным срокам заключения. Пиняева приговорили к принудительному лечению, и когда его весной 1983 г. все же арестовали, он попал на "вечную койку" в Смоленскую спецпсихбольницу. Трагична судьба Критского: получив 4 года лагеря, он не прекратил своей миссионерской деятельности и перед концом срока был вновь арестован и получил еще 4 года. Сам он себя рассматривает как "постоянного" заключенного.

Большинство кришнаитов судят по ст.227 Уголовного кодекса РСФСР — "Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов". Как "посягает" на личность и права пение мантрических гимнов и курение благовоний, понять трудно. Антисоветской деятельностью кришнаитов не назовешь, да власти и не пытаются. За всю историю советского кришнаизма — а сейчас находятся в заключении уже около 30 человек — можно припомнить лишь один случай, когда ее последователь "замахнулся на власть", но и он имеет почти анекдотический характер.

Ижевский кришнаит — художник Леонид Галкин "вступил в телепатическую связь с обитающими в космосе существами" (не космонавтами, но существами высшего порядка). Результаты своего общения с ними Галкин изложил на 80 страницах рукописи. Среди множества советов о пользе вегетарианства, полового воздержания и т.д. обнаружился один абзац, в котором "обитатели космоса" высказывают свое нелицеприятное мнение о Л.И.Брежневe. Этот абзац стоил художнику-кришнаиту 3 лет лагерей.

В 1982–1984 гг. то из одного, то из другого города Советского Союза приходили сообщения об арестах кришнаитов. Перечислить их всех здесь нет возможности. Отметим лишь трагическую судьбу москвички Ольги Киселевой, специалистки по литературе Таиланда. Ее аресто-

вали беременной. Когда она была на восьмом месяце, ее судили. В московской тюрьме "Матросская тишина" она и родила дочь Марику, которая вскоре умерла в заключении. Что, как не это, можно назвать "посягательством на личность и права граждан под видом исполнения правосудия"? Но такой статьи в Уголовном кодексе нет...

Собрание советских последователей движения Харе-Кришна
(лица закрыты из соображений безопасности)

Пожалуй, наибольшего размаха репрессии против кришнаитов достигли в этом году. Весной была разгромлена община кришнаитов в маленьком городке Курджиново в Карачаево-Черкессии. Были арестованы: Алексей Байда, Владимир Кустря, Сергей Приборов, Юрий Федченко и Валентина Самойлова. Все они получили от 4 до 5 лет лагерей каждый.

В Армении летом прошло около 20 обысков у кришнаитов и около 60 человек было вызвано на допрос — после того, как они обратились с просьбой зарегистрировать свою церковь. Тогда же был принудительно госпитализирован в психбольнице Сергей Касьян, сын известного армянского академика М.Касьяна. Арестован бывший студент-геолог Арик Акоюян.

В Сухуми ожидают суда два кришнаита — Яков Диджевадзе и Рафаэль Янашвили. Там же милиционеры жестоко избили на улице супружескую чету — Теймураза Багишвили и Мадонну Мампория: они распространяли "Бхагавадгиту." В Вильнюсе упрятали в психбольницу Саулюса Дагиса. Двое, как сообщают, арестованы в Киеве.

Борьба с древнеиндийской "антисоветчиной" приобретает все больший размах. ●

В КУЗНИЦЕ МАРКСИСТСКИХ КАДРОВ

9 июля 1984 г. в "Правде" был опубликован репортаж собственного корреспондента в Анголе М. Зеновича о выпускниках советских вузов,

ежегодно собирающихся в Центре русского языка в Луанге. Зенович пишет, что "на этих встречах однокашники вспоминают студенческие годы, произносят слова благодарности в адрес преподавателей", одновременно не забывая обсуждать вопросы своей "ответственности за судьбы мира и разрядки, за будущее человечества".

Наверное, ответственные работники международного отдела ЦК КПСС по сегодняшний день добрым словом поминают покойного Н. С. Хрущева, успевшего создать основную учебную базу для формирования и подготовки профессиональных и последовательных защитников теории "революционного преобразования мира" – Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Наверное, они улыбаются, вспоминая, как ловко Никита Сергеевич обвел вокруг пальца "мировую буржуазию", которая не только поощрительно отнеслась к идее создания советского центра обучения студентов из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, но и дала деньги на расширение и укрепление этого вуза. Советским представителям в ЮНЕСКО удалось убедить своих капиталистических коллег, что университет создается как неправительственная организация и существовать будет якобы только на деньги советских профсоюзов, Обществ дружбы, Красного креста и так далее. И помощь в долларах непрерывным потоком потекла в советскую государственную кассу, где она, разумеется, отпущалась на нужды университета уже в рублях. Сам же университет Патриса Лумумбы получил международное признание. Теперь стало возможным вполне официально воспитывать из афро-азиатско-латиноамериканской молодежи специалистов. Только скоро встал вопрос – каких специалистов?

Первый гром грянул в 1963 г., когда принц Сианук, тогдашний правитель Камбоджи, вдруг отозвал всех своих студентов, обвинив Советский Союз в том, что в Москве, в стенах вышеуказанного учебного заведения готовятся наемники и террористы. Масла в огонь подлили некоторые западные профессора, которые нашли, что организованная было в университете кафедра военных знаний как-то не вяжется с лумумбовским девизом: "За мир, независимость и социальный прогресс!" Да и вообще, расположение УДН в бывшем здании Военно-политической академии, да еще напротив вечно дымящего московского крематория, тоже не очень вдохновляло.

Назревающий скандал удалось ликвидировать, высмеяв Сианука за беспочвенные страхи в печати и объявив его китайской марионеткой. А неосознательным западным ученым и помощникам из ЮНЕСКО объяснили, что военная кафедра была создана по просьбе советских студентов, обучающихся на факультетах совместно с иностранцами. И когда, мол, последние идут на занятия по русскому языку, их советские друзья изучают устройство автомата. Объяснение было принято, однако пришлось начать строительство нового университетского комплекса, а кафедру убрать.

Как известно, "свято место пусто не бывает" – военную кафедру заменили кафедрой общественных наук, введя таким образом для советских студентов обязательное обучение марксизму-ленинизму, а для иностранцев – в "добровольно-принудительном" порядке.

Партийная организация УДН предложила всем землячествам иностранцев в Университете делом ответить на комсомольский призыв: "Построить свой университет своими руками!" А конкретнее – одну субботу в каждом месяце бесплатно отработать на строительстве нового университетского комплекса, фундамент которого заложили подальше от глаз людских, в 42-ом квартале Юго-западного района столицы.

К чести иностранных студентов следует сказать, что они довольно быстро разобрались, что значит "работать по-коммунистически". Так что с выполнением сокровенной мечты начальства – отпраздновать десятилетие УДН в новом светлом и просторном здании – пришлось несколько повременить.

Однако в ЦК расценили предстоящий юбилей как "событие важного международного значения" и предоставили кремлевский Дворец съездов в однодневное пользование лумумбовской молодежи. На такую же мелочь, как перечисленные университетской кассой в фонд государства 75 тысяч рублей за право пользоваться первой сценой страны, можно было не обращать внимание. Пробитую брешь в университетском бюджете с лихвой восстановили выемкой соответствующих вкладов из фондов ЮНЕСКО.

Ректор Румянцев и секретарь парткома Белоус по этому случаю решили, что университет должен иметь свой собственный гимн. Старый *Gaudeamus*, как слишком буржуазный, студентам, борющимся за "социальный прогресс", был не к лицу. Тихон Хренников, однако, сочинил вместо

ождаемой мелодии бравурного марша что-то тягуче-несуразное. Переделывать было слишком поздно, и сверху спустили приказ: сыграть и забыть. Так что "Марш лумумбовцев" прожил короткую, но счастливую жизнь. Впервые исполненный во время торжественного концерта на кремлевской сцене, он там же благополучно и скончался.

Отзвучали фанфары, отгремели салюты и после демонстрации всему миру живучести, нужности и полезности Университета дружбы народов им. П. Лумумбы пришел черед подвести реальные итоги его существованию.

Вот тут-то и выяснилось, что бывшие выпускники как-то не горят желанием "строить социализм" в своих странах. Да и вообще, не проявляют особого рвения возвращаться к себе на родину, а все больше обосновываются в Западной Европе, предпочитая построению "светлого будущего" хорошую зарплату в марках, гульденах, франках или фунтах.

Были приняты крутые меры: приостановлена выдача выездных виз на Запад университетским студентам во время первых трех лет обучения. Как-то чересчур быстро разобрались молодые иностранцы, что советская держава страдает тяжелым недугом, имя которому – хронический дефицит абсолютно во всем. А потому экспортно-импортные отношения с Западным Берлином составили довольно ощутимый довесок к студенческой стипендии.

Иностранцам было предложено, опять-таки в "добровольно-принудительном" порядке, поработать во время летних каникул в составе интернациональных студенческих отрядов на комсомольско-молодежных стройках Казахстана или Западной Сибири. Одновременно в университете было введено обязательное для всех без исключения обучение марксистско-ленинской философии, политэкономии и научному коммунизму, а также приказано усилить советское комсомольско-молодежное влияние на несознательных представителей "третьего мира". Для контроля и сбора информации о поведении иностранных учащихся в университете был срочно сформирован институт старших преподавателей-наставников и специальные региональные отделы учета студенческих кадров отдельно по Латинской Америке, Африке и Азии.

Союзу советских обществ дружбы с зарубежными странами было указано на необходимость

проведения более тщательного отбора будущих студентов УДН, о недопущении в советскую "альма-матер" мелкой буржуазии, негритянских князьков и арабских шейхов.

Результаты такой крупномасштабной операции не замедлили сказаться. В университет валом повалили молодые представители запрещенных у себя на родине коммунистических партий, "национально-освободительных движений" и так далее. Теперь уже при поступлении в УДН не требовалось иметь законченное среднее образование.

Увлечшись обучением основам передовых теорий, университетское начальство упустило из виду, что готовит университет все-таки инженеров и врачей, химиков и агрономов, присваивая им по окончании еще и престижное звание магистров. Катастрофическое падение профессиональных знаний у студентов было налицо. Посыпались жалобы, что в Гондурасе обрушился мост, спроектированный бывшими студентами УДН, в Бангладеш операции при участии дипломированного хирурга закончились печальным исходом и т. д. и т. п.

Ректор университета отреагировал было на эти замечания, неосторожно заявив в ЦК, что "он хотел бы готовить специалистов, а не марксистов". Однако товарищи из международного отдела ЦК посчитали, что профессор Румянцев проявил "политическую близорукость" и "полнейшее непонимание сложного международного момента".

Не подлежало сомнению несоответствие профессора занимаемому им посту. Нужно было срочно искать замену. Она и была найдена в лице некоего В. Ф. Станиса, безмятежно пребывавшего до этого в кресле зам. начальника Отдела науки и учебных заведений ЦК Латвийской коммунистической партии. Товарищ Станис был срочно произведен в профессора и переведен в Москву.

Памятуя о судьбе своего предшественника, он горячо поддержал мнение вышестоящего начальства о том, что сетования на профессионально-техническую неподготовленность иностранной молодежи – мелочь по сравнению с зажженным лумумбовцами пламенем национально-освободительной борьбы в странах Азии, Африки и Латинской Америки. ●

Комментирец Р. Бахтатов

ДЖИГИТ

НЕ МЕНЯЕТ КОНЯ В ПУТИ

I.

Конец века, конец тысячелетия. — И так до бесконечности. — Чужая психология. — А вдруг видеовизоры? — Шляпы и голова. — К вопросу о справедливости. — Коллеги. — Не для западного читателя. — Молоко за вредность. — Даже прекрасно. — Трет, жмет, разваливается. — Девять из десяти возможных. — Цифровой код коммунизма. — Или шах, или ишак.

Перед нами документ, несомненно, значительный: даже в изложении он занимает почти три страницы убористого газетного текста. Значительный не только в пространстве, но и во времени — он охватывает период от наших дней до конца XX века и всего многострадального второго тысячелетия. Давайте знакомиться: *"Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 годы"*.

С прискорбием констатируем: западная пресса (особенно левая) встретила программу кисло. Конечно, документ исторический, новый этап и еще одно свидетельство. Но как втолковать эти истины здешнему читателю?

Скажем, производство чулочно-носочных изделий намечено довести в 1990 году до 2,3, а в 2000-м — до 2,5 миллиарда пар. Много это или мало? Западный человек в недоумении пожмет плечами: откуда ему знать. Когда нужно, он идет в магазин и покупает. Наверное, этих самых изделий выпускают в избытке, куда не зайдешь — лежат. А что, в Советском Союзе их разве не хватает? Так пусть сделают сколько надо, зачем же тянуть до двухтысячного года?

Не хватает фабрик? Пусть построят. Нет денег? Пусть возьмут ссуду в банке. Ах, нет цемента? Странно. Ну, пусть построят завод. Деньги? Возьмут в банке... И так до бесконечности. Не объяснишь. Чужая психология, чуждая.

Установлены задания по наращиванию производства хлопчатобумажных, льняных, шелковых, шерстяных, а также смесовых тканей. Обыватель в недоумении. Откуда партия и правительство этой загадочной страны знают, что будут носить люди в двухтысячном году? А если к тому времени совсем исчезнет спрос на шелка или на эти, как их, смесовые ткани? Еще непонятнее с телевизорами. Их выпуск в 2000 году достигнет, как нам обещают, 12,5–13 миллионов штук. А вдруг к концу века телевизоров вовсе не будет, их заменят какие-нибудь видеовизоры?..

Воистину два мира, две психологии. Западный обыватель (да нынче уже и не только западный) прочно усвоил, что живет он в XX веке, когда производство — не проблема. Сколько надо (и даже чуть больше), столько изготовят. Проблема — продать. И отнюдь не потому магазины забиты товарами, — есть такая байка, последнее слово советской контрпропаганды, — что у населения нет денег. Просто люди не могут съесть больше того, что они могут съесть. И надеть две шляпы на голову они тоже не могут. По крайней мере одновременно.

Вообще уверять людей на Западе, что они бедствуют — занятие пустое. Обычной зарплаты хватает на еду, одежду, квартиру, автомобиль, поездки за границу. На яхту и виллу — нет, такую роскошь может позволить себе не каждый.

Справедливо ли это? Кто его знает. В Москве, например, можно достать в магазине мясо, а в Саратове или Красноярске — нельзя. Тоже, ведь, наверное, не очень справедливо.

Мне возразят: а безработные? Безработным, действительно, плохо. Безработный инженер или токарь получает на Западе лишь немногим больше своего работающего советского коллеги... Плохо, ничего не скажешь.

Нет, "Комплексная программа" не для западного читателя. Зато советскому гражданину она близка и понятна. Скажем, выпуск тканей уже к 1990 году составит 14—15 млрд. кв.метров, а к двухтысячному — даже целых 18—19 млрд. Если последнюю цифру разделить, положим, на 300 миллионов, выйдет 60 метров на человека в год. Изрядно.

Однако советский гражданин, при всех его достоинствах, — человек дошлый. Читая программу он, понятно, не станет (разве что ему пообещают молоко за вредность), но сомнительные места вытащит.

Производство видеомэгнитофонов к самому концу двенадцатой пятилетки будет доведено до 60 тыс.штук, к 2000 году — до 120 тысяч. Делим снова на триста миллионов. Мораль: и сейчас их нет, и к началу третьего тысячелетия не будет. Ну ладно, переживем. Зато выпуск спортивных и туристских товаров будет развиваться ускоренными темпами, так что уже к 1990 году предусмотрено "обеспечить в основном удовлетворение потребностей населения в них". Но что значит "в основном"? А не в основном, в частности? Мы ведь знаем, что и сейчас многие потребности (в мясе, масле, молочных продуктах) в основном удовлетворяются, только в магазинах этих вещей почему-то нет.

Совсем непонятно с гостиницами. Предусмотрено расширить строительство гостиниц в аэропортах, на узловых авто- и железнодорожных станциях, в портовых городах. На сколько расширить? И что будет с прочими городами — Москвой, Ленинградом, Свердловском, Киевом, Усть-Кутом? Сейчас там (а равно и во всех других городах великой Страны Советов) гостиниц катастрофически не хватает. Очевидно, и не будет хватать; судя по всему, подобная задача даже не ставится.

Ладно, для сооружения гостиниц нужны материалы — например, тот же цемент. А вот как быть с обслуживанием в гостиницах, а заодно — в магазинах, ателье, мастерских и пр.? Нам сообщают, что к концу века "качество услуг" улучшится. Это, конечно, хорошо, даже прекрасно. Но почему дефицит внимания, любезности, даже простой вежливости нельзя ликвидировать пораньше? Чего для этого не хватает — цемента?

Скажите, все это мелочь, придирки. Пусть так. Но вот возьмем что-нибудь самое обычное — обувь, что ли. Ее производство возрастет сначала до 900 миллионов пар, а потом и вовсе превысит миллиард. Положим, не так уж много — 3,3 пары на человека. Но дело не только в этом. Обувь и сейчас есть — по крайней мере в крупных городах. Только что это за обувь, одно горе: трет, жмет, разваливается в руках, товарного вида не имеет. Страшно подумать, что наступающее тысячелетие мы встретим миллиардом штук этакой обуви.

Или телевизоры. Известно, что ныне из десяти телевизоров девять не включаются уже в магазине (*Правда*, 26 апреля 1985). К началу XXI века выпуск телевизоров вырастет до 12,5—13 млн. штук. Что будет, если одиннадцать миллионов из них по-прежнему не захотят включаться?

Правда, едва ли не каждая третья фраза "Комплексной программы" посвящена качеству. Всемерное расширение... повышение... укрепление... перевооружение... совершенствование... концентрация усилий... Звучит как поэма, как песнь о Роланде. Но будем откровенны. Неужто до сих пор все это не делалось, неужто предшественники Горбаче-

ва — от Ленина до Черненко — сужали, снижали, раскрепляли и прочее? Нет, конечно. И если в итоге мы имеем девять бракованных телевизоров из десяти возможных, это, наверно, дает повод в чем-то усомниться.

Ох, уж эти сомнения... Задумаешься, а память между тем подсказывает, что Ленин собирался построить коммунизм где-то в середине 1919 года. Сталин шепнул на ушко рабочему, своему ровеснику: "Уверяю, мы с вами доживем до коммунизма". Хрущев объявил о том же всенародно и записал в Программу КПСС цифровой код коммунизма. При Брежневе были приняты продовольственная и энергетическая программы, должностующие обеспечить изобилие и того и другого. Цифры перекрыты, программы перевыполняются, а еды не хватает, энергии не хватает. Не достает даже стали, по выплавке которой Советский Союз опередил США, ФРГ, Францию, Англию — вместе взятых.

Казалось бы (должен же опыт чему-то учить), творец и вдохновитель новой программы поймет, что очередная порция цифр, сдобренных призывами и лозунгами, — это несолидно. Что надо бы объяснить простому человеку, *как, за счет чего* вождь рассчитывает обеспечить эффект, какого не удалось достигнуть его предшественникам. Ну, хоть бы наипростейшего — элементарной вежливости продавщиц.

Правда, есть в документе и одна сильная сторона — дистанция прогнозирования. Пятнадцать лет в наше стремительное время срок огромный. Как сказал Молла Насреддин: "За это время или шах умрет, или ишак умрет, или, не дай Бог, я умру".

II.

Падкая на сенсации. — Негативная парадность. — Младший вовсе был дурак. — Чистая косметика. — Вождю вопросов не задают. — Партийное танго. — Кампания по изучению. — Языческие лозунги и ритуальные пляски. — В лучших традициях первобытнобюрократического мышления. — Примечательное интервью.

Восхождение на престол нового генерального секретаря — всегда событие. Появление на этом посту Горбачева было воспринято с тем большим интересом, что в течение последних лет кресло вождя занимали люди больные и старые. К сожалению, прямых сведений о Михаиле Сергеевиче было чрезвычайно мало (а о ком много?). Естественно, что падкая на сенсации западная пресса была вынуждена довольствоваться косвенными. В ход пошли элегантность, улыбка, покрой платьев жены.

Между тем уже в середине мая, при посещении Ленинграда, новый генсек сказал нечто любопытное. Перечисляя "негативные явления", с которыми партии следует вести непримиримую борьбу, он первым в этом ряду назвал *парадность*.

Вероятно, слушатели были удивлены. Конечно, парадность (предшественники Горбачева выражались попроще — "показуха") — штука неважная, но все-таки вторичная: не сама объективная реальность, а лишь способ ее отражения. Неужто отражение, хотя бы и в увеличительном стекле, важнее действительности?

Известно, что в речах вождей оговорок не бывает. Но если на сей счет и были сомнения, они скоро рассеялись: весь май, из номера в номер, "Правда" призывала к скромности, к борьбе с парадностью, к объективной оценке наших успехов и даже неудач. Всего этого было так много, что начинало казаться, будто объективность оценки важнее даже самих этих успехов и неудач.

Понятно, одно — пусть ключевое — слово не давало ответа на вопрос о личности и стиле генерального секретаря. Но оно давало материал для новых вопросов, уже куда более конкретных. Обстоятельство немаловажное.

В самом деле. Призывы к антипарадности могли иметь двоякий смысл. Во-первых, трезвая оценка действительности могла быть предпосылкой к тому, чтобы эту действи-

тельность изменить. Однако допустим был и второй вариант: трезвая (то есть достаточно низкая) оценка необходима Горбачеву в качестве точки отсчета на будущее.

Логика здесь та же, что в русских народных сказках: "Младший вовсе был дурак". Скоро выясняется, что Иванушка-дурачок отнюдь не глуп и далеко не ленив. Тогда почему — дурачок? После уничижительной характеристики даже довольно заурядные положительные качества воспринимаются как доблесть. По контрасту.

Или возьмем сказку о Золушке. Представим себе, что принц влюбился в благополучную буржуазку. Интересно? Не слишком. А в дочь герцогини? И вовсе нет. Эффект именно в контрасте: сверкающий принц и босая, замурзанная, затюканная девчонка...

Поначалу казалось, что правилен первый вариант. В двух, по видимости, основополагающих докладах — апрельском и июньском — М.С.Горбачев дал уничтожающую характеристику советской экономики как системы неэффективной, расточительной, неспособной к развитию. То обстоятельство, что он датировал ее беды началом 70-х годов, было чистой косметикой: всем известно, что система практически не менялась, по меньшей мере, пятьдесят лет.

Взять хотя бы научно-технический прогресс. При Сталине его "вялость" объясняли сопротивлением консерваторов; при Брежнев — слабостью звеньев, связывающих науку с производством; при Андропове — давлением плана; при Черненко — недостаточным вниманием партийных организаций. Вряд ли Горбачев настолько наивен, чтобы думать, будто эта проблема возникла только в семидесятые годы. Интересно, как бы он ответил на прямой вопрос? Ужасно удивился бы, наверное. Вопросов, не утвержденных ЦК, вождю не задают.

Встречались в докладах и другие дежурности. Об исторических успехах на пути. О недоиспользованных возможностях социализма. О животворной силе партийного руководства. О несомненных (хотя и тщательно скрывааемых от мира) преимуществах.

Впечатление было такое, что все это говорится не очень всерьез, что взрослый, грамотный, достаточно информированный человек не может не понимать, что страна дошла если не до ручки, то до альтернативы. Либо экономике дадут, наконец, развиваться по ее собственным, экономическим, законам, и тогда она сама определит и потребности страны, и масштабы производства. Либо хозяйство так и будет трястись с ухаба на ухаб, понукаемое партийными кучерами, комплексными программами, директивами, ЦУ...

Однако где-то в середине лета начался поворот. Он совершался не сразу, не вдруг, но и не так, чтобы очень медленно. Разговоры о перестройке, расширении самостоятельности, хозрасчете все еще продолжались (благо в апреле и июне Слово было сказано), но уже как-то вяло, без прежнего динамизма. Центр тяжести постепенно смещался: с перестройки — на дальнейшее совершенствование; с самостоятельности — на усиление планового начала; с хозяйственного расчета — на дисциплину и контроль. С гопака на танго.

Сложилась забавная ситуация. Пока в сети партийного просвещения разворачивалась кампания по изучению самоновейших указаний вождя, пока партийные теоретики оценивали его вклад в неиссякаемую сокровищницу марксизма-ленинизма, сами эти указания проваливались в далекое прошлое, становились историей. Потому что в настоящем было совсем другое: языческие лозунги, заклинания и ритуальные трудовые пляски перед праздником, воскрешение живой водой стахановских мумий, постановления "Об упорядочении зарплаты..." и "Об усилении воздействия на ускорение"... Постановления, выдержанные в лучших традициях первозданно-бюрократического мышления. Свое место в этом пантеоне КПСС займут, несомненно, и "Комплексная программа" и ответы М.С.Горбачева американскому журналу "Тайм". Ответы эти в некотором смысле настолько замечательны, что о них стоит сказать особо.

III.

Каков вопрос и каков ответ. — Почему не на татарское иго? — Под грохот литавр. — Где-то на Украине. — Имела наглость. — Речь о потерях. — Общеизвестные факты. — Сто лет в четыре года. — Пришлось подумать о стимулах. — Пожар способствовал ей много к украшенью. — Работает и сейчас. — Разница.

Сначала, естественно, вопрос. Корреспондент журнала "Тайм" спрашивает: "С того времени, как вы стали Генеральным секретарем, вы предприняли несколько шагов для улучшения состояния советской экономики. Не могли бы вы сообщить нам о дальнейших шагах, которые вы надеетесь предпринять?"

Ответ: "Начну с истории. Есть проблемы, возникновение которых от нас никак не зависело. Советской власти досталось тяжелое наследие от прошлого режима: отсталая экономика, сильные пережитки феодализма, безграмотность миллионов. Добавьте к этому две опустошительные войны... На Западе не раз писали: чтобы восстановить разрушенное нашествием фашизма, СССР потребуется 50-100 лет... В сложных условиях, используя потенциал нашей системы, мы смогли превратить Советский Союз в крупнейшую экономическую державу мира. В этом проявились сила и огромные возможности социализма... Вместе с тем есть трудности и другого порядка, связанные с нашими недостатками и упущениями."

Прошу прощения за столь длинную цитату, но она стоит того, чтобы ее выписать. В этих словах — кредо партийного руководства. Преодоление вековой отсталости и последствий двух тяжелейших войн — доказательство силы и исключительных возможностей социализма; некоторые трудности — результат недостатков и упущений. Как бы само собой разумеется, что другая система, капитализм, с задачей превращения страны в крупнейшую экономическую державу не справилась бы. Гм, гм...

Дореволюционная Россия в экономическом отношении действительно уступала ряду стран, конкретно — США, Англии, Франции, Германии. Но, между прочим, никак не Японии. И по экономическому потенциалу, и по "пережиткам феодализма", и по профессиональной подготовке рабочих Япония явно уступала России. А природные ресурсы обеих стран просто нельзя сравнивать: богатейшая в мире Россия и одна из самых бедных в мире стран — Япония. Не знаю, верит ли Горбачев, назвавший Советский Союз крупнейшей экономической державой мира, что мы и сейчас превосходим Японию? Я — нет. Как не верю, что огромный, рыхлый, тучный, но больной человек превосходит худощавого и здорового.

Ссылка на пережитки феодализма (почему не на татарское иго?) звучала бы странно, если бы не подкреплялась опытом новейшей истории. Закрепощение людей в колхозах без права выезда, барщина (с ответственностью за недобор узаконенного минимума трудодней), трудовые лагеря, приписка работников к предприятиям и наказание за опоздания и прогулы, борьба с "туеядством" — что это: дальнейшее развитие пережитков феодализма или средство реализации на практике "огромных возможностей социализма"?

Мы хорошо помним, как под грохот литавр маршировали первые пятилетки. Где-то — на Украине, в Казахстане, на Волге — умирала голодные крестьяне, но цифры громоздились на цифры, нули на нули, повизгивали на заводах новенькие станки ДИП ("Догнать и перегнать"). Мы и в самом деле перегоняли — были отменены карточки, на прилавках магазинов появилось даже сливочное масло, роскошь неслыханная.

А потом началась война — нет, не Великая Отечественная, а малая финская. Причина войны известна: Финляндия имела наглость расположиться в подозрительной близости от Ленинграда. Менее известно, что сразу же после начала войны в городах, удаленных на тысячи километров от линии фронта, исчезли продукты. Я помню, как в че-

тыре часа утра женщины, прячась от милиционеров в подъездах, занимали очередь за маслом. Просто поразительно, как быстро социализм сумел переплавить в пушки это самое масло...

А теперь о больших войнах, мировых. Нет нужды говорить, какие потери понесла Россия в этих войнах. Но, будем объективны, никак не меньше потеряла и Германия. Напомню: речь сейчас не о том, кто был тут виноват, речь о потерях. Потеря части территории и тяжелейшие репарации, гибель миллионов людей, уничтожение всех крупных промышленных городов (слава Богу, в Союзе до этого не дошло) — таковы итоги войн для Германии.

Вспомним общеизвестные факты. Если уже в 1942 году Советский Союз производил значительно больше военной техники, чем Германия (то есть "пол-Европы": самолетов 25 тыс. — против 14,7; танков 24 и 9,3 тыс; крупнокалиберных орудий — 57 и 12 тыс.; тяжелых минометов — 125 и 10 тыс.), то к концу войны это преимущество стало подавляющим.

Таким образом, по промышленному потенциалу Советский Союз явно превосходил Германию. Не уступал он ей, видимо, и по "степени искусности наличного населения" — этой, по выражению Маркса, "предпосылки всякого производства." О природных ресурсах и говорить нечего — показатели тут просто не сравнимы.

И тем не менее Германия (не "пол-Европы", а всего лишь западный обрезок страны) начиная с 1949 года уже полностью удовлетворяла свои потребности в продуктах и товарах — задача, которую Советский Союз надеется решить к 2000 году.

Американская помощь Германии по плану Маршалла? Но, во-первых, СССР сам от нее отказался. Во-вторых, общий объем финансовой помощи всем европейским странам составлял около 17 млрд. долларов — куда меньше, чем Советский Союз с тех пор получил от Запада в виде кредитов и займов.

Нет, дело не в этом. В то время, как немцы (разумеется, западные) просто работали, мы преодолевали рубежи, брали повышенные обязательства, стояли на вахте, вели битвы за урожай.

В статье академика В.Трапезникова, которую я цитировал в прошлых заметках, убедительно показано, как стимул "быть или не быть" вынуждает капиталистическое предприятие использовать достижения науки и техники, выпускать доброкачественную продукцию, совершенствовать технологию. "В нашей стране, — пишет далее ученый, — стимул "быть или не быть" в полную силу для всего народа действовал в период Великой Отечественной войны" (*Правда*, 2 октября 1985 г.).

Думаю, это не совсем точно. Вернее было бы сказать, что в годы войны люди готовы были работать в полную силу и без стимулов, а вот в мирное время — нет. Так, кстати, уже было. Сразу после гражданской войны Ленин и Троцкий пытались использовать воинские части в качестве "трудоустройственной армии". Но люди "волынили", даже разбежались. Пришлось подумать о стимулах...

У немцев стимулы были: система им не мешала. Никто не убеждал рабочего, что для восстановления страны "понадобится 50-100 лет." Строго говоря, хотя это и звучит кощунственно, разруха им даже помогла: "Пожар способствовал ей много к украшенью". Вместо старых предприятий строились новые, оснащенные по последнему слову техники. Неудивительно, что довольно скоро ФРГ обогнала Англию. А что делал в это время главный победитель — Советский Союз? Устанавливал у себя "самое современное" немецкое оборудование, сорванное с фундаментов. Трудно поверить, но это оборудование (даже специализированные станки!) работает и сейчас...

Не знаю, нужны ли тут примеры. Если нужны, то вот простейший. В маленькой квартире, где я иногда живу, приезжая в ФРГ, установлена четырехконфорная электрическая печь. Ставя на нее чайник, сковороду или кастрюлю, я не задумываюсь о том, кто ее выпускает и достаточно ли ровное дно у посуды, которой я пользуюсь. Не думают об

этом и миллионы других людей — электрические печи столь же обычны, как телефон или свет.

А теперь возьмите "Литературную газету" от 2 октября с.г. и почитайте статью о плите и кастрюлях под названием "Четыре перевернутых утюга". Из нее вы узнаете, например, что "ни одна из выпускаемых у нас плит... и близко не подступила к мировым стандартам". Что за образец здесь взята итальянская "далеко не лучшая" модель ... разработанная еще в 60-е годы". Что плиты бесконечно ломаются, хотя на Западе они "служат столько, сколько положено или сколько нужно". Что запасных частей не хватает, и "в очереди за ними стоят тысячи домохозяек". Что для электроплит посуды с ровным и плоским дном практически нет: "из полумиллиарда кастрюль, чайников и прочего" на долю такой посуды приходится лишь 0,02 процента.

"Трудно представить, — пишет автор статьи, что вот так, походя, делали бы телевизоры или холодильники." А если не походя? Советская печать свидетельствует, что из десяти телевизоров девять не включаются уже в магазине. Что касается холодильников, то об их качестве писано столько, что просто неловко цитировать.

Но оставим качество и займемся количеством. Я уже говорил, что "Комплексная программа" ставит перед советским народом историческую задачу: к началу третьего тысячелетия довести производство видеомagnитофонов до 120 тысяч штук. Забудем о том, что их выпуск в ФРГ или Японии уже сейчас превышает эту величину. Поставим вопрос иначе: что нужно для того, чтобы к 1990 году довести их производство, скажем, в Японии до миллиона штук? Нужен *заказ*. Все остальное фирмы сделают сами.

Мне возразят, что если бы Советский Союз бросил на видеомagnитофонные весы всю свою экономическую мощь... Допускаю, хотя о качестве этих видео лучше не думать. Дело, однако, в том, что Япония ничего никуда не будет бросать. Заказ выполнится сам собой. Вот в этом и состоит разница между здоровой экономикой и экономикой хворой.

IV.

Цемент и главные жизненные конфликты. — Настоятельно рекомендует. — Урок арифметики. — Большевиcтская скромность? — Скучно бежать одному. — Предоставим судить читателю. — Даже среди биндюжников... — Для души. — Это благородное слово. — О пользе нейтральных определений. — Да здравствуют органы!

И все-таки, думаю я, есть же что-то такое, что позволяет генеральному секретарю ЦК КПСС называть Советский Союз крупнейшей экономической державой? Несомненно. Таких моментов, в сущности, два: темпы роста и объем производства основных видов продукции.

К вопросу о росте мы еще вернемся, а пока поговорим об объемах. Верно, что СССР сейчас производит больше стали, нефти, цемента, минеральных удобрений, чем Соединенные Штаты. Значит, та самая задача ДИП, что была заложена в первом советском токарном станке, выполнена? Тогда почему же Америке с ее неплохо развитой экономикой хватает и стали, и цемента, и удобрений, и прочего, а в СССР со всем этим настолько плохо, что один француз, посмотрев в Москве несколько спектаклей, сказал с изумлением: "Впечатление такое, что все главные жизненные конфликты в вашей стране связаны с недостатком цемента."

Народная мудрость настоятельно рекомендует считать цыплят по осени. С этой точки зрения следовало бы учитывать не только выплавку стали (что неукоснительно делается), но и ее потери, о чем официальная статистика забывает. А зря. Например, Отто

Лацис в статье "Перестройка" (*Известия*, 25 июля 1985), оценивает потери стали при разливе в 25 млн.т, при "производстве стружки" — еще в 8 млн. А если к этому добавить (то есть вычесть из производства) потери за счет выпуска стали низких сортов, неэкономичных профилей, неоправданно тяжелых изделий, если учесть вес стали, зарываемой в землю на стройках... Если, наконец, вспомнить, какая часть производимого металла идет на нужды самой металлургической промышленности (по некоторым данным, до 60-70 процентов!), то грандиозный объем выплавки как-то перестает впечатлять.

Нечто похожее происходит и с цементом — разумеется, с поправкой на свойства. У меня нет под рукой точных цифр, но известно, что миллионы тонн цемента утекают из вагонов и грузовых машин; миллионы — гибнут под дождем, теряются и растаскиваются на стройках; еще сколько-то вгоняется в объекты, строительство которых тянется десятки лет.

С минеральными удобрениями и того хуже. Те миллионы, что высыпаны в канавы или смыты с полей брандспойтами дождевальных установок, — Бог с ними. А как оценить экономический эффект тех удобрений, что внесены — но не там, не так и не тогда? Потери урожая и снижение плодородия земли — это ясно. А насколько?

Конечно, перегнать Америку — великое дело. Но странно, это торжественное событие прошло почти незамеченным, без криков "ура" и ударов в большие парадные бубны. Казалось даже, что сами советские вожди несколько смущены. Большевицкая скромность?

Само собой. Не только. Где-то по дороге, разогнавшись, они вдруг заметили, что бегут одни — Америка в гонке не участвует. Например, производство стали там не растет, а снижается. За ненадобностью. Другие металлы, сплавы, пластмассы, керамика все больше теснят сталь. И, что еще важнее, меняется сам характер развития: от количественных показателей — к *качественным*. На дворе та самая научно-техническая революция, которую предсказал Маркс...

А цемент? А удобрения? Бог ты мой, да кто же не понимает, что и цемент, и удобрения вырабатываются в США именно в тех количествах, которые необходимы. И в этом еще одно отличие советской экономики от западной. СССР производит сколько *может*; западные страны — сколько *нужно*. Если же говорить о тенденции, то снижение потребности (например, в нефти) свидетельствует либо о переходе к альтернативным материалам, либо о более высокой экономичности, либо, наконец, о том и другом вместе.

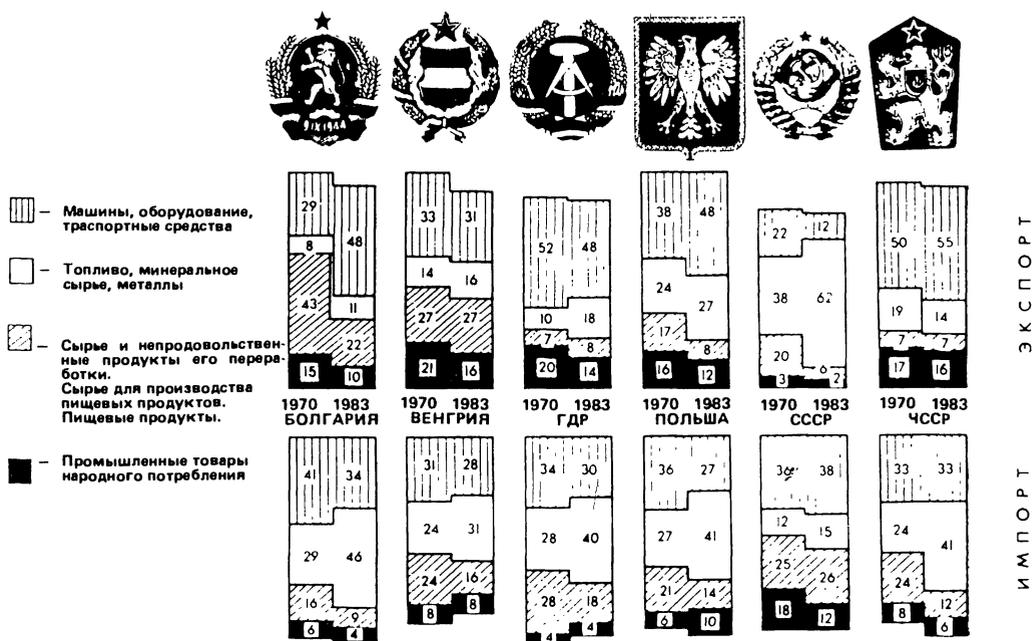
Думаю, сказанного достаточно. О чем свидетельствует безудержный рост потребления и производства, предоставим судить читателю.

В десятом номере журнала "ЭКО" ("Экономика и организация промышленного производства", издается Сибирским отделением АН СССР), помещена интереснейшая диаграмма, которую мы воспроизводим на следующей странице.

Из диаграммы следует, что в общем объеме советского экспорта удельный вес топлива, сырья и металлов постоянно растет и в 1983 г. составил 68 процентов, а экспорт машин, оборудования, транспортных средств упал до 12 процентов. И напротив, главную статью импорта образуют машины и оборудование. Легко заметить, что даже по отношению к друзьям по соцлагерю (тоже отнюдь не индустриальным гигантам) Советский Союз выглядит страной слаборазвитой.

По-моему, хватит, — не так уж интересно доказывать самоочевидное, — почитаем что-нибудь для души. Вот хотя бы зарисовку "Базар для своих" в "Известиях" за 17 октября. Ощущение такое, будто ты вылез из глубокой шахты и вдохнул свежий воздух. В сюрреалистическом мире лозунгов, вахт и программ базар выглядит оазисом здравого смысла.

Представляете, на иркутском базаре — до чего же приятно! — был даже свой гангстер. Конечно, из автомата он не стрелял, но цены устанавливал, поборы брал, а если

Удельный вес основных статей экспорта и импорта стран СЭВ
(в процентах к итогу по стране)

серчал, то в ярости бил арбузы, топтал помидоры. Посадили сердешного. Что же, цены упали? Нет.

”Цены здесь, по-моему, — пишет корреспондент, — сложились исторически, если позволительно использовать тут это благородное слово. Десятилетиями не удовлетворенный спрос на товары, коих не было и нет в магазинах, — вот что, по-моему, породило предложение базара и его цены.”

Не станем спорить, хорошо это или плохо. Сойдемся на нейтральном определении: естественно. Тем более, что автор это подтверждает: ”Если все расстет, все есть в одном конце области или страны, то может быть только одна причина, по которой отсутствует продукция в другом конце. Эта причина — неумение или нежелание работать.”

Так-таки никто не хочет и не умеет? Нет, те, кто на базаре, и хотят, и умеют. ”Нужно признать, — констатирует автор, — что в наших городах вызрел сектор частной, профессионально работающей на базар торговли. И имеет он режим наибольшего благоприятствования...”

Ну, насчет благоприятствования — это, кажется, шутка. Какое там благоприятствование — душат, как могут. И если он все-таки вызрел, то лишь потому, что уж слишком велика потребность.

К чему же призывает газета? ”Местным Советам и органам МВД даны достаточные права, чтобы навести на рынок порядок, очистив его от спекулянтов и профессиональных рыночных торговцев.” Оно, конечно, лучше от этого не будет, будет хуже. Но это не так важно. Гораздо важнее, что социализм, терпящий поражение и на капиталистическом, и на внутрисоциалистическом рынке, не может допустить поражения еще и у себя дома — на обыкновенном базаре. А поскольку иных средств борьбы с конкурентами у него нет, да здравствуют наши славные органы!

V.

Между июнем и августом. – Если отказаться от гаданий. – Испугался трудностей? – Расколдованный круг. – Дальние и ближние. – "Отстающих – бьют". – Как минимум, не исключается. – Джигит не меняет коня в пути. – Цена времени. – Народ мы привычный.

Вернемся, однако, к исходной ситуации. Ясно, что в начале своего правления Горбачев действительно намеревался осуществить перестройку – слишком серьезно он об этом говорил. Столь же ясно, что от этой идеи он отказался или, по крайней мере, отложил ее осуществление на будущее. Не так уж трудно определить и время, когда это случилось: между июнем и августом. А вот почему?

Если отвлечься от гадания на кремлевской кофейной гуще, то возможных вариантов не так уж много. Первый, лежащий на поверхности, – сопротивление партийной верхушки. Но с чего бы? Понимание того, что перестройка необходима, распространено достаточно широко, – Горбачев тут вовсе не был оригиналом. Другой вопрос – глубина и масштабы перестройки, здесь, конечно, есть самые разные мнения. Однако генсек не только не сделал, но и не сказал ничего такого, что противоречило бы догмам, а тем более – реальным интересам партаппарата. Откуда же взяться организованному и сильному сопротивлению? С недовольными новый шеф расправляется быстро и круто – это он уже доказал.

Правдоподобней другое объяснение: испугался трудностей. Трудности в самом деле велики. Чтобы отказаться от административных методов управления в пользу экономических, нужно отказаться от догм, сломить сопротивление огромной массы партуправляющих, а главное – создать в стране то изобилие товаров, которое составляет одну из предпосылок свободного рынка. Но чтобы создать это изобилие, нужен как раз свободный рынок. Заколдованный круг.

Однако, если подумать, не такой уж и заколдованный. После Второй мировой войны этот путь (от нуля к изобилию) проделала Западная Европа, тем же путем идут сейчас Венгрия и, судя по всему, Китай. Конечно, издержки тут велики, но почему не попробовать – ведь из нынешней трясины надо же как-то выбираться.

Политические потрясения? Однако, во-первых, власти обладают и достаточно сильным карательным аппаратом, и отработанной (хотя бы в годы НЭПа) моделью "сохранения командных высот". Во-вторых, потрясения, если и будут, то когда... Экономика же горит сейчас. Между тем опыт свидетельствует, что люди вообще склонны жертвовать дальними последствиями ради ближних: покорение природы – лишь одно тому доказательство.

Нет, все эти соображения, если они и учитывались, не были определяющими. Решающую роль, я думаю, сыграли соображения внешнеполитические. Анализ китайской модели показывает, что экономической перестройке предшествовала (или сопутствовала) перестройка внешнеполитическая, конкретно – ограничение имперских appetитов, отказ, пусть временный, от идеи экспансии.

Советский Союз от своих амбиций не отказался. Война в Афганистане, нажим на Европу, попытки создать плацдармы в Латинской Америке, Африке, на Ближнем Востоке... Похоже, однако, что на сей раз и Соединенные Штаты не склонны уступать. "Оборонная инициатива" президента Рейгана ставит перед кремлевскими деятелями сложную дилемму: тягаться с Америкой они не могут, отстать – не хотят. Переноса на других свою психологическую установку, они твердо убеждены: "Отстающих – бьют".

Не знаю, насколько серьезно рассматривается в Москве вариант превентивной войны. Думаю, что такая возможность, как минимум, не исключается, ведь отказ от

соревнования в мире звезд грозит опасностью раз и навсегда похоронить имперские амбиции. А это посерьезнее, чем отказаться от политики цен или ввести полный хозрасчет.

Но если военный вариант возможен, то автоматически отпадает идея перестройки. "Джигит не меняет коня в пути", — говорят у нас на Востоке. Как раз к условиям войны нынешняя система подготовлена неплохо, а опыт затягивания поясов у советского народа уникальный.

Понятно, что война и перестройка несовместимы, вопрос стоит: или — или. А так как вопрос еще не решен, то перестройка не то чтобы отменена, но отложена. Как откладывают партию в шахматы.

Президент Рейган хотел бы придать встрече в Женеве характер ознакомительный. Это понятно: ему (точнее, Соединенным Штатам) некуда спешить. Советских вождей такой вариант не устраивает, у них-то как раз нет времени, оно, как сказал Горбачёв, "исчерпано прошлым". Отсюда — поток предложений, авансы, переговоры, встречи... Но отсюда же и сжатый кулак, который выпирает из лайковой перчатки.

Я не знаю, решит ли вопрос первая встреча в Женеве. Возможно, за ней последуют другие. Но я убежден, что советские руководители твердо намерены добиться ясности — хотя бы для себя.

А перестройка — что ж, перестройка подождет. Пока основные положения докладов М.С.Горбачева включены в программу партии. Понадобятся — их оттуда извлекут, нет — там они и останутся. Мало ли что записано в программах и конституциях, народ мы привычный. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

МОСКВА — ЭТО НЕ КЛАДБИЩЕ, А КОЛЫБЕЛЬ

Академик архитектуры Щусев обратился к Московскому Совету с докладной запиской, в которой указывает, что "Москва — один из красивейших мировых центров — обязана этим преимущественно своей старине. Отнимите у Москвы старину, и она сделается одним из безобразнейших русских городов."

Академик Щусев находит, что Мясницкую улицу, эту уродливейшую магистраль Москвы, много скрашивают памятники старины, в частности церковь Евпла. Мясницкой не нужны ни церкви, ни больницы. Мясницкой нужны многоэтажные дома из железа и зеркальных стекол. Побольше стекла, поменьше камня. Мясницкой нужны витрины, заставленные машинами и залитые светом... Сохранять при росте и перепланировке столицы всякую церковь Евпла только потому, что это памятник старины, нельзя, так как это бесполезно и даже нелепо. Москва — не музей старины, не город туристов, не Венеция и не Помпеи! Москва — не кладбище былой цивилизации! А колыбель нарастающей новой пролетарской культуры.

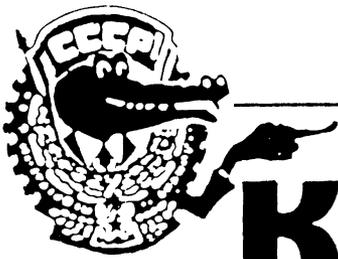
"Известия", 22 ноября 1925 г.

ТРАКТИР "ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА"

Почти два месяца прошло со дня выхода на советскую арену веселого богатыря, любимца публики, сорокаградусного героя... Появились первые доказательства того, что водка вытесняет самогон в деревне. Значит, все-таки не зря огород городили. Значит, в основе и сорокаградусная — правильная мера. Но пока надо нам всем сообща заклеить и уничтожить другой уклон. Второй уклон идет из глупых, бездарных извилин, ведающих в психике человека тупостью и подобострастием. У совдурака выходит так, что если государство, сиречь советская власть, производит какой-нибудь фабрикат, то нравственным долгом всякого лояльного советского гражданина является этот продукт по мере возможности усердно потреблять... Не оскудела земля советская дураками.

Над трактиром с подачей водки в волостном центре одной из губерний к северу от Москвы красуется вывеска: "Заветы Ильича". В городе Серее, Ивано-Вознесенской губернии в Госспирите продавали водку с добавлением 15 копеек специально на дом Ленина...

Мих.Кольцов ("Правда", 26 ноября 1925 г.)

КРОКОДИЛ

САМЫЙ ЮНЫЙ БАЦИЛЛОНОСИТЕЛЬ

Итак, в канун XXVII съезда КПСС "Крокодил" открыл новую рубрику: "Беседа с государственным человеком." Кто же это такой — государственный человек? "Он многолик по должности, — торжественно вещает журнал, — от министра до рабочего, строителя, доярки, ткачихи.. Читателям интересно побеседовать с таким человеком? Еще бы! Государственный человек много знает, много умеет, его мнение авторитетно."

Первая такая встреча и состоялась в сентябрьском номере журнала. Как вы думаете, с кем? Кто должен был удостоиться чести открыть новую рубрику этого острого, яркого, брызжущего весельем журнала? По дошедшим до нас слухам, редакция поручила решить вопрос компьютеру. В полном соответствии с законами теории вероятности выбор компьютера пал не на доярку или ткачиху, а на "самого" Виталия Васильевича Федорчука.

Товарищ Федорчук — человек веселый уже по должности. Сначала был председателем Комитета госбезопасности Украины, потом — правда, недолго — блюл союзную безопасность, затем (ничего не поделаешь, солдат партии) стал министром внутренних дел. Естественно, что в беседе с таким человеком "не было никакой официальной сухости."

О чем же толковали главный редактор "Крокодила" Е.П.Дубровин и государственный человек В.В.Федорчук? Об укреплении общественной дисциплины и правопорядка, о том, как получше решить задачу громадной важности — полнее использовать преимущества нашего общественного строя, его идеологии, его морали для преодоления всего того, что мешает нам в поступательном движении.

А мешает, надо признать, многое. Убийства, тяжкие телесные повреждения, разбойные нападения, грабежи, хищения социалистической собственности... Виталий Васильевич — человек с образованием. Он понимает, что искоренение преступности невозможно без устранения причин и условий, способствующих правонарушениям.

Что же это за причины? Ну, конечно, как мы могли забыть: бактерии проклятого прошлого, "пережитки в сознании и поведении людей." До чего, однако, живучи эти пережитки. Прошлое вроде бы кончилось в октябре 1917-го. Значит, сколько же это будет лет самому юному бациллоносителю — ага, полных 68. Другие в этом почтенном возрасте сидят на печи, нянчат внуков, передают опыт. А он убивает, наносит, совершает... Нехорошо, дедушка.

Впрочем, министр признает, что есть и другая причина — "частнособственническая, антисоциальная психология стяжательства, накопительства и потребительства." Но ведь и эта психология не возникает на пустом месте. "Читатели правы, — констатирует государственный человек, — такие преступления становятся возможными в обстановке бесхозяйственности и расточительства, нарушений государственной-плановой, производственно-технической, учетно-финансовой и контрольной дисциплины."

Все верно, но зачем же так длинно? Можно куда короче: в условиях социалистической системы хозяйствования. Да, веселое получилось интервью.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ 56-й

1985 г.

ДВА ЗВОНКА О СКУКЕ

Каждый четверг с 15.00 до 18.00 молодые читатели могут разговаривать с обозревателем "ЛГ" Юрием Щекочихиным. Понятно, что не каждый такой разговор попадает в газету, но и те, что попадают, достаточно интересны. Вот например, отрывок из беседы обозревателя с учеником ПТУ Андреем.

— За что будете бороться? — спрашивает журналист.

— Бороться? Чтобы именно я? Вряд ли.

— Давай так поставим вопрос: если бы тебе было позволено изменить мгновенно все, что не нравится, с чего бы ты начал?

— Да ни с чего!... Себе дороже. Я хочу, чтобы только ко мне никто не приставал со всякими такими проблемами. Пусть все будет как будет.

— Все-все?

— А... Думаю, что надо побольше развлекательных программ по телевидению. Надо же чем-то занять молодежь, чтобы ей не было так скучно!

Второго юношу зовут Саша, он только окончил школу, поступил в институт.

— Я типичный представитель нетипичной молодежи.

— Не понял... Какой молодежи?

— Той, которой чего-то не хватает. Мне не хватает слишком многого.

— Интересное заявление. Ты имеешь в виду кафе, дискотеки, телепрограммы до полуночи?

— Все это надо, конечно... Но это сегодня не самое главное. Существует огромная нужда в творческих объединениях молодежи... Для молодежи много настроено, но от всего этого, если честно, пахнет нафталином. Взять те же Дворцы пионеров. Там делается упор на "выполнение воспитательного плана." Если во Дворце есть телескоп, то там п о к а з ы в а ю т звезды... Но сам подойдешь к телескопу — тут же страх в глазах взрослых: как бы что не сломал да как бы не увидел в телескоп какие-нибудь не те звезды.

В самом деле, странные пошли молодые люди. Мало того, что они не желают бороться, так дай им еще самим смотреть на звезды. ●

ИЗ ГАЗЕТ

...НА ЗЕМЛЕ МИР И В ЧЕЛОВЕКАХ БЛАГОВОЛЕНИЕ

В Богоявленском Патриаршем соборе в Москве было проведено богослужение об успехе предстоящей встречи руководителей государств СССР и США. На нем было оглашено послание патриарха Московского и Всея Руси Пимена. В нем подчеркивается, что к миру стремятся все люди доброй воли во всех странах Земли.

"Известия", 12 ноября 1985

КОЛЕК — ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ МИРА

37th Frankfurt
Book Fair
October 9-14th '85
37^e Foire du Livre
de Francfort
9-14 Octobre '85

Закончилась 37-я осенняя Международная книжная ярмарка во Франкфурте-на-Майне — крупнейшее в мире мероприятие этого рода. Как обычно, центральным событием ярмарки было присуждение Премии мира Немецкого объединения книготорговли. Церемония вручения награды происходит в Паульскирхе, историческом здании, где в мае 1848 г., во время революции, заседал первый немецкий парламент. Лауреатами Премии мира в разные годы стали Альберт Швейцер, Мартин Бубер, Нелли Закс, Герман Гессе, Торнтон Уайлдер, Макс Фриш, Лешек Колаковский, Астрид Линдгрэн; среди награжденных — американский скрипач Иегуди Менухин и русский литератор Лев Копелев.

В этом году Премию мира получил мэр Иерусалима Тедди Колек.

По просьбе лауреата вступительную приветственную речь произнес бургомистр Штутгарта Манфред Роммель. Д-р Роммель — сын того самого Роммеля, одного из наиболее известных военачальников Второй мировой войны, который покончил самоубийством осенью 1944 г. в связи с причастностью к антигитлеровскому заговору 20 июля. В сорок третьем году немецкий Африканский корпус под командованием генерал-фельдмаршала Роммеля наступал на Палестину, неся смертельную опасность жившим там евреям. Среди них находился 32-летний Тедди Колек с семьей, иммигрант из Вены, уехавший на обетованную землю в 1934 году.

Чествуя Колека, М. Роммель сказал:

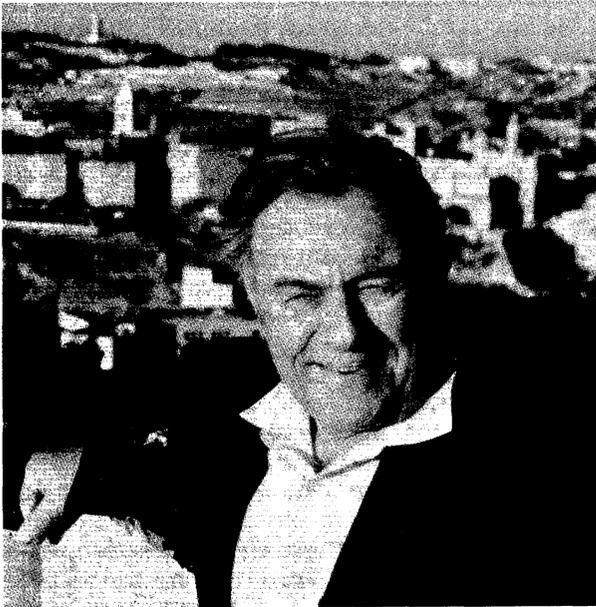
”Мир воцаряется не оттого, что враждующие стороны приходят к единому мнению, — большинство конфликтов таковы, что решить их невозможно, поскольку речь идет о противоположных интересах. Нет, мир восстанавливается благодаря тому, что удается найти компромисс, и все заинтересованные стороны научаются жить, не решив проблемы... Политика, которую проводит мэр Колек в Иерусалиме, необычайна, ибо она представляет собой непрерывный ряд мероприятий, цель которых — создать обстановку доверия. Иерусалимский мэр — прагматик доброй воли, он отстаивает подлинные интересы граждан, кто бы они ни были — евреи, арабы или христиане. Замечательно, что эта политика основана не на политическом расчете. Жизненный опыт, знание людей, умение понять их — вот основа деятельности иерусалимского мэра...

Колек, — продолжал штутгартский бургомистр, — умеет защитить равноправие евреев и арабов в своем городе. Здесь существует практически неограниченная свобода печати: четыре газеты на арабском языке, выходящие в Иерусалиме, могут, если хотят, потребовать даже отмены государства Израиль. Арабам — жителям соседних государств разрешен свободный въезд в город. Тысячи людей из Иордании, Египта, Кувейта и других стран ежегодно посещают Иерусалим. Вопреки давлению некоторых израильских кругов, Храмовая гора, как и прежде, находится под контролем арабской мусульманской администрации. У арабских жителей Иерусалима есть свой медицинский центр, где получают лечение ежедневно 600 пациентов. В иерусалимских школах установлен такой порядок, что аттестат об окончании школы дает право поступления в университеты соседних арабских стран. Все это, осуществленное в городе, где большинство населения вот уже около ста лет составляют евреи, и есть настоящая практическая работа по сохранению мира, которую двадцать лет ведет на посту главы города Тедди Колек.

Терпимость, равно как и любовь к истине, не может служить чему-то внеположному ей, но в самой себе заключает свой смысл и свое оправдание. Хотите заставить людей уверовать в терпимость и правдолюбие — осуществите их на деле. Свобода есть не что

иное, как свобода инакомыслящих (М. Роммель цитирует афоризм Розы Люксембург. — *Ред.*). Уважать свободу инакомыслия — вот что означает быть терпимым. Мэр Иерусалима отстаивает в своей политике религиозную терпимость и личным примером демонстрирует уважение к различным верованиям и убеждениям своих сограждан”.

Ответное слово произнес Тедди Колек. В нашем журнале публиковались речи лауреатов Премии мира Немецкого объединения книготорговли 1983 и 1984 года — писателей Манеса Шпербера и Октавио Паса (“Страна и мир”, 1984, 1–2; 1984, 10). Ниже мы помещаем — с небольшими сокращениями — речь Тедди Колека. Она была произнесена во Франкфурте в воскресенье 13 октября с.г.

Тедди КОЛЕК (Иерусалим)

В БУДУЩЕМ ГОДУ В ИЕРУСАЛИМЕ

Иерусалим есть средоточие еврейского народа, его голова и его сердце, символ былого величия и сегодняшнего возрождения. Начиная с 1948 года, с момента рождения государства Израиль, город Иерусалим является и столицей вновь возникшего государства, столицей израильской еврейской демократии. В 1967 году разделенный город был воссоединен, Иерусалим вновь обрел свою целостность. Разрубить пополам этот единый Иерусалим больше нельзя. Да и превращение его в международный город, то, что, по-видимому, могло еще казаться целесообразным в 1948 году, — в современных условиях неприемлемо и нереально. Решить проблемы христианских и мусульманских святынь в объединенном городе хотя и нелегко, но возможно — достойным и справедливым образом, как это практически и происходит сегодня. Именно в неразделенном городе можно чтить все религиозные ценности и святыни.

Три монотеистических религии соединены внутренней связью в Иерусалиме. Здесь находятся святыне места христианства: Масличная гора, Крестный путь, церковь Св. Гроба Господня и другие. Христиане глубоко заинтересованы в охране этих мест, однако не заинтересованы в городе как таковом.

Для магометан Иерусалим — это место, откуда Пророк ночью вознесся на небо, важнейший город после Мекки и Медины.

Для евреев же этот город является священным именно *как город*. Они ждали его две тысячи лет, они включили слово "Иерусалим" в свою молитву как выражение тоски и надежды гонимого и рассеянного народа, который мечтал вернуться на старую родину.

Уважаемые дамы и господа, перед вами стоит мэр Иерусалима — города, который неразделен и никогда не должен быть разделен, мэр столицы возрожденного государства Израиль. Вы присудили ему Премию мира. Позвольте мне быть откровенным. Я задавал себе вопрос: может ли еврей и гражданин Израиля, после всего, что произошло в Германии, принять эту награду? И я решился на это... Никто не смеет промолчать о мрачном прошлом; но непозволительно отворачиваться и от усилий и стараний многих немцев к примирению с Израилем. Кто желает знать, каков образ мыслей сегодняшних руководителей Германии, какова их воля к преодолению прошлого, — пусть прочтет впечатляющую речь Федерального президента Рихарда фон Вейцзеккера, произнесенную 8 мая этого года. Спустя сорок лет после крушения нацистского режима изменилось многое, изменилось самое главное...

Позвольте мне рассказать об Иерусалиме. В 1967 году, в результате Шестидневной войны, после девятнадцатилетнего разделения на еврейскую и арабскую части, город был вновь объединен. Евреи получили доступ к Стене плача, западной стене Храма. Обе части населения отныне неразделенного города сохранили глубокую горечь прошлого, и для меня с самого начала было ясно: мы обязаны с максимальной деликатностью и благоразумием приступить к решению многочисленных вопросов, связанным с новым сосуществованием в едином Иерусалиме. Две трети еврейского населения города — выходцы из исламских стран, где они были гражданами второго и третьего сорта; большинство этих людей отнюдь не рассчитывает на доброе отношение к себе со стороны арабов. Не говоря уже о том, что в глазах арабов мы — оккупанты. Они не доверяют нам и нередко боятся нас.

Иерусалиму грозила участь стать вторым Белфастом — но этого не произошло. Мы понимаем, что необходимо найти новые, нетрадиционные методы, что мы не можем сохранять старые формы национального суверенитета, что нужно одолеть страхи, разжигающие вражду, и перейти к новому состоянию свободы передвижения, к новому политическому порядку. Для этого мы готовы воспользоваться помощью каждого, кто подаст нам разумный совет. Только так мы можем побороть опасения арабов, которым кажется, что их оккупировали. Все это не так просто, ведь израильтяне тоже не очень-то склонны понять арабов, их мысли и чувства, — и не столько из-за многочисленных войн, сколько главным образом из-за террора арабских боевых групп, террора, нацеленного не на военные объекты, а на мирных людей. Этот террор мы никогда не признаем законным средством борьбы за власть. Мы знали террор в собственных рядах. Но разница была та, что подавляющее большинство населения Израиля отвергло его и боролось с ним — и прежде, и теперь. В наши дни террор снова было возобновился, однако у нас против него борются общественность и особенно сурово — суды.

Если мы хотим разорвать порочный круг насилия и ответного насилия, то помочь в этом может лишь ясное сознание того, что евреи и арабы должны жить в мире. Альтернативы миру не существует. Вот это нам и следует продемонстрировать в Иерусалиме. Быть двадцать лет мэром Иерусалима нелегко. Потому что мы — не плавильный тигель, где все превращается в однородную массу. Здесь каждый хочет и должен сохранить свои традиции, свои обычаи, свой образ жизни. Но одна из труднейших задач — не только заботиться о городе, но и бороться с фанатизмом и нетерпимостью. Отвращение к фанатизму — добрый знак нашего времени. И в наше время надо верить в еврейский гуманизм, который даст нам силы трудиться во имя лучшего будущего. Вдохновляясь этой верой, мы стараемся одинаково служить всем людям.

Это не всегда встречает полное признание, прежде всего со стороны тех групп, которые думают только о самих себе и сознательно пренебрегают интересами других людей.

Из этого ничего не выйдет. Нужно решительно выступать против этих групп. Ничто не может нам помешать выполнить наш долг в интересах всех жителей Иерусалима, во исполнение заповеди, записанной в Торе — Пятикнижии Моисеевом: "Люби ближнего твоего как самого себя".

Больше, чем когда-либо, вера в гуманистические ценности должна быть непреклонна в эпоху растущей анархии во всем мире. Когда говорится: люби ближнего, ибо он подобен тебе, то под этим подразумевается не ближний — еврей, но каждый человек, независимо от расы, цвета кожи, религии или национальной принадлежности. Человечество как таковое — вот кто эти ближние.

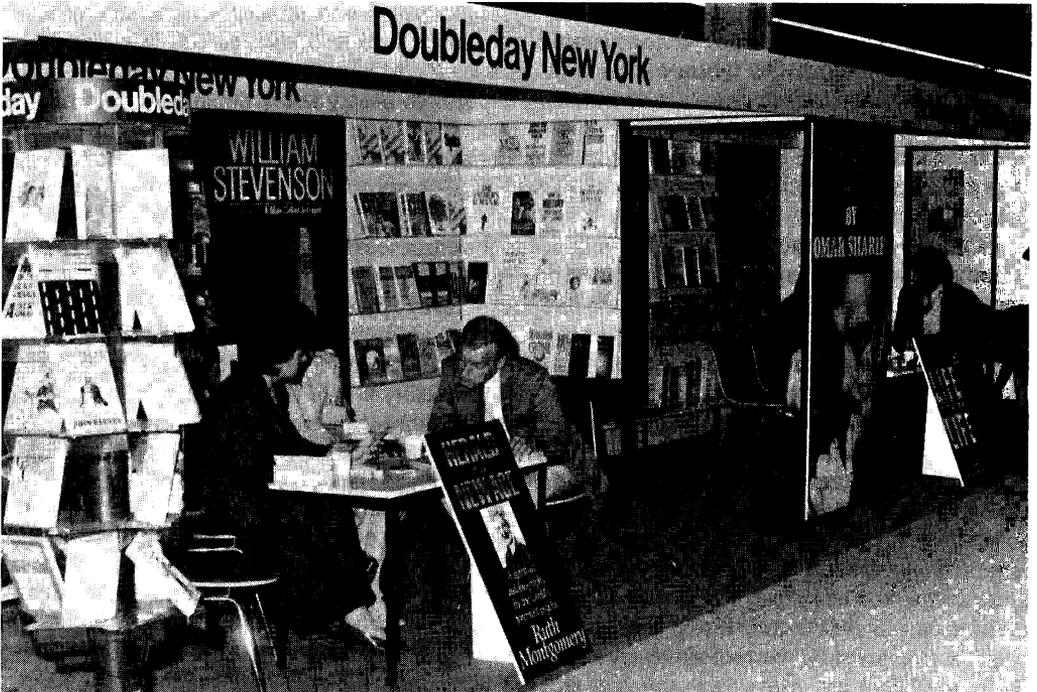
Ради мира подчас приходится идти на риск. Я вспоминаю, как однажды в городском совете мы целую ночь вели дебаты о памятнике арабам, погибшим в борьбе за Иерусалим в 1967 г. Для меня это был самый трудный момент. По просьбе арабского населения я выдал официальное разрешение на строительство такого памятника. Мне возражали: "Там начнутся демонстрации арабов". Или: "Разве где-нибудь во Франции или Англии есть памятники немецким солдатам?" Но наш памятник был воздвигнут арабским гражданам *Иерусалима*, среди них были гражданские лица, и они пожертвовали своей жизнью. До сего дня никаких демонстраций не было, и шум вокруг памятника забыт.

Такого рода усилия приходится предпринимать каждый день и каждый день продумывать их заново, дабы они принесли плоды. Мы не ждем вознаграждения за наш труд во имя сохранения мирной жизни в Иерусалиме. Но мы надеемся, что, может быть, этот труд, пусть нескоро, но увенчается успехом, и город наш станет примером для всех других.

Город Иерусалим останется столицей Израиля. От него не может отказаться ни одно израильское правительство. Человеческий организм может обойтись без ноги или без руки, но без сердца, без души он жить не может. Иерусалим — это душа Израиля, а без Израиля не может существовать еврейский народ. Ко всему миру обращено обетование Исая, возвестившее всеобщий мир среди всех народов: "...и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча и не будут более учиться воевать".

Слово мира не исполнено — ни для мира и человечества, ни для Иерусалима. Но мы не можем медлить ни минуты, следуя этим путем. Порой и малыми шагами не следует пренебрегать. Заключение мирных договоров — дело трудное, да и не всегда они соблюдаются. Но вопреки всем тяготам, распря, война не должны стать последним словом. Последнее слово повсюду принадлежит примирению и миру. Это мое глубокое убеждение. И в знак верности ему я решил передать врученную мне Премию мира Немецкого объединения книготорговли — 25 тысяч марок — Фонду Иерусалима. Пускай эта награда положит основание фонду, задачей которого будет способствовать встречам арабской и еврейской молодежи и помогать нам в дальнейших усилиях по поддержанию мира в нашем городе — Иерусалиме.

●

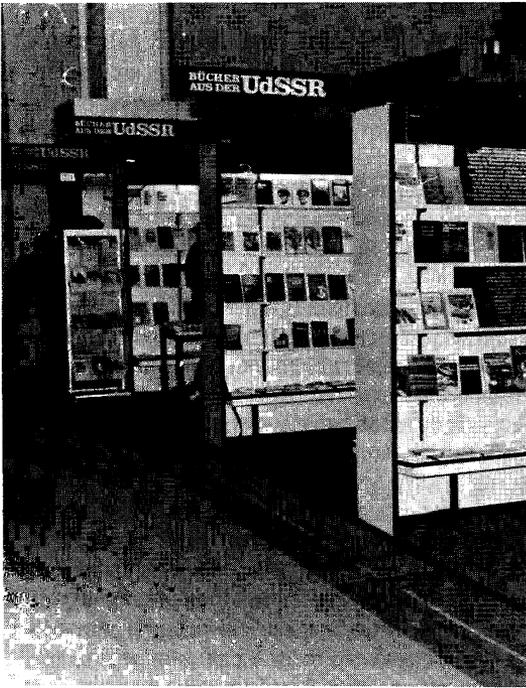

1985 37. Frankfurter
Buchmesse
9. bis 14. Oktober

37th Frankfurt
Book Fair
October 9 to 14

37^e Foire du Livre
de Francfort
9 au 14 Octobre

Фотографии С. Неклюдова

37. Frankfurter
Buchmesse
9. bis 14. Oktober

37th Frankfurt
Book Fair
October 9 to 14

37^e Foire du Livre
de Francfort
9 au 14 Octobre

1985

ТЕРРОРИЗМ

1. Истоки

За несколько дней до наступления рождественских праздников 1975 года группа террористов ворвалась в здание ОПЕК (Организация стран-производителей нефти) в Вене и захватила представителей этих стран. Это происшествие, последовавшее за аналогичной акцией в Нидерландах сепаратистов Южно-Молуккских островов, вызвало громкий шум в западной прессе. Журналисты с беспокойством писали о том, что такие операции позволяют нескольким безответственным людям сосредоточить в своих руках страшную власть.

В течение нескольких дней эта сенсация не сходила с первых страниц газет; ожидалось, что оно вызовет события мировых масштабов. Однако едва стрельба утихла, террористы исчезли со страниц газет и с телевизионных экранов — до очередного похищения. И тогда обнаружилось, что вся эта тщательным образом спланированная операция имела мало смысла. Цель ее была достаточно туманна: похоже, что сами террористы толком не знали, чего они хотели. Террористы вынудили австрийское радио передать текст их заявления: идея его была неясна, язык представлял собой набор левых сектантских лозунгов. Австрийский слушатель понял из него не больше, чем если бы заявление передавалось на китайском языке.

Сначала утверждали, что нападение совершили террористы-палестинцы, протестующие против захвата родины, и побудили их к этому нищета и отчаяние. Потом стали говорить, что группу возглавляют немцы и латиноамериканцы; может быть, среди них есть и арабы, но отнюдь не нищие и не отчаявшиеся. Руководителем группы был Ильич Карлос, родившийся в Венесуэле, получивший специальную подготовку в Москве, связанный с секретными службами Кубы в Париже. Нападение определенно не было спонтанным, но трудно было понять, кто за этим стоит; египетская пресса, например, утверждала, что эта операция, как и многие другие, оплачивалась ливийским диктатором полковником Каддафи. Последний, впрочем, клялся, что никогда в жизни не слышал о Карлосе, да и вообще он противник терроризма.

Современный терроризм, связанный с Москвой и Гаваной, с Ливией и Алжиром, подозрительно напоминает безымянные международные корпорации: когда последние объявляют себя патриотами, следуют держать ухо востро...

И по сей день цели венской операции столь же загадочны. Маловероятно, чтобы операция могла как-то повлиять на политику нефтепроизводящих стран — даже если бы террористы убили всех. Конечно, в печати появились бы длинные некрологи о шейхе Ямани и его коллегах. Но не прошло бы и дня, как в Тегеране и Каракасе, в Багдаде и Кувейте на место убитых были бы назначены новые, знающие и энергичные люди, которые проводили бы ту же политику.

Террористы, как и газетчики, наивно верят, что в руках людей, чьи имена часто мелькают на первых страницах газет, сосредоточена власть. Им кажется, что появление чье-либо имени на первой странице газеты, — важное политическое достижение. Реклама, "паблисити", несомненно, имеет значение — она стоит больших денег. Но если рекла-

ма остается всего лишь рекламой и не подкрепляется чем-то существенным, это не более чем развлечение.

Венская операция, рассматриваемая ретроспективно, останется в анналах международного терроризма подстрочным примечанием: событие шумное, но не имевшее политических последствий. Террористические акты продолжались и после нее, и далеко не все они были такими же загадочными. Однако то, что случилось в декабре 1975 года, — удобная отправная точка для понимания терроризма.

Если бы история политического терроризма писалась до начала Первой мировой войны, центральное место в ней занимали бы русский и ирландский терроризм, а также анархисты 90-х годов прошлого века. Еще несколько строчек было бы уделено национальной борьбе македонцев, сербов и армян. Анализируя мотивы и цели террористов, историки определенно пришли бы к выводам, весьма отличающимся от тех, которые делались в 30-х гг. XX века, когда прежний терроризм ушел в прошлое, а его место занял террор крайне правых сил. Равным образом, изучение политического терроризма 70-х годов, основанное на недавних событиях, привело бы к совсем иным результатам.

И тем не менее проявлениями раннего терроризма нельзя пренебрегать. Понять это явление можно лишь в его историческом развитии, а не на основе фактов и цифр, без особого разбора введенных в компьютеры.

В последние десятилетия городской терроризм значительно потеснил на авансцене истории партизанскую войну. Окончание деколонизации привело к общему упадку партизанской деятельности. Партизаны, действующие в сельской местности, на горьком опыте убедились, что "окружение города деревней", которое китайцы и кубинцы считали панацеей, вовсе не так эффективно. Попытки перенести борьбу из деревни в город ничего не дали. Сам термин "городской партизан" представляется достаточно сомнительным. В городах бывали восстания и перевороты, случались революции, гражданские войны, но случаев партизанской войны почти не было. Такого рода война возможна лишь в обстановке полного безвластия. И это случается, но очень редко, и длится обычно не более нескольких дней. Или восставшие лобовой атакой сбрасывают правительство, или терпят поражение. Термин "городской партизан" — по сути эвфемизм, синоним террориста. Террористам почему-то не нравится, когда их называют их собственным именем, они предпочитают романтическое — "партизан".

Между стратегией партизанской войны в сельской местности и стратегией городского террора существует принципиальная разница: возможность быстро передвигаться и прятаться — основа партизанской войны, в городах же это невозможно. Неверно, что трущобы (или богатые кварталы) городов — такие уж хорошие убежища. Кроме того, партизаны, действующие в сельской местности, часто образуют крупные подразделения, начиная со взводов и до батальонов, полков и даже дивизий. В "освобожденных районах" они проводят политические и социальные реформы, открыто ведут пропаганду, создают сеть собственных организаций. В городах, где все это невозможно, террористы действуют в основном тройками, четверками или пятерками. Все террористическое "движение" включает несколько сот, а нередко и несколько десятков человек. Лишь в очень редких случаях численность городских партизан превышала тысячу.

Ограниченный состав представляет собой источник их оперативной силы и — одновременно — политической слабости. Если такую маленькую группу нелегко обнаружить, и она может причинить значительный ущерб, то и политический эффект ее действий весьма ограничен. Еще не так давно западные газеты убеждали читателей, что немецкая группа Баадера—Майнгоф, японская "Красная армия", британская "Бригада разгневанных" — крупные движения, которые следует принимать всерьез. Их "коммюнике" публиковались в печати; специалисты изучали социальное происхождение их членов и мотивы действий, их "идеологию" тщательно анализировали. Но потом выяснилось, что все эти группы насчитывали от пяти до пятидесяти членов, и все их победы относились к области рекламы.

Террористам удавалось добиться каких-то успехов лишь в том случае, когда они взывали к чувствам националистов и сепаратистов, им оказывали действенную помощь другие страны или, наконец, очень редко — когда власть в государстве была настолько слаба, что не могла двинуть против них далеко превосходящие силы.

Волна терроризма, прокатившаяся в конце 60-х — начале 70-х гг., явно пошла на убыль, однако ее отголоски все еще ощутимы.

Причины этого террористического бума до сих пор неясны. В чем-то его история напоминает 90-е годы прошлого века: и тогда средства массовой информации были в панике, а криминологи, социологи и политологи разрабатывали замысловатые теории.

2. Мифология

За последнее десятилетие возникла своеобразная мифология терроризма; по всей видимости какое-то время она еще просуществует. Поэтому стоит напомнить некоторые важнейшие факты.

В противовес широко распространенному мнению терроризм вовсе не представляет нечто новое и беспрецедентное. Те, кто думают, будто в прошлом терроризм был явлением спорадическим, заблуждаются. И "Народная воля", и эсеры были столь же хорошо организованы, как и любое современное движение. И если вооружены они были хуже, то их идеологическое и политическое оснащение было, без сомнения, мощнее. В современной террористической литературе можно найти немало "полезных" технических советов, но нет ничего, что уже не встречалось в русских народнических брошюрах прошлого века или в журнале немецкого анархиста И. Моста "Freiheit" ("Свобода").

Терроризм, как утверждают, — это термин, несущий определенный политический заряд, и поэтому от него лучше отказаться, ибо то, что одна нация считает терроризмом, несет национальное освобождение другой. Это справедливо, как и замечание, что если многие американцы поддерживали в 1933 г. Франклина Делано Рузвельта, то многие немцы в том же году восхищались Адольфом Гитлером. Не приходится спорить, что терроризм в известных условиях представлял собой освободительную силу.

В свое время терроризм "Народной воли" и подобных ей групп был направлен против деспотических режимов. Однако с тех пор положение изменилось: сегодня он направлен почти исключительно против свободных демократических обществ и неэффективных авторитарных режимов. Раньше терроризм был последним доводом угнетенных; сейчас он все чаще и чаще становится главным побудительным мотивом пестрого сборища людей, движимых самыми различными соображениями. Терроризм уже не направлен против самых страшных типов диктатур: его не было ни в нацистской Германии, ни в фашистской Италии. Террористических движений нет и в коммунистических странах.

Многие полагают, что терроризм обычно носит "левый", "революционный" характер. И в самом деле, террористы уверяют, что выражают волю масс; в то же время они убеждены, что "освобождение народа" — историческая миссия немногих избранных. Следует, однако, учитывать, что если большинство террористических манифестов ныне написаны языком левых прокламаций, то предшествующее поколение террористов склонялось скорее к фашизму. В разные периоды своего существования сепаратисты заигрывали и с фашизмом, и с коммунизмом. И сейчас идеология многих террористических групп содержит элементы и крайне левой, и крайне правой доктрин. Лозунги меняются с изменением интеллектуальной моды — эти лозунги не следует ни игнорировать, ни принимать слишком серьезно. Реальная движущая сила терроризма — нецеленаправленная энергия, которая с равной легкостью может устремляться и вправо, и влево. Но в любом случае терроризм — не философская школа, и действия в нем важнее слов.

Терроризм, как полагают, возникает там, где у людей есть основания жаловаться.

Стоит устранить несправедливости, бедность, неравенство, политическую инертность, и терроризм исчерпает себя. Такие, вполне достойные представления разделяют едва ли не все порядочные люди. И все-таки это неверно. Как показывает опыт, именно самые несправедливые режимы, где массы полностью отстранены от политической деятельности, свободны от терроризма.

И люди, и любые социальные институты несовершенны, а поэтому недовольство будет всегда; его можно уменьшить, но устранить полностью нельзя. Однако лишь в демократическом обществе о недовольстве можно говорить вслух. В этом смысле решающую роль играет восприятие: в одних условиях серьезные беды могут восприниматься с фаталистической покорностью, в других — мелкое недовольство может привести к взрыву.

Верно, некоторые обиды можно загладить. Но очень часто требования националистических групп взаимоисключающи. В некоторых странах, например, в Латинской Америке, террористы добивались политической свободы и социальной справедливости. Их недовольство было вполне оправданным; другой вопрос, могла ли Бразилия стать свободнее и благополучнее при каудильо типа Фиделя Кастро.

Наконец, известен терроризм, направленный против вполне демократических правительств Западной Европы, Северной Америки и Японии. Недостатки политических систем в этих странах хорошо известны. Но тот, кто возьмется утверждать, что члены банды Баадера—Майнгоф по своим качествам скорее могут привести народ к лучшей жизни, чем социал-демократы, выставит себя на посмешище. Короче, каким бы демократическим ни было общество, как бы совершенно ни функционировали его социальные институты, всегда найдутся разочарованные и агрессивные индивидуумы, которых насилие привлекает больше, чем свобода и справедливость.

Нередко приходится слышать, что террор высокоэффективен. Действительно, терроризм иногда вызывал политические перемены. Но к сколь-нибудь серьезным и длительным сдвигам он приводил крайне редко и лишь в тех случаях, когда массовые по своей природе движения использовали тактику террора в рамках куда более широкой стратегии.

Современная история не знает ни одной террористической группы, которой удалось бы захватить власть. Общество обычно и мирится с терроризмом до тех пор, пока он причиняет лишь локальные неприятности. Но едва террор начинает представлять реальную опасность, борьба с ним получает всеобщую поддержку. Насилие вызывает ответное насилие, репрессии усиливаются. Средства же подавления, которыми располагает государство, несравненно более эффективны, чем у террористов. Единственный их шанс — не дать государству обрушиться на них свою мощь.

Если террорист, говоря словами притчи Мао Цзедуна, это рыба, то всепрощающее демократическое общество или слабый авторитарный режим — вода, которая необходима террористу, чтобы выжить. Конечно, бывает, что правительство слабо и нерешительно, а общество настолько раздроблено, что не в силах защищаться. Но такого рода примеры редки; вопрос состоит совсем не в том, можно ли победить терроризм, ибо даже третьесортные диктатуры доказали, насколько это просто. Истинная проблема в том, какой ценой заплатит за это либеральное общество, ценящее свои демократические традиции.

Говорят, что террористами движут идеалы. А потому они гуманнее и интеллигентнее обычных преступников. Такого рода сентенции, независимо от того, верны они или нет, мало что дают для понимания терроризма. Да, русские террористы прошлого века были людьми гуманными — это бесспорно. Однако про многие террористические движения последних десятилетий этого никак не скажешь. Известно и другое: некоторые из самых кошмарных преступлений в истории человечества совершались как раз теми, чей идеализм не вызывает сомнений.

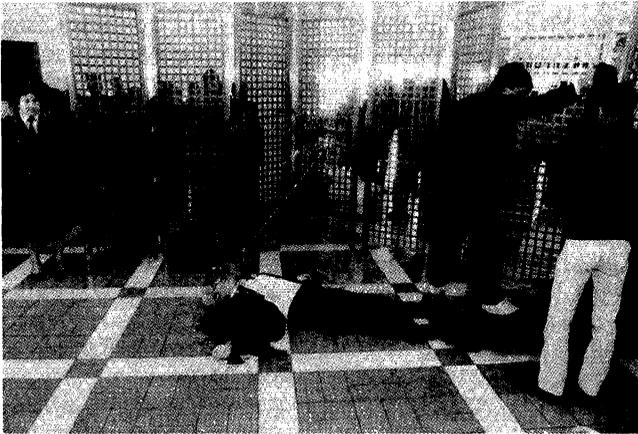
ТЕРРОРИЗМ

Джерри Адамс
руководитель Шин фейн
(Ирландия)

Лондондерри (Северная Ирландия), 1981 г.

Убийство представителя умеренного крыла ООП
Н.Сартави в Альгарве (Португалия)

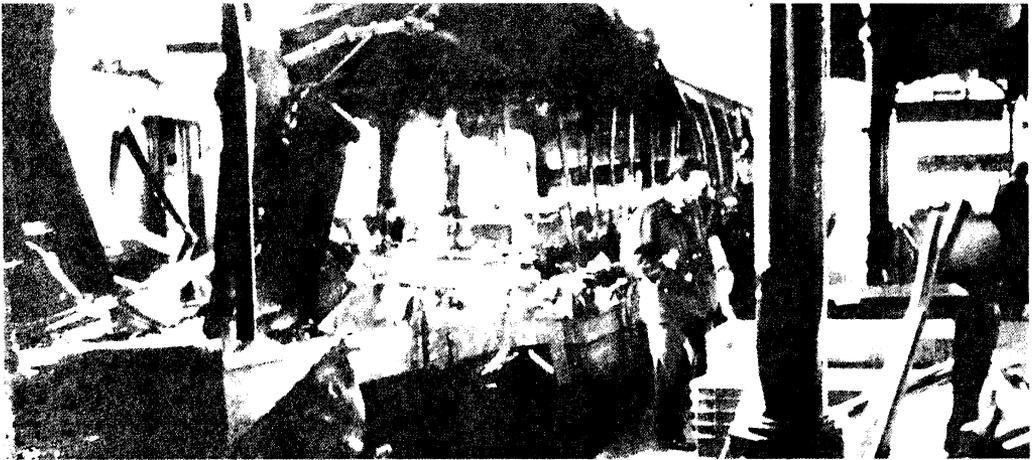
Арабский террорист в маске

Бойцы ЭТА
(баскская террористическая
организация)

Члены организации Тупак Амару (Перу) дают интервью

Поезд Неаполь–Милан, взорванный террористами (1984 г.)

Тренировка террористов в Центральной Америке

Арест Кристиана Клара, одного из руководителей РАФ (Фракция Красной армии), Карлсруэ, 1982 г.

После взрыва во время народного праздника "Октоберфест" в Мюнхене (1980 г.)

Любовь к приключениям — отнюдь не маловажный мотив в мире, где так мало волнующих событий. Террористы в Латинской и Северной Америке, в Европе, члены некоторых национально-сепаратистских групп — люди с высшим образованием, начитанные и нередко красноречивые. Однако это вовсе не свидетельствует об их зрелости. Террористов, за редкими исключениями, отличает крайняя политическая наивность. Серьезные проблемы, будущее страны интересуют их мало, нередко ими манипулируют из-за границы, а они об этом даже не подозревают.

Когда-то террористы избегали бессмысленной жестокости. Сейчас терроризм — и левый, и правый — настолько изменился, что гуманность перестала быть нормой. Типовой преступник избегает убийств. Он может пытать свою жертву, но это исключение, а никак не правило. Обычно преступником движет жажда наживы, а не фанатизм. Политический террорист нового типа охотно проповедует братство людей и изредка даже ведет себя соответственно. Гораздо чаще, однако, он отбрасывает бремя моральных принципов и убеждает себя, что ему все дозволено, ибо виноваты все, кроме него. Цель террориста — не просто убить противника, но и вызвать всеобщее замешательство, тотальный страх. Великая цель оправдывает средства, какими бы жестокими они ни были.

Террор называют оружием бедных. В XIX веке так оно и было: сами террористы обычно принадлежали к средним классам или даже к высшему обществу, но у группировок, куда они входили, никаких средств не было. Сейчас произошло расслоение. Террористические группы, не опирающиеся на влиятельных зарубежных друзей, остались бедными. К этой категории, принадлежат, например, выходцы с Южно-Молуккских островов. Их борьба за национальную независимость не интересует зарубежные державы. Им не доставляют оружия из СССР, инструкторов с Кубы, не пошлют денег ни Ливия, ни Алжир. Их можно назвать пролетариями в мире террористов.

Другой полюс — группы, находящиеся на содержании у иностранных государств, аристократия мира террористов. Они свободно распоряжаются десятками миллионов долларов, их центры размещены в роскошных отелях, у них открыты банковские счета в Швейцарии. Богатство позволяет им проводить дорогостоящие операции, недоступные бедным группам.

В промежуточном положении находятся организации вроде аргентинской Монтеморос, которые не получают существенной помощи со стороны, но добывают значительные средства путем ограбления банков и вымогательств. Эти группы тоже не перебиваются с хлеба на воду, и возможности их не ограничены куцым бюджетом.

3. Уроки

Самая последняя волна терроризма преподнесла и террористам и правительствам уроки, противоречащие привычным представлениям. Оказалось, например, что террор гораздо более популярен, если направлен против иностранцев и иноверцев. Вообще большинство террористов, добившихся успеха, пользовались поддержкой какой-то национальной или религиозной группы. Сектантские призывы оказались действеннее революционных лозунгов — к этому выводу ирландцы, баски, арабы и прочие пришли методом проб и ошибок. Еще раньше террористы усвоили другой важнейший урок. Выяснилось, что решающую роль в их кампаниях играют средства массовой информации, что сам по себе террористический акт почти ничего не значит, тогда как реклама значит все.

Однако журналисты, неустанно занятые поисками нового, — друзья ненадежные. Поэтому террористам приходится быть изобретательными. В некотором смысле современные террористы превратились в поставщиков сенсаций экстра-класса. Они, например, превосходно знают, как важно правильно выбрать время операции. Западные правительства охотно пользуются услугами психиатров, социальных работников и служителей культа, всегда готовых умиротворять и посредничать. Предполагается, что этим

людям доброй воли больше известно о загадках человеческой души, что они умеют страдать, а значит и понять чувства "отчаявшихся людей".

Реальная опасность для террориста состоит в другом — в том, что на него не обратят внимания, что реклама окажется недостаточно шумной, и тогда он лишится своего образа отчаявшегося борца за свободу. Конечно, существует и опасность оказаться лицом к лицу с решительными противниками, не желающими вести переговоры. Но к счастью — для террориста — в правительствах демократических стран таких людей немного. Руководители, которые не колеблясь готовы жертвовать на войне целыми армиями, в мирное время идут на любые уступки, чтобы спасти одного человека. И это в условиях, когда всем ясно, что такие уступки приведут лишь к новым всплшкам терроризма и новым жертвам террора.

Когда в конце века анархист совершил покушение на итальянского короля Умберто, король философски заметил, что таков профессиональный риск его должности. Увы, отрешенность (или чувство долга) ныне перестала быть повсеместной. Нередко дипломаты возражали против твердой линии в отношении террористов, проводимой их правительством, — они опасались быть захваченными как заложники.

Разумеется, требования террористов тоже должны быть "реалистичными" — иначе они останутся невыполненными. Демократические правительства инстинктивно уступают шантажу, но их возможности все-таки ограничены. Скажем, уплата выкупа или освобождение арестованных террористов — требования реалистичные. Однако и тут существуют пределы, которые опасно переступать, террористы могли убедиться в этом на собственном горьком опыте.

Если же требования вообще неразумны, это может привести к весьма серьезным ответным мерам. В таком случае даже приверженцы школы, стоящей на позициях "виноваты не террористы, надо устранить корень зла", не могут им помочь.

Столь же очевидны и уроки, адресованные правительствам. Когда власти не уступают требованиям террористов, терроризм идет на убыль. Позиция бывшего австрийского канцлера Бруно Крайского и его министра внутренних дел, которые пожимали руки террористам, только что убившим австрийского полицейского, неприятна не только эстетически. Она еще и приводит совсем не к тем результатам, которые ожидалось. Впрочем, все демократические правительства в то или иное время действовали сходным образом, соглашаясь на компромиссы с террористами. Великобритания и Германия выпустили их из тюрем, США и Франция платили выкуп, и даже израильтяне освобождали террористов, находящихся в их руках.

Международное сотрудничество в борьбе с террором почти невозможно, пока некоторые суверенные государства поддерживают, обучают, финансируют, оснащают террористов и предоставляют им убежище. Представители демократических обществ могут спокойно заявлять, что весь цивилизованный мир осуждает терроризм. Однако весь цивилизованный мир — не более, чем одна пятая человечества, границы этого мира не расширяются. Специфические двусторонние соглашения, такие, как договор между США и Кубой, иногда помогают ограничить определенные формы террористической деятельности. Но эффективное наступление на международный терроризм станет возможным лишь тогда, когда на вооружение будет взята стратегия "Народной воли" — бить по центру, то есть по главным организаторам террора.

Нас уверяют, что такая необычная акция приведет к резкому падению престижа тех, кто окажется столь глупым и неосторожным, что решится на это. Предупреждения такого рода мало убедительны. Но зная инертность демократических правительств, можно уверенно предсказать, что пока терроризм остается проблемой не слишком значительной, подобных действий не будет. С другой стороны, если международный терроризм действительно вызовет тяжкие жертвы, то правительства вынуждены будут уступить тем, кто требует крутых мер. Такова диалектика международного терроризма.

Тем временем дебаты на тему борьбы с терроризмом продолжаются и в Шестом комитете ООН и на прочих международных форумах. Они идут уже много лет, и нет причин, почему им не продолжаться до бесконечности. Международные соглашения по борьбе с терроризмом представляют несомненный интерес для специалистов по международному праву и страховых агентов, но практического значения они не имеют. В благих пожеланиях недостатка не ощущается. Предлагалось, например, учредить международный суд, который рассматривал бы дела террористов. Любопытно, что эта идея впервые обсуждалась в Лиге Наций после убийства югославского короля Александра, и было это в 1934 году.

Все это совсем не значит, что у демократических правительств нет сил для борьбы с внутренним или международным терроризмом. Бесспорно, однако, что всеобщее сотрудничество — химера, а демократические правительства обычно не способны предпринять решительные действия до того, как причинен серьезный ущерб. Похоже, что властям придется ждать, пока общественное мнение до конца не осознает опасность.

В современном обществе есть тенденция преувеличивать значение терроризма. Общество может быть открыто для нападения, но при этом оно вполне устойчиво. Самолет похищают, но остальные самолеты продолжают летать. Происходит ограбление банка, но другие банки продолжают работать. Министры нефтяной промышленности становятся заложниками, но ни одна капля нефти не теряется. Лоуренс Аравийский, оценивая военные действия своих бедуинов, как-то заметил, что они, в общем, хорошие солдаты; мешает им лишь ошибочное представление, что оружие тем опаснее и разрушительнее, чем больше шума оно производит. Нынешнее отношение к терроризму в западном мире поразительно напоминает эту наивную веру бедуинов. Террористы действительно производят чудовищный шум, но если сравнить опасность терроризма с другими бедами, грозящими человечеству, она представляется незначительной.

Это может показаться парадоксом, но в определенных обстоятельствах терроризм порождает побочный эффект, который нельзя считать полностью отрицательным. Так, терроризм заставляет вспомнить, что у свободы есть враги, и ее нельзя воспринимать как нечто само собой разумеющееся, что политика умиротворения далеко не всегда оправдана, что иной раз следует прибегать к решительным действиям. Такие смелые утверждения, конечно, вызывают споры. Но именно в случае, когда речь идет о терроризме, сторонники сдачи на милость победителям оказываются в тяжком положении. Ведь терроризм — это шантаж, а жертвы шантажа забывают и прощают труднее, чем жертвы любого другого преступления. Человек, подвергшийся шантажу, испытывает унижение, его элементарные человеческие права, его достоинство, его уважение к себе грубо попираются. Убеждать, что все это несущественно, пытаться логически обосновать целесообразность капитуляции, апеллировать к практическим выгодам — значит требовать от человека слишком многого. Это тем более справедливо, что и практические выгоды часто оказываются крайне сомнительными.

4. Виды на будущее

Распространенное мнение о "постоянном росте терроризма" — а с ним приходится встречаться не только в популярной литературе — не подтверждается ни фактами, ни цифрами. Эта иллюзия порождена, видимо, сенсационными действиями отдельных террористов и, конечно, оглушительной рекламой. Впечатление усиливается еще и привычкой весьма расширительно толковать сам термин "террорист". Во многих исследовательских программах и статистических выкладках самые разные формы политического насилия — от правительственных репрессий до гражданской и партизанской войны — включаются в один раздел — терроризм. Получается, что террор — синоним политического насилия вообще. Нет надобности объяснять, что это неверно.

Другой вопрос, что терроризм, не представляющий сейчас особой угрозы, может превратиться в страшную опасность. И не из-за расширения его масштабов, а в результате прогресса науки и техники. Профессор Бернард Фельд, один из крупнейших американских физиков, недавно писал о том, к каким кошмарным последствиям могло бы привести исчезновение десяти килограммов плутония из правительственных складов. Представим себе, что мэр Бостона получает письмо. В нем сообщается, что группа террористов подложила где-то в центре Бостона ядерную бомбу. К письму приложена грубая диаграмма, из которой следует, что ядерное устройство сработает. Профессор Фельд признается, что посоветовал бы уступить шантажу, дабы не подвергнуть разрушению свой родной город...

Страхи такого рода, хотя в прошлом и менее оправданные, высказываются уже в течение столетия. Если Мост и его современники-анархисты объявили динамит абсолютным оружием, панацеей, способной излечить все политические и социальные язвы, то далеко не все разделяли их восторги. В 90-х годах прошлого столетия один офицер британской полиции писал: "Смертоубийственные организации разрослись; они осмелели, им служит ужасное оружие, созданное современной наукой. Сейчас миру угрожают новые силы, которые, будучи неосторожно освобождены, могут однажды привести к всеобщему разрушению. Бомбы, которые применял Орсини (итальянский революционер середины прошлого века. — У.Л.), — это детские игрушки по сравнению с новейшими адскими машинами. Между 1858 и 1898 гг. дьявольская наука разрушения продвигалась вперед быстрыми, вызывающими тревогу шагами..."

Когда в Первой мировой войне стали применяться отравляющие вещества, возникли опасения, что результатом атак станет гибель миллионов людей. Так, Муспрат писал в 20-е годы, что определенные химические вещества способны в очень короткое время уничтожить целые районы. Лорд Холсбери, возглавлявший отдел взрывчатых веществ военного министерства Великобритании, заявил в 1928 г., что сорока тонн дифенилцианарсина достаточно, чтобы вызвать гибель всего населения Лондона. О бактериологическом оружии тоже стали уже говорить в годы Первой мировой войны. Согласно одному сообщению незадолго до конца войны одна из сторон завербовала "анархистские элементы", которые должны были доставить холерную культуру на территорию другой.

Есть серьезные основания сомневаться как в подлинности этого сообщения, так и в реальном значении всех этих средств.

Конечно, опасность цельзя недооценивать. В 1936 г. в Германии был синтезирован первый из группы нервных газов — табун; за этим последовало открытие еще более токсических веществ — зарина в 1938 г. и замана — в 1944 г. Все эти газы вызывают смерть в течение нескольких минут.

Еще до того, как было взорвано первое ядерное устройство, ученые и государственные деятели Соединенных Штатов выражали опасение, что какой-нибудь безумец или агент враждебной державы сможет незаметно пронести ядерную бомбу в нужное место. По образному выражению одного ученого, "двадцать тысяч тонн тринитротолуола можно спрятать под прилавком мелочной лавки". И по сей день такая возможность не исключается. За последние семь лет было 175 случаев, когда ядерным установкам грозила опасность. В 1973 г. группа террористов напала на ядерную установку недалеко от Буэнос-Айреса; правда, установка еще не была пущена. В 1975 г. террористы подожгли ядерную электростанцию во Франции.

Вообще, чем шире использование атомной энергии в мирных целях, тем выше вероятность того, что люди, имеющие достаточную подготовку, могут украсть плутоний и создать примитивную ядерную бомбу. Даже применяемые сейчас строгие меры контроля вряд ли вполне эффективны.

Впрочем, есть и другое мнение. Некоторые специалисты считают, что хотя создание нелегального ядерного оружия в принципе возможно, вероятность его успешного ис-

пользования весьма мала. Даже если террористы сумеют добыть нужное количество расщепляющихся материалов, создание бомбы потребует усилий большой группы людей и длительных сроков. Популярная некогда история о террористе, изготовившем атомную бомбу в гараже и доставившем ее на велосипеде, явно принадлежит к миру фантазии.

Разумеется, террористические группы, готовые прибегнуть к ядерному оружию, нельзя оценивать обычными мерками. Если террористы получат поддержку дружественного им правительства, имеющего ядерные реакторы и возможность производить плутоний или уран-235, то технические трудности преодолеть будет нетрудно. Правда, не исключено, что с течением времени будут разработаны и меры предосторожности — скажем, сигнальные датчики. Но даже в этом случае нет уверенности, что удастся создать абсолютно надежную систему предупреждения.

Ядерный шантаж привлекает наибольшее внимание, ибо угроза ядерного взрыва особенно впечатляет. Однако современная техника располагает и другими, не менее опасными видами оружия. Здесь имеются в виду такие отравляющие вещества, о которых уже шла речь (нервные газы), монофторалифатические соединения, токсин ботулизма. Есть и целый ряд других видов потенциального биологического оружия, применение которого может привести к эпидемиям от сибирской язвы до бубонной чумы, от определенных форм энцефалита до пситтакоза (попугайная болезнь). Некоторые виды микроорганизмов трудно выращивать или распространять, но список патогенных микроорганизмов, которые можно использовать в бактериологической войне, настолько обширен, что не может не вызывать тревоги.

В то же время быстрый рост коммуникаций, систем централизованной вентиляции, создание сети крупных водохранилищ и т. д. — все это делает современное общество достаточно уязвимым. Получить доступ к патогенным микроорганизмам легче, чем к расщепляющимся материалам; с их перевозкой и распространением может справиться очень небольшая группа людей, даже отдельный человек.

С другой стороны, тотально разрушительный характер биологического оружия затрудняет его применение террористами. Дело не только в том, что оружие это гораздо менее эффективно, но и в том, что угроза его применения вряд ли будет воспринята всерьез. Чтобы доказать реальность своей угрозы группа террористов может взорвать бомбу в малонаселенном районе. Но осуществить "показательную" эпидемию никак невозможно. Прimitивная ядерная бомба, мощностью, скажем, в 0,1 килотонны, что эквивалентно примерно 100 тоннам взрывчатки, нанесет ограниченный ущерб. Эпидемия же может распространиться на все континенты и захватить все страны. Уже одно это делает бактериологическое оружие невыгодным с точки зрения международного терроризма. Оружие такого рода скорее применит безумец.

В середине 70-х годов появились сообщения о том, что из складов оружия в ФРГ украден горчичный газ; предполагали, что это дело рук банды Баадера—Майнгоф. Позже австрийская полиция нашла канистры с нервным газом, украденные уголовниками. Сообщали, что Арабский фармацевтический конгресс обещал помочь ООП и призывал ее готовиться к биологической войне. Однако до сих пор не известно ни одной попытки использовать такого рода оружие в широких масштабах.

Можно считать доказанным, что большая часть существующих сейчас террористических групп не прибегнут к этому оружию либо по политическим соображениям, либо потому, что это ничего им не даст. Если бы оружие такого рода было использовано, например, в Ольстере, то жертвами его стали бы и католики, и протестанты.

Теоретически возможно, что террористы используют сверхразрушительное оружие и против тоталитарных режимов. Однако это не очень вероятно: у врагов тоталитаризма достаточно решимости, но их возможности гораздо меньше, чем у врагов открытого общества.

Если угроза применения оружия массового уничтожения окажется достаточно реальной, то правительство будет поставлено перед чрезвычайно сложным выбором.

Сдача на милость террористов, которую рекомендует, например, профессор Фельд, кажется решением вполне естественным; однако ясно, что это не выход. Опыт показывает, что за одним случаем успешного шантажа следует другой, за ним третий и т. д. За ядерной угрозой со стороны левых раньше или позже последует аналогичная угроза правых, противоречащие друг другу требования с угрозой применения ядерного, биологического или химического оружия последуют и со стороны различных сепаратистских групп. Это создаст обстановку тирании небольших групп или, что более вероятно, полной анархии.

Все это реально, если общество не научится достойным образом отвечать на шантаж. Хочется верить, что человечество сумеет нейтрализовать такую опасность. Но если чрезвычайные обстоятельства все-таки возникнут, то контрмеры должны будут включать такую степень контроля государства и столь суровые репрессии, к которым до сих пор не прибегало ни одно демократическое общество в мирное время.

Со временем это может привести к ограничению многих демократических свобод — перспектива столь же опасная, как настоящая война. Но если государство окажется перед выбором: либо погибнуть, либо ограничить гражданские свободы, вряд ли можно сомневаться, каким будет выбор.

Вопрос о том, допустим ли компромисс, когда речь идет о террористах, вызывает бесконечные споры. Думается, в отдельных случаях — допустим. Вместе с тем следует помнить, что в конечном счете общество потеряет больше человеческих жизней, если окажется на поводу у террористов.

Не подлежит сомнению, что и в обозримом будущем никакое общество не сможет удовлетворить реальные или воображаемые, справедливые или несправедливые требования всех своих членов. Однако остановит ли это соображение людей, которые убеждены, что следует наказать весь мир, если их претензии не будут удовлетворены?

Если все сказанное касается отдаленного будущего, то и в ближайшее время нам есть о чем беспокоиться. Террористические группы уже пытались использовать такое опасное оружие, как советские ракеты САМ -7 или американские "Redeye" — против пассажирских самолетов.

Это еще не означает, что техника современного терроризма приобрела новое качество. Но опасность в том, что рано или поздно это может привести к войне. Страна X, жертва подобного нападения, может придти к выводу (справедливому или нет), что террористы действовали по указанию страны Y, финансировавшей, обучившей и снабдившей их оружием. В качестве ответной меры страна X может прибегнуть к бомбардировке столицы страны Y, ее нефтяных месторождений и проч.

Те, кто поддерживают международный терроризм, наивно полагают, что сумеют избежать ответных мер. Вряд ли этот оптимизм оправдан. Международный терроризм именно потому, что он международный, легко может привести к войне. Вряд ли, впрочем, это соображение остановит пособников международного терроризма — по крайней мере до тех пор, пока несчастье не обрушится на их собственные головы.

Если таковы виды на будущее, то терроризм воистину очень далеко ушел от своих истоков, от идеи борьбы против деспотизма и тирании. Тайные общества и революционные организации XIX века прибегали к террору потому, что легальные методы борьбы с тиранией были невозможны. Террор использовали и национальные движения, борющиеся против иностранных угнетателей. Даже сейчас могут существовать обстоятельства, объясняющие, если не оправдывающие применение этих методов.

Но ныне изменилась сама природа терроризма: террористы отказались от ограничений, они все чаще прибегают к тактике убийств без разбора. Появились многонациональные террористические организации, управляемые, так сказать, на расстоянии. Но самое показательное: террористы не могут и не хотят бороться с жесткими диктатурами.

Если когда-то терроризм был орудием бедных и слабых в борьбе с безжалостными тиранами, то сейчас террористы богаты и вооружены современным оружием. Многие террористические группы приобрели качества, когда-то характеризовавшие тирании, — они жестоки и явно несправедливы.

Да, некоторые террористы все еще верят в свою освободительную миссию. Однако все, что они делают, может лишь проложить путь к новому поколению тиранов. ●

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ-МИЛЛИАРДЕРЫ

“Увы, над нами сгущаются тучи”, — пожаловался недавно видный функционер представительства Организации освобождения Палестины в Риме. Но он имел в виду не историю с захватом итальянского туристического теплохода “Акилле Лауро” и ответную акцию, осуществленную с американского авианосца “Саратога” — погоню за самолетом, на котором пытались скрыться террористы вместе с их руководителем Абуль Аббасом, и арест бандитов на Сицилии. Хотя эта история больше, чем все предыдущие подвиги, подорвала международную репутацию ООП и ее главы, она нисколько не повредила им в глазах арабского мира. Любое свое поражение палестинцы всегда умели истолковать как новую победу.

Не имелась в виду и бомбардировка штаб-квартиры палестинской организации в Тунисе. Напротив, она лишь усилила симпатии к Арафату в арабских государствах.

Не эти и подобные им удары кажутся людям из ближайшего окружения Ясира Арафата ударами судьбы. Их пугает другое: то, что у организации могут кончиться деньги.

Член исполнительного комитета ООП Джамал эль-Сурани, заявление которого напечатано в газете, выходящей в княжестве Катар, сетует на то, что расходы организации в несколько раз выше ее доходов. На нехватку денег жалуются и палестинцы, живущие на территориях, контролируемых Израилем. Арабский мэр города Вифлеема весьма энергично потребовал увеличения дотаций, которые он получает от ООП, иначе, сказал он, “придется выклянчивать деньги у оккупантов”. Можно ли верить всем этим жалобам?

По самым скромным подсчетам Организация освобождения Палестины располагает в настоящее время активами в размере шести миллиардов долларов. Каждое очередное поражение, за исключением изгнания из Ливана в 1982 г., увеличивало приток валюты в палестинскую кассу. В 1979 г., когда были заключены кемп-дэвидские соглашения, на встрече лидеров арабских стран в Багдаде было решено в течение ближайших десяти лет — до 1989 г. — выплачивать ООП ежегодно 300 миллионов долларов. Деньги поступают в “палестинский национальный фонд”, подчиненный исполнительному комитету ООП. При этом Арафат закрепил за собой право лично распоряжаться средствами фонда.

Задачу скромного вспомоществования разделили между собой нефтяные страны. В этом году оно выглядит следующим образом: Саудовская Аравия — 85,7 млн. долларов, Кувейт — 47,1 млн., Ливия — 47,1 млн., Ирак — 44,6 млн., Объединенные арабские эмираты — 34,3 млн., Алжир — 21,4 млн., Катар — 19,8 млн. Сверх этого выделяют особые суммы для палестинцев на территориях, оккупированных Израилем; в текущем году они составили 70 млн. долларов. Регулярно выполняет свой долг перед оккупированными палестинцами, лишь саудовский король; остальным приходится то и дело напоминать. Представитель Арафата Абу Ийяд жалуется на скупость вождя ливийской революции: “Каддафи растранижил столько денег на Уганду и на Чад! А подать на бедность палестинским братьям ему жалко.”

Доходы ООП не ограничиваются бюджетными ассигнованиями арабских стран. Не-что вроде налога выплачивает организации из собственного кармана каждый палестинец,

проживающий за границей. Причем больше всего поступает денег из Кувейта: в этом маленьком, но очень богатом эмирате бывшие палестинцы составляют четверть населения и распоряжаются значительной долей общественного продукта.

Капитал Организации освобождения Палестины находится, главным образом, в руках контролируемого организацией Арабского банка в Иордании. Банк имеет около 20 филиалов за границей, в том числе в США, и пользуется отличной деловой репутацией. Бывали случаи, когда банк ООП помогал вечно нуждающемуся в деньгах иорданскому королю Хусейну.

Кроме того, ООП вложила часть своих богатств в различные финансовые учреждения Европы и Америки. Свои личные сбережения борцы против сионизма и за свободу палестинского народа хранят на счетах в швейцарских банках. Что касается Иордании, где значительная часть населения — палестинцы, то здесь организация контролирует, по оценке одного местного финансиста, 70% народного хозяйства. Существуют принадлежащие ООП текстильные фабрики, плантации овощей, предприятия по транспортировке товаров. В 1970 г. король изгнал палестинские отряды из страны; за истекшие годы революционеры сумели поправить свои дела на ином поприще. И теперь монарх оказался связан с ООП иными узами — теми, что создает презренный металл.

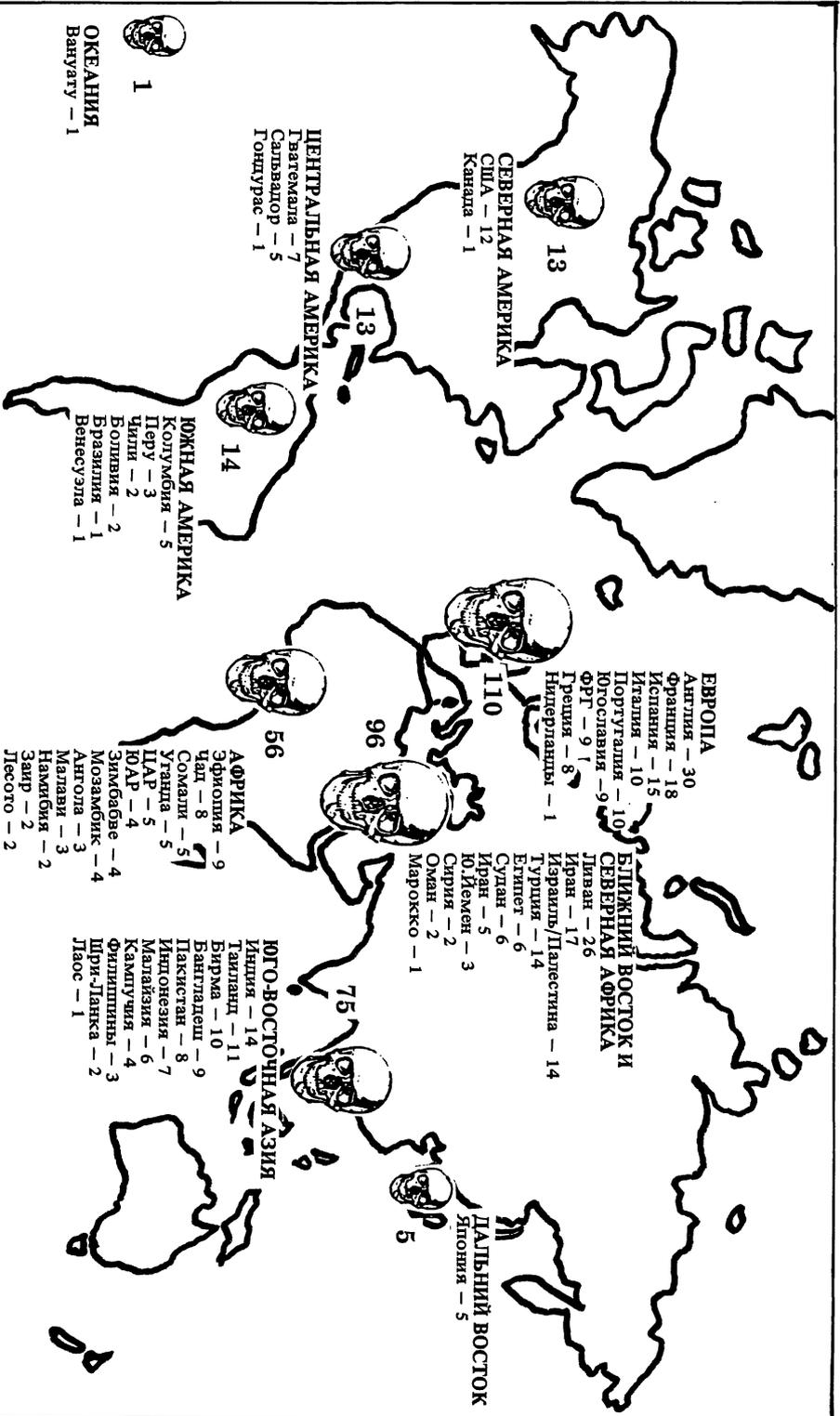
Некоторые факты говорят об успешном сотрудничестве палестинских фирм и банковских контор. Недавно один банк в Аммане начал строить для себя высотное здание. Организация Арафата настояла на том, чтобы техническое оснащение новой конторы, включая установку компьютеров, было поручено ее фирмам. В противном случае, грозила она, палестинцы будут вынуждены изъять из банка свои вклады.

В более или менее замаскированной форме деньги, принадлежащие ООП, циркулируют и в Третьем мире, главным образом, через посредство Арабского банка экономического развития Африки и Арабо-Африканского банка. По словам одного арабского дипломата, у палестинских деятелей в Африке столько ферм, что они могли бы снабжать яйцами и курятиной все армии всех арабских государств. Доходные предприятия, земельная собственность и доля в фирмах в Америке, отели и здания контор в столицах стран Ближнего Востока, гостиница и авиакомпания на Мальдивских островах — свой бизнес, в отличие от военно-политических акций, организация строит на солидной основе.

Ливан в этом смысле не был исключением. Вплоть до 1982 г. ООП господствовала в стране не только политически, но и экономически. На заводах и предприятиях, которые принадлежали ООП, от текстильного предприятия до мебельной фабрики, от доменной печи до продовольственного комбината, было занято 10 тысяч рабочих. Зато для лагерей палестинских беженцев денег не было: эта законсервированная нищета должна была служить вечным обвинением Израилю.

Своих людей революционно-освободительная организация отнюдь не держит в черном теле. Суммы, которые расходует находящееся в Аммане управление ООП по делам воспитания и образования, во много раз превосходят то, что в состоянии платить народным учителям иорданское государство. Оклады чиновников, работающих в организации освобождения Палестины, вчетверо выше зарплаты, которую получают за аналогичную работу иорданцы. В ряде арабских стран ООП имеет собственную сеть здравоохранения, персонал ее клиник получает самую высокую зарплату. Брат Ясира Арафата — Фатхи Арафат, проживающий в Каире, руководит палестинским Красным Полумесяцем (исламский аналог организации Красного Креста). Медицинский транспорт Красного Полумесяца ООП — предмет нескрываемой зависти египетских коллег.

Но охотнее всего палестинский лидер тратит деньги на вербовку сторонников и укрепление своей власти. Так, по крайней мере, утверждают противники Я.Арафата среди самих террористов. Говорится, например, о том, что в последнее время глава ООП выплатил своим людям в Южном Ливане, а также на севере страны в Триполи несколько сот миллионов долларов. Как бы то ни было, многие видные деятели движения уме-

Цифры — число террористических организаций в регионе и в отдельных странах

ют ценить блага, которые приносит с собой толстая пачка зеленых купюр. Верхушка палестинской бюрократии давно уже отказалась от революционно-мусульманского маскарада, который демонстрирует их шеф, неизменно появляющийся в кефии и с пистолетом у пояса. Модные костюмы, лимузины с пуленепробиваемыми стеклами, фешенебельные виллы. Эти люди знают, с какой стороны бутерброд намазан маслом.

Раскол в рядах ООП не в последнюю очередь связан с недовольством, которое вызывает купающаяся в роскоши верхушка у бойцов, верных идеалу революционного аскетизма. По сведениям, добытым израильянами, соратник Арафата и организатор захвата "Акилле Лауро" Абуль Аббас получает ежемесячно 100 тысяч долларов. В то же время отколовшимся от Арафата борцам не хватает средств, чтобы купить оружие и уплатить "братьям", которые с этим оружием идут в бой.

Быть профессиональным революционером в рядах ООП — значит делать карьеру, обещающую богатство, но это значит также подвергать себя немалому риску. Не только риску быть схваченным во время "операции" — это только усиливает героический ореол борца на народное дело, — но риску быть убитым собратьями по борьбе. Сухейр Мужсин, командир отряда ООП, был застрелен в собственном роскошном доме на французской Ривьере. Молодых бойцов раздражал исходивший от него "смердящий запах золота" (как выразился диктор радио Триполи).

Умерший в 1978 г. Вади Хаддад, специалист по взрывам в Израиле, оставил в наследство своей сестре 140 миллионов долларов. Эту цифру называют его бывшие соратники.

Все это побуждает многих арабов не относиться с излишней серьезностью к жалобам палестинцев на грозящую им нищету. Закончим эту заметку высказыванием одного ближневосточного дипломата: "ООП протягивает руку в гипсе, хотя никакого перелома нет. Кто же не знает, что калеке подадут больше. Организации палестинцев рано петь Ла-заря. Они могли бы жить припеваючи с одних процентов." ●

ОБОРОТЕНЬ, ГОВОРЯЩИЙ НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ

Комментарий к карте

Уже много лет политологи и криминалисты пытаются создать науку о терроризме. Дело упирается в небольшую, но существенную деталь — необходимость дать определение основным понятиям, относящимся к идеологии и практике террора. Достаточно сказать, что ни Лига наций, ни ООН не смогли предложить приемлемого для всех толкования самого термина "террор". Им, по-видимому, можно манипулировать так же, как и понятиями "левый" и "правый" — смотря к чему стоять спиной. Но теория теорией, а террор существует, ширится, уносит все новые жертвы, находит все более изощренные и бесчеловечные методы для того, чтобы напомнить миру о себе. В географии современного политического бандитизма почти нет белых пятен. Кажется, нет страны, полностью свободной от террора, будь то Новая Каледония или США, Индия или Португалия. Иногда говорят об отсутствии террористических организаций (по крайней мере давших о себе знать) в Восточной Европе и Скандинавии. Применительно к коммунистическим государствам это кажется логичным: тотальный контроль и тоталитарный порядок — неблагоприятная почва для подпольных организаций; вдобавок здесь достаточно государственного терроризма. Тем не менее такие, пусть нечастые эпизоды, как покушение на Брежнева, попытки угона самолетов с применением оружия, взрыв в московском метро, убийство священника Попелюшко в Польше (хотя бы и не санкционированное высшими властями), акты политического террора в Болгарии, Албании, Югославии, показывают, что и этот регион не застрахован от терроризма. В скандинавских странах до последнего времени не

было обнаружено террористических организаций, однако "акции" на их территории имели место: их проводили западногерманские, итальянские, арабские и другие террористические группы.

От этой болезни не гарантируют ни религиозная принадлежность, ни степень развития той или иной страны, ни тоталитаризм, ни демократия. Старейшее демократическое государство мира — Великобритания — держит мировое первенство по количеству всевозможных революционных, боевых, освободительных и т.п. террористических групп, зарегистрированных исследователями (и следователями): 30 организаций.¹ Во Франции до недавнего времени было столько же террористических "фирм", сколько в Ливане (28). Впрочем, можно заметить, что благосостояние страны все же играет определенную роль: в процветающей Федеративной Республике Германии намного больше организаций, чаще совершаются террористические акты, чем в огромной, бедной и многонациональной Бразилии.

Ближний Восток (вместе с Северной Африкой) считается мировым центром терроризма. Этой славой обширный регион, в сущности, обязан крошечному клочку земли — так называемому Фатахленду. На юге Ливана, между рекой Литани и границей с Израилем, разместилась сеть тренировочных лагерей, арсеналов и бункеров, штабных учреждений, узлов связи и прочих военных или полумилитарных объектов. Здесь, наряду с арабами, школу подпольной войны проходили японцы, ирландцы, турки, немцы, пакистанцы и множество других национально или интернационально озлобленных борцов. Дважды — в 1978 и 1982 гг. — израильская армия пыталась уничтожить этот очаг. На крепость крестоносцев Бофор, важнейший опорный пункт господства вооруженных организаций над южными районами Ливана, были сброшены тысячи тонн бомб. В подземных арсеналах было обнаружено оружие, достаточное для оснащения миллионной армии. В конечном счете вторжение в Ливан подорвало инфраструктуру терроризма в бывшем "Фатахленде". Тем не менее базы подготовки специалистов по диверсиям сохранились и на самом Ближнем Востоке (в частности, в Ливии и Южном Йемене), и далеко от его пределов — в СССР, Румынии, ГДР, Северной Корее; по некоторым сообщениям новый центр создается в Никарагуа. В настоящее время в ближневосточном и североафриканском регионе действуют 54 организации террористов, в том числе 26 — в Ливане. Исламский фанатизм, вдохновляемый и поддерживаемый имамом Хомейни и "вождем ливийской революции" Каддафи, вызвал активизацию (и интернационализацию) деятельности "Мусульманских братьев". "Братья" числят в своем активе такие известные акты террора, как убийство президента Египта А.Садата, захват Большой мечети в Мекке, волнения в городах Сирии в 1983 г. и многие другие операции. Организация освобождения Палестины, которая сама включает не менее 10 организаций, официально представленных в Исполкоме ООП, оказалась между трех огней (рейды израильтян, просирийские раскольники и исламские фанатики, с их ненавистью к левомарксистским фракциям ООП). Следует упомянуть и о возрождении забытого на Ближнем Востоке еврейского терроризма — следствие ожесточения действиями ООП. За последние полтора года израильская служба безопасности раскрыла пять групп и одиночек, осуществивших или планировавших акты террора против арабов.

Есть признаки того, что масштабы мирового терроризма в настоящее время несколько сократились по сравнению с серединой 70-х годов. Тогда в 70 странах мира было известно примерно 560 подпольных террористических организаций и небольших групп. Ныне таких организаций насчитывается менее 400 и "лишь" в 60 странах. Неизвестно, означает ли это, что уменьшилась численность террористов. Заметное свертывание организаций наблюдается в Латинской Америке, где традиции революционного террора, вообще говоря, укоренены больше, чем где-либо. Теперь количество организаций снизилось здесь за истекшее десятилетие с 93 до 28, причем в шести странах (Аргентина, Доминиканская республика, Мексика, Парагвай и Уругвай) организованный терроризм сейчас практически неизвестен. По одной террористической группе осталось в Бразилии (из двенадцати), Венесуэле (из пяти), Гондурасе (из четырех). Это можно объяснить сочетанием нескольких факторов: победой

¹ Цифровые данные заимствованы из справочника P.Janke, *Guerrilla and Terrorist Organisations: A World Directory and Bibliography* (1983).

демократических режимов в ряде стран континента, крушением попыток кубинского экспорта революции и — в немногих случаях — удачными полицейскими операциями, или тем, что вожди терроризма отказались от вооруженной борьбы как средства достижения политических целей.

Другие районы мира дают меньше оснований для оптимизма. В Африке общее число организаций, о которых что-либо известно, — сравнительно небольшое — стало еще меньше (62 вместо 72, существовавших десять лет назад), однако сокращение связано главным образом с объединением мелких групп. Разумеется, здесь, как и в некоторых других пунктах земного шара, кое-кто перешел из разряда героических бандитов в категорию сильных мира сего — главарей и членов правящих клик. Похоже, что это не сделало их милосердней. ФРЕЛИМО в Мозамбике, МПЛА в Анголе, ПАИГК в Гвинее-Бисау, ЗАПУ в Зимбабве — продолжают воевать со своими политическими противниками (и со своими народами), применяя испытанные террористические методы.

В Азии первенство держит Иран (17 террористических организаций и групп), за которым следуют Турция и Индия (по 14 в каждой стране). И на этом континенте произошло частичное превращение вчерашних террористов в государственных деятелей: так случилось в Южном Йемене, Кампучии, Лаосе и Южном Вьетнаме, где верхушка Вьетмина влилась (правда, не без неизбежных в таких случаях чисток и потерь) в общее правительство объединенного Вьетнама. Леворадикальные прокитайские группы в Азии в целом умерили свою активность с приходом к власти нового руководства в КНР, но кое-где, напротив, активизировались из-за обострения внутренних проблем (Шри Ланка, Филиппины, Бангладеш, Таиланд). Все же нельзя без чувства облегчения отметить, что еще до смерти Мао была распущена самая кровавая террористическая организация Азии — “красные бригады”, иначе хунвейбины, которая уничтожила десятки тысяч соотечественников. В Японии терроризм переместился в правонационалистический лагерь, частью ушел в “чистую” беспримесную уголовщину либо покинул страну, как печально знаменитая “Красная армия”.

Сходную эволюцию пережили террористические организации в США (они рекрутировались главным образом из числа цветных меньшинств). В Канаде “Фронт освобождения Квебека” отказался от вооруженных методов борьбы за никем не оспариваемые права франкоязычных жителей страны.

В Европе большая часть выступлений террористов приходится на юг континента: чуть ли не половина известных групп дислоцирована в Испании, Италии, Португалии, Греции и... социалистической Югославии. Это организации, выступающие в роли борцов за права этнических меньшинств (басков, корсиканцев, македонцев), антинатовские активисты и прокитайские группки. Разумеется, и в северных странах есть свои национально-религиозные проблемы и конфликты — достаточно упомянуть об ирландском экстремизме. Вместе с тем здесь выдвинулся на первый план другой тип терроризма и другой тип “бойца” — истеричного нигилиста, выходца из обеспеченной семьи, борющегося с демократией справа или слева. Маленькая Европа концентрирует почти треть террористических организаций мира, и доля ее постоянно растет. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

ЛУЧШЕЕ БЛЮДО ШЕФ-ПОВАРА КУЗНЕЦОВА

Бухта Тикси. В Бухте Тикси разыгралась пурга. Но работы, которые зимовщики торопятся закончить к 18 годовщине Октября, идут усиленным темпом. Досрочно выполнили месячный план научные работники. Шеф-повар шхуны “Полярная звезда” Кузнецов делает изо льда десятиметровую статую Ленина.

“Правда”, 6 ноября 1935 г.

САМОУПРАВЛЕНИЕ НА АМЕРИКАНСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Письмо в редакцию

В июльском номере вашего журнала напечатана статья американского журналиста Роберта Каттнера "Рабочие — в совете управляющих". Статья искажает действительное положение вещей. Объективно она чернит самоуправление. Отмечу самое важное.

В конце 70-х годов, пишет Р.Каттнер, когда основные отрасли промышленности в США поразил кризис, работники многих предприятий, которым угрожало банкротство, стали коллективно выкупать их в свою собственность, чтобы не оказаться без работы. Однако впоследствии, сообщается в статье, "все эти (выкупленные) предприятия по существу потерпели крах."

Но это вопиющая неправда. В 1979 г. финансовая комиссия Сената США провела выборочное обследование 75 предприятий, полностью принадлежащих рабочим коллективам. Результаты обследования показали, что на этих предприятиях с того времени, как они перешли в собственность рабочих, производство возросло в среднем на 25%, а прибыли — на 15%. И по всем остальным экономическим показателям обследованные предприятия превышали средний уровень в своих отраслях.

Только в результате установленной жизнеспособности самоуправляющихся предприятий Конгресс США и многие штаты приняли законодательную программу, регулируемую и облегчающую (за счет налоговых льгот) приобретение предприятий трудовыми коллективами (программа эта называется "План создания рабочей собственности на средства производства").

Конгресс увидел, что таким образом можно уменьшить безработицу, а следовательно, и сумму выплат по безработице. В Америке "за так" ничего не делается. Ну и банки, разумеется, не стали бы субсидировать выкуп предприятий рабочими, будь у них сомнения в жизнеспособности самоуправляющихся предприятий.

По данным газеты "Нью-Йорк Таймс", к 1983 г. число самоуправляющихся промышленных предприятий в США, полностью принадлежащих рабочим, достигло пяти тысяч. Журнал "Таймс мэгэзин" в номере от 28 марта 1983 г. сообщил, что "число банкротств среди коллективных предприятий значительно ниже, чем в среднем по стране." Все публикации отмечают также рост темпов "коллективизации" и увеличение размеров выкупаемых предприятий.

В приложении к моей книге "Самоуправление" помещено интервью с директором консультационного "Национального исследовательского центра предприятий, принадлежащих рабочим" К.Розеном. Центр этот был создан в 1980 г. на частные средства, что лишний раз говорит о росте числа самоуправляющихся предприятий в США.

В интервью К.Розен утверждает, что примерно 8 тысяч промышленных компаний (не считая магазинов и других предприятий обслуживания) находится уже — к 1984 г. — во владении рабочих коллективов. Эти предприятия дают в среднем на 50% больше прибылей, чем сравнимые с ними обычные предприятия. Среднегодовой прирост производительности труда у них, по данным Розена, в два раза выше.

Благодаря жизнеспособности коллективных предприятий "за последнее десятилетие (с 1974 г.), — сообщает К.Розен, — федеральное правительство США утвердило 16 законопроектов, которые поощряют служащих выкупать предприятия и владеть ими; 14 законопроектов находится на утверждении законодательных органов отдельных штатов, и все больше штатов включается в этот процесс."

Таково положение в целом. Далее, более половины статьи Р.Каттнера посвящено подробному описанию неприглядного состояния дел на двух маленьких авиационных компаниях в США, где коллективам принадлежит лишь 25 и 35% акций, и допускается полуфиктивное участие рабочих в управлении. Но при этом владельцы платят служащим значительно меньшую зарплату, чем в обычных авиакомпаниях. То есть речь идет о попытках спекуляции на соучастии служащих в прибылях и управлении. В то же время при описании положения на полностью принадлежащем трудовому коллективу сталелитейном заводе Weirton Steel (штат Западная Вирджиния) не говорится о важнейших деталях и обстоятельствах, без которых положение представляется в искаженном виде.

Утверждается, в частности, что рабочие в течение пяти лет не будут иметь никакой власти: заводом будут управлять директора, "приглашенные в основном со стороны"; что их заработок сокращен на 20% и что экспертная фирма, разработавшая план с упомянутыми условиями, была приглашена по воле старых хозяев завода и властей города, действовала, не считаясь с рабочим коллективом завода и профсоюзом, и "завершила дело так, как хотела."

На самом же деле план, разработанный экспертами, был представлен на обсуждение трудового коллектива завода. 23 сентября 1983 г. состоялось голосование, на котором около 90% рабочих и служащих высказались за принятие плана и покупку завода.

Умалчивается в статье и о том, что в совете директоров большинство составляют (в соответствии с принятым планом) не просто "люди со стороны", а представители тех учреждений и банков, которые ссудили рабочим деньги для выкупа завода, и главное, что они останутся в совете только до тех пор (предположительно до пяти лет), пока займы не будут погашены. После этого все члены совета директоров будут выбираться или наниматься коллективом и ответственные будут только перед ним.

Далее умалчивается, что по расчетам комиссии экспертов заработок каждого члена коллектива, складывающийся теперь из зарплаты (пониженной, чтобы было чем выплачивать долги) и доли от прибыли (ранее уходившей в карманы владельцев), уже примерно через три года достигнет прежних (до покупки завода) размеров и будет продолжать расти. Именно поэтому работники завода и согласились на значительное — до 32%, по моим данным, — понижение зарплаты. В статье же согласие на это рабочих объясняется лишь страхом оказаться без работы.

Директор торговой палаты города Уиртон Р. Крофт сказал в интервью газете "Нью-Йорк Таймс" (24 сентября 1983 г.), что "покупка завода была для рабочих не только единственной возможностью сохранить предприятие, но и возможностью получить в дальнейшем шанс разбогатеть."

Наконец, Р.Каттнер обходит молчанием еще один факт: обосновывая в своем докладе уверенность в том, что завод Weirton Steel, выкупленный коллективом, выживет, эксперты делали ставку (среди прочего) на повышение производительности труда и добросовестность трудящихся, исходя из опыта других предприятий, принадлежащих рабочим.

Если бы все эти другие предприятия "терпели крах", как утверждает Каттнер, никто бы в США копейки не дал на выкуп Weirton Steel, одного из крупнейших американских сталелитейных заводов с семью тысячами работников.

В редакционном предисловии говорится, что "опыт американских рабочих может пригодиться и в Советском Союзе..." Но в таком виде, как он изложен в обсуждаемой статье, он вряд ли кому-нибудь поможет, скорее оттолкнет от самоуправления.

Публикация в журнале "Страна и мир" тем более огорчительна, что это первый, насколько мне известно, материал, посвященный конкретным примерам самоуправления на Западе, появившийся в прессе русской эмиграции. Ведь до сих пор она (как и советская пресса) обходила молчанием все, что касается самоуправления, включая

борьбу "Солидарности" за самоуправление. Складывается впечатление, что и в советской, и в нашей эмигрантской прессе самоуправление — запретная тема. В польской оппозиционной печати, внутри и вне страны, запрета на эту тему нет. ●

Вадим Белоцерковский (Мюнхен)

Карл ШМИДТ (ФРГ)

ОДИН ГРАММ ВЛАСТИ ВЕСИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ФУНТ МОЗГА

Письмо читателя побуждает редакцию вернуться к теме самоуправления. Не будучи принципиальными противниками идеи самоуправляемых предприятий, но и не располагая собственным рецептом, мы решаемся предложить вниманию читателей в СССР и за рубежом статью о рабочем самоуправлении в Югославии — стране, где эта идея, положенная в основу государственной идеологии, осуществлена в наиболее широком масштабе. Разумеется, статья-репортаж К.Шмидта, при всей суровости выводов, к которым приходит автор, не может служить окончательным приговором; завершая небольшую серию наших публикаций о самоуправлении, мы рассчитываем вновь привлечь внимание к вопросу, немаловажному и для нашей страны.

Роща имени Революции

В Словении, самой богатой из союзных республик, входящих в состав Югославии, рабочие портового города Копер на Адриатическом море отказались разгружать иностранные суда: "Довольно с нас голодных пайков!" Голодный паек — это зарплата докера.

В Косове, самом бедном районе страны, забастовали рабочие свинцовых рудников: "Вы нас за людей не считаете!" Вмешалось начальство, дело дошло до потасовки.

Стихийные стачки, массовый отказ выходить на работу, протесты и беспорядки потрясают ныне государство, где когда-то верили, что система рабочего самоуправления откроет всему народу путь к настоящему, справедливому социализму.

Портреты Иосипа Броз-Тито все еще красуются во всех государственных учреждениях, в каждом школьном классе; ежедневно перед мавзолеем почившего вождя в Белграде выстраиваются очереди. В первые годы после смерти Тито было принято возлагать венки. Но когда в одной из столичных газет появилось сообщение о том, что делегация какого-то предприятия возложила к подножью гробницы корзину цветов стоимостью в 20 тысяч динаров, посыпались возмущенные письма: чтобы заработать такие деньги, рабочий и его жена должны вдвоем трудиться целый месяц. Больше венков в мавзолее не видно.

В журналах для образованной публики задаются осторожные вопросы: можно ли считать путь, по которому повел Югославию Тито, самым правильным? Или: верно ли,

что в тридцатых годах Тито, который жил тогда в Москве, доносил Сталину на своих соперников в югославской компартии, после чего НКВД арестовывал их как троцкистов? Этот вопрос задал сербский писатель Райко Чурич (и был за это лишен права печататься). Бывшее охотничье поместье Тито в Воеводине, где некогда проживала югославская королевская семья, передано армии; остров Бриони, на котором диктатор проводил свой отпуск, превращен в курорт для богатых иностранцев. Дело дошло до скандала: в маленьком сербском городке Чуприя неизвестные злоумышленники разнесли памятник Тито, а в Сплите оказалась разбитой вдребезги мемориальная доска с именем Тито в романтической "роще имени Революции". Молодые люди, задержанные при выходе из рощи, не отрицали, что это сделали они, и даже потребовали, чтобы в протоколе было записано: разбойничьи истории из времен героической партизанской войны им надоели, пусть лучше власти ответят — почему молодежь не может найти работу?

Можно добавить, что и за рубежами страны ореол вокруг имени Броз-Тито потускнел. Югославское руководство безуспешно старалось созвать очередную конференцию неприсоединившихся государств у себя в стране. Делегации стран Третьего мира, прежде осаждавшие Белград, теперь приезжают неохотно: в Югославии больше не разживешься деньгами. В организации неприсоединившихся государств, отеснив бесцветных наследников Тито, занимают теперь почетные кресла более влиятельные фигуры: друзья Советского Союза Фидель Кастро и Каддафи, а также восходящая звезда — индийский премьер Раджив Ганди.

Виновных нет, виноваты все

Что случилось? Почему еще при жизни Тито бывший его соратник Милован Джилас поставил безнадежный диагноз, по его словам, "тяжелобольной" югославской экономике? Оправдался ли этот диагноз?

Начнем с цифр, которые красноречивей всяких рассуждений.

К началу осени 1985 г. внешний долг страны составляет 24 миллиарда долларов. Югославия обогнала Польшу и занимает в списке европейских должников (в пересчете на душу населения) первое место. Валютных поступлений не хватает даже для выплаты процентов.

С 1980 г. наблюдается стремительный рост инфляции, достигшей теперь 85%; к концу 1985 г. эксперты ожидают 100%. По темпам инфляции Югославия тоже вышла на первое место в Европе и быстро догоняет латиноамериканские страны.

Реальное рабочее время на югославских предприятиях в среднем — три часа в день. Машины используются на 60%. Производительность труда в Югославии ниже, чем в Румынии.

Нынешний уровень жизни соответствует уровню жизни населения в 1961 г. Чуть ли не половина семей живет на доход, который ниже прожиточного минимума.

В стране насчитывается, по официальным данным, 1300 тысяч безработных — пятая часть трудоспособного населения. Но при рациональном использовании производственных мощностей без работы осталось бы еще 2,5 миллиона и безработица дошла бы до 50%.

На всех предприятиях в Югославии имеется избыток лиц, занимающих должности и рабочие места без реальной необходимости; это приводит к тому, что молодым людям особенно трудно найти работу. Свыше 80% безработных — молодежь, вообще никогда не работавшая.

Вот высказывание одного белградского социолога, который просил не называть его имени: "С точки зрения психологии у нас дело обстоит еще хуже, чем у поляков. Те, по

крайней мере, справились со своим разочарованием. Они поняли, что собственными усилиями можно как-то выкарабкаться. А у нас нет ни одного человека, на которого можно было бы указать пальцем, сказав: вот кто все это натворил! Никто в отдельности не виноват, виновны все. Без инициативы, без будущего, без надежды, словно бегун, истощивший все свои силы, мы все больше и больше отстаем и скоро сами не заметим, как окажемся чем-то вроде европейского приюта для бедняков.”

На зарплате далеко не уедешь

Но эта бедность не сразу бросается в глаза. Хотя на белградских улицах стало гораздо больше нищих, хотя роскошные магазины в центре города отнюдь не ломаются от покупателей, тем не менее большинство граждан все-таки не похоже на обитателей ночлежки. В магазинах все есть. В Белграде, в Загребе, в Любляне вечерами в ресторанах и кафе полно народу, причем большинство элегантно одетых посетителей — не иностранцы.

На центральной улице югославской столицы, в закрытой для транспорта пешеходной зоне продаются духи из Парижа (флакон — 8 тыс. динаров) и шотландский виски (около 4 тыс. динаров за бутылку). Магазин ”Югоэкспорт” предлагает наряд для новобрачной по цене 50 000 динаров. Другой вопрос: кто в состоянии это купить? Чтобы приобрести платье для дочери, текстильщику в Словении нужно работать два месяца, а в Македонии — почти три месяца.

В адриатических портах теснятся сотни роскошных яхт и моторных лодок, каждая из которых стоит в ФРГ не менее ста тысяч марок, в пересчете на югославскую валюту — десятки миллионов. Принадлежат эти суда югославским гражданам. Откуда они берут деньги? Этого никто не знает.

Как бы то ни было, подлинная бедность прячется позади фасадов, за дверями квартир. Обыкновенной зарплаты не хватает, чтобы прожить. Замужние женщины вынуждены работать, но найти работу, как уже сказано, непросто. Из шести миллионов трудящихся (официальная цифра) женщин два миллиона.

Женатый электрик из Белграда, отец троих детей, рассказывает о бюджете семьи: ”Я получаю на заводе 25 тысяч динаров в месяц, моя жена работает подавальщицей в столовой и зарабатывает 14 тысяч динаров. После работы мы еще подрабатываем, она — парикмахершей, а я по соседям, кому надо что-нибудь починить или сделать проводку. Это еще тысяч двенадцать... В общем выходит 51 тысяча динаров в месяц на пять человек.”

Примерно половина заработка уходит на квартирную плату и коммунальные услуги. Крупных приобретений, таких, как покупка велосипеда для детей, семья Бранко (так зовут электрика) не делала уже три года. ”Помогает родня, — добавляет он, — они живут в деревне и снабжают нас мясом, жирами, овощами, фруктами по дешевой цене. Если такой поддержки нет или если нет родственника, работающего за границей, на законной зарплате не проживешь.”

Впрочем, недостаточные заработки, дороговизна и общий невысокий жизненный уровень затушевывают главную проблему страны — контраст между различными районами. В южных республиках многонационального государства — в Боснии-Герцеговине, Черногории, Македонии, а также в автономном крае Косово живет много хуже, чем на севере, в республиках Сербия, Хорватия, Словения и автономном крае Воеводина. Разница в уровне жизни между рабочим автономного края Косово, населенного пре-

имущественно албанцами, и рабочим в Словении больше, чем разница между сицилийским крестьянином и крестьянином в Швеции.

Теоретик рабочего самоуправления

Если вы спросите, в чем причина экономического упадка Югославии, у ответственных работников министерств и директоров предприятий всегда есть готовый ответ. Повышение цен на нефть, трудности сбыта на мировом рынке, высокие пошлины, установленные Америкой... Одним словом, виноват весь мир — но не Югославия.

Возможно, этот ответ вас не удовлетворит. Тогда вам скажут, что в свое время маршал Тито получил большие кредиты, в особенности от западных стран, оставил гору долгов и пустые кассы. Но почему кассы не наполняются, а гора продолжает расти, непонятно.

О подлинной причине — то есть о том, что одновременно представляет собой ядро югославской экономической системы, суть и смысл "особого пути" Югославии к социализму, — много говорят и пишут. Пишут о том, как усовершенствовать систему. Но по-настоящему — несмотря на крайнюю серьезность ситуации — вопрос нигде и никем не ставится.

Это ядро, эта главная причина крушения экономики — рабочее самоуправление.

Идея, что рабочие должны сами взять на себя ответственность за свои предприятия, а граждане — за свое государство, принадлежала умершему в 1979 г. наперснику Тито — Эдварду Карделю, школьному учителю из Словении и участнику партизанской войны, который стал затем главным идеологом югославского коммунизма. Он и теперь почитается как великий мыслитель. "Центр теории и практики самоуправления" в Любляне, где хранится гигантский архив Карделя, готовит к печати полное собрание его сочинений в 65 томах. Классик рабочего самоуправления переплюнул, таким образом, самого Ленина.

Когда в конце 40-х гг. Югославия порвала со Сталиным и Советским Союзом, встал вопрос о том, чтобы создать в стране систему, в равной мере далекую и от государственного социализма по московскому образцу и от западного капитализма. Модель, сочиненная Карделем, которую он беспрестанно доделывал и переделывал, предусматривала отмирание центральной власти и отводила коммунистической партии лишь роль арбитра и консультанта. В Югославии, где партия и государство отнюдь не склонны добровольно отказываться от власти, этот тезис сам по себе оказался утопией.

Можно добавить, что проект Карделя, рассчитанный на высокую сознательность граждан, был предназначен для государства, которое представляет собой достаточно пестрый этнический конгломерат, возникший относительно недавно, после Первой мировой войны. В этом государстве проживают шесть крупных народов и двадцать четыре национальных меньшинства. Его население принадлежит к трем религиозным группам: католики, православные и мусульмане.

Страна окружена соседями, которые склонны ставить под сомнение справедливость ее границ. Коммунистическая Болгария притязает на македонскую территорию. Коммунистическая Албания не прочь присоединить к себе Косово, где вот уже пять лет идет борьба за подлинную автономию, подавляемая силой оружия.

Несмотря на все это, первые шаги по пути к социализму были успешны. Отвага, с которой правительство решилось прекратить дружбу с Москвой, воодушевила народ, экономика, освобожденная от удушающего централизованного планирования, воспрянула. Для миллионов людей на Западе Югославия стала образцом умеренного и достаточно успешного, почти благоденствующего социализма. Левые идеологи всевозмож-

ных толков, протрезвевшие после упоения Россией, обратили свои взоры к Югославии и связали с именем Тито все свои надежды.

Рабочий класс заседает, бюрократия правит

Энтузиазма хватило примерно до конца 60-х годов. С тех пор экономика, несмотря на помощь из-за границы, не вылезает из кризиса. На возмущение разочарованного населения правительство отвечает репрессиями и террором. Только что обнародован отчет международной организации защиты политических заключенных Amnesty International, посвященный Югославии; в нем говорится о беззащитном ущемлении прав человека в этой стране. Сотни так называемых политических преступников были за последние годы арестованы, осуждены и подвергнуты истязаниям. С другой стороны, Международный валютный фонд был вынужден в этом году дважды отказать югославскому режиму в кредитах, так как лица, отвечающие за экономическую политику Югославии, не выполняют международных обязательств. Но кто, собственно, отвечает за эту политику? Кто несет ответственность за хозяйство в этом государстве?

Сам собой напрашивается удручающий вывод. Упадок экономики, бессмысленные капиталовложения, недостаточная занятость и недостаточное прилежание рабочих имеют вполне конкретную причину. Мы уже упомянули о ней. Эта причина — система рабочего самоуправления. Система, которая насилует и самих рабочих и государство в целом.

Самоуправление введено повсюду, где люди вместе живут или вместе работают. В каждом жилом квартале или округе имеется собственный мини-парламент, на каждом предприятии — рабочий совет. Даже в тюрьмах, даже в психиатрических больницах есть соответствующие органы, состоящие из заключенных или пациентов. Каждому трудящемуся приходится до тридцати раз в году голосовать на предприятии и по месту жительства по вопросу о том, какая часть его личного дохода пойдет на общественные цели: на работе — для пополнения фондов и для капиталовложений, дома — на строительство школ, больниц, новых квартир.

Решениям предшествуют нескончаемые обсуждения, которые в лучшем случае информируют трудящихся о положении вещей, в худшем — просто навязывают им то или иное решение. Разобраться в сложном механизме расходов и выручки, в характере разного рода списываемых сумм, банковских операций и прочего под силу только бухгалтерам и докладчикам. Задачей рабочего самоуправления было защитить рядового человека от произвола бюрократов. На самом деле именно самоуправление дало бюрократии почти неограниченную власть.

Каждое предприятие состоит из множества автономных организаций, где объединены рабочие по профессиям, поэтому, например, рабочий-автолакировщик состоит не в одной организации со слесарем по ремонту автомашин. В круг вопросов, решаемых голосованием, входит и вопрос о размере заработка для каждой специальности. В итоге рабочая солидарность оказывается невозможной. Попытка бастовать встречает сопротивление у своих же товарищей по цеху. На смутьяна немедленно донесут или попросту избьют его.

Внутри каждой группы установлена одинаковая зарплата, из которой все больше вычитывается на общественные и иные нужды. Как и сколько вы работаете, не имеет значения. Записанное в конституции право на труд защищает от увольнения всех, в том числе лодырей и пьяниц. Самоуправление отнюдь не упразднило эту категорию лиц; напротив, бездельники размножились сверх всякой меры.

По установленному порядку каждая низовая организация выделяет делегатов, которые должны представлять интересы трудящихся на более высоких ступенях управления. Начиная от "самоуправляющихся общин" в жилых районах, населенных пунктах и так далее и "низовых организаций обобществленного труда" на заводах и в учреждениях, и кончая организациями республиканского и союзного уровня — вплоть до скупщины, — каждый седьмой житель страны где-нибудь заседает в качестве делегата. Из шести миллионов трудящихся более двух миллионов — делегаты, то есть люди, оторванные на более или менее продолжительный срок от работы. Нечего и говорить о том, что огромное большинство делегатов — профаны в вопросах управления хозяйством. Переизбираемые каждые четыре года, эти люди (не получающие какого-либо специального вознаграждения — общественная работа не подлежит оплате) обязаны голосовать по всем вопросам: от приобретения кофейной машины до миллионных ассигнований. Нужна ли в заводской столовой кофеварка — об этом они еще могут судить. О смысле и цели гигантских капиталовложений народные представители имеют, к сожалению, лишь очень смутное представление. Впрочем, этого от них и не требуется: почти во всех случаях голосование представляет собой формальную процедуру, некий псевдодемократический ритуал; на самом деле решение давно уже принято в высших сферах.

Ибо подлинную выгоду из децентрализации извлекают не рабочие на фабриках и не граждане в жилых районах. Политическое руководство страны делит власть с верхушкой на местах — в союзных республиках и местных общинах. Захватив бразды правления, бюрократия, естественно, — из чувства самосохранения — не склонна выпускать их из рук. Система самоуправления служит для нее превосходным алиби.

Комбинат по переработке несуществующего сырья

Подобно тому как в Советском Союзе власть принадлежит отнюдь не советам, так созданная Тито система "социалистического рыночного хозяйства" ни в коей мере не оправдывает своего названия. Ибо рынок и прежде всего цены определяются не спросом и предложением, а постановлениями бюрократов, которые блокируют волю и решения рабочих советов путем всевозможных нормативов, жестких предписаний и т.п.

В итоге глазам наблюдателя предстает довольно грустное зрелище: рабочий класс, граждане страны раздроблены, разделены на многочисленные мелкие ячейки, каждая такая ячейка повинуетя указаниям местного партийного бонзы и ориентируется на политику собственного городского или сельского совета. А о том, чтобы заботиться об общенародных интересах, задуматься над экономическими проблемами более широкого масштаба, не может быть и речи. В лучшем случае, то есть если они имеют какую-то реальную силу, решения низовых организаций преследуют узко местные, эгоистические цели, в пику и во вред интересам ближайших соседей. Так выглядит то, что в теории было задумано как социалистическое соревнование и учет рыночной конъюнктуры. "Каждая деревня хочет иметь собственный сталелитейный завод", — жаловался в начале семидесятых годов шеф-идеолог рабочего самоуправления Кардель.

Миллиардные суммы, полученные главным образом в форме кредитов от Запада, Югославия потратила на бессмысленные проекты и бесплодные начинания, на строительство предприятий, которые давно обанкротились или вовсе не были пущены из-за халтурного планирования.

Были сооружены сахарные комбинаты, совокупная мощность которых вдвое выше урожая сахарной свеклы. Построено 105 трикотажных фабрик, большая часть которых начала выпускать товары, когда уже давно было ясно, что продукцию некуда девать. В хорватском городе Обровац был воздвигнут алюминиевый комбинат: геологи

рапортовали о том, что вблизи города находятся крупные залежи бокситов. После завершения строительства выяснилось, что никаких бокситов нет. Теперь комбинат не то будет продан Китаю, не то должен быть использован под звероводческую ферму. Бывший директор несостоявшегося комбината в беседе с автором этой статьи добавил, что рабочая сила и механизмы были использованы главным образом на строительстве бесплатных роскошных вилл на острове Паг у адриатического побережья для хорватского руководства; заодно был построен и дом для министра финансов республики Йово Галича.

Два года назад на деньги, полученные от Международного кредитного банка, в республике Босния-Герцеговина был сооружен завод по переработке картофеля. Это предприятие имеет сейчас долг в два с половиной миллиарда динаров и не в состоянии выплачивать даже проценты. Причина — нехватка картофеля. Завод использует лишь 40% своей мощности.

В Бабушнице, на границе с Болгарией, местные власти закупили дорогостоящее оборудование для изготовления кирпича, но оказалось, что местная глина не подходит для этой техники. В Кавадарци, на греческой границе, выросли корпуса гигантского никелевого комбината, который обошелся почти в два миллиарда — уже не динаров, а долларов; построив комбинат, рабочий совет обнаружил, что ни в ближней, ни в дальней округе нет ферроникелевых руд, пригодных для переработки. Комбинат стоит без работы, и вся республика Македония задолжала столько, что средний заработок трудящихся в этом районе сейчас ниже рекордно низкого уровня в автономном крае Косово.

Гигантомания — типичная черта промышленного планирования в Югославии. Не только каждая из республик, но и чуть ли не каждая община носится с проектами, требующими непосильной концентрации и без того скудных капиталов. Чтобы покрыть долги, в которые влезла Македония из-за строительства упомянутого никелевого суперкомбината, республике теперь придется на долгие голы отказаться от каких-либо инвестиций.

Между тем разрабатывается и вот-вот будет одобрен новый сногшибательный проект, на этот раз в Сербии. Автомобильный завод "Црвена застава" ("Красное знамя") вот уже сорок лет выпускает по лицензии итальянского "Фиата" легковые и грузовые автомобили. Теперь заводу предстоит не более и не менее как завоевать американский рынок, попутно преодолев конкуренцию японских и западноевропейских фирм. "Красное знамя" будет поставлять в Соединенные Штаты машину среднего класса "Юго-55": как уверяют сторонники этого проекта, в Америке югославское изделие ожидает один миллион покупателей. Чтобы удержаться на весьма изобильном рынке, автомобиль должен стоить на 1160 долларов дешевле, чем машины конкурирующих фирм (планируемая розничная цена "Юго-55" — 3990 долларов). Если дело пойдет, завод в городе Крагуевац выручит миллиард долларов; но потянет ли такую нагрузку предприятие, технические и коммерческие возможности которого явно недостаточны для того, чтобы тягаться с могучими соперниками?

Фунт ненужного мозга

"Один грамм власти весит больше, чем фунт мозга". Замечательный этот афоризм был произнесен кем-то из членов сербского ЦК в итоге долгих дискуссий на тему о том, что делать дальше с экономикой. Недостатка в планах, добрых советах, и рекомендациях, как справиться с кризисом, нет. За последние месяцы вышли в свет десятки книг с предложениями хозяйственных реформ. Дальше всего в своей критике существующей системы, пожалуй, зашли профессора экономики Бранко Хорват из Загреба и Александр Байт (Любляна).

Хорвату 57 лет, группа американских коллег выдвинула его в кандидаты на Нобелевскую премию, которую он, однако, не получил. Его концепция проста: он сторонник единовластия экспертов. Все важнейшие решения по хозяйственным вопросам должны принимать квалифицированные экономисты. В Федеративной Республике Германии, одной из наиболее развитых стран мира, правительство регулярно пользуется услугами "совета мудрецов". Даже в Советском Союзе ЦК коммунистической партии выслушивает рекомендации ученых академиков. И только у нас в Югославии, говорит Б.Хорват, каждый член партии считает себя вправе судить об экономике.

Хорват требует возвращения к государственной системе хозяйства с Вавилонской башней планирующих органов на всех уровнях. К ним должна быть добавлена некая "компенсирующая инстанция", чья задача — возмещать убытки предприятий, деятельность которых по высшим государственным соображениям все же признается целесообразной. Три года назад Хорват выпустил в США книгу под названием "Political Economy of Socialism", где между прочим заявил: "Советская экономика неэффективна, но логична". Проект Хорвата должен вернуть югославской экономике логику, что же касается эффективности, то тут автор книги уклоняется от ответа: "Я с иностранцами внутриполитические проблемы нашей страны не обсуждаю".

Иначе рассуждает профессор Байт, руководитель Института экономики в Словении. Он считает, что причина всех бед в том, что югославская модель не осуществлена в полной мере: "Рынок есть существенная составная часть системы самоуправления, однако именно этот компонент мы предали забвению".

Вместо того чтобы создавать предприятия, чутко реагирующие на "сигналы рынка", прежде всего на колебания цен, власти в Югославии искусственно декретируют цены свыше, начиная с цен на капитал и рабочую силу и кончая ценами на экспортируемые товары, да и все товары вообще. Байт предлагает, "даже если это потребует поначалу серьезных жертв", немедленно и полностью либерализовать политику цен, предоставить каждому предприятию возможность самому решать, что делать с прибылью; каждый человек, говорит он, должен сам распоряжаться своим доходом. Своим-то, может быть, и нетрудно; а доходом крупного завода? Как бы то ни было, о социализме Байт предпочитает помалкивать.

С более практическими предложениями выступил старый партизан Чедо Грбич, член Конституционного суда Хорватии (см. "Страна и мир", 1985, № 9. — *Ред*). Нужно сказать, что партийная пресса буквально обрушилась на него, чего не случилось ни с Хорватом, ни с Байтом. Грбич полагает, что необходимо всемерно поддерживать и развивать частный сектор. В тех отраслях хозяйства, где частным владельцам принадлежит значительное место, — в сельском хозяйстве (свыше 90% хозяйств), а также в ремесленном производстве, мелкой торговле, некоторых видах транспорта — производительность труда намного выше, чем на социалистических предприятиях. Вдобавок в этих отраслях имеется резерв рабочих мест: здесь могли бы с успехом трудиться люди, которые сейчас занимаются разного рода нелегальными промыслами. Грбич горячо одобряет опыт хозяйственных преобразований в Венгрии.

Все что угодно, только не капитализм

Что же говорит по этому поводу партийная печать? Предсказать ее реакцию было бы нетрудно. Любые разговоры о частном предпринимательстве, все предложения такого рода — автоматически ставят под сомнение целесообразность сохранения существующего режима, другими словами, так или иначе посягают на коммунистическую власть. По словам газеты "Борба", старый партизан Чедо Грбич и его единомышленники "распространяют ложные идеалы".

Выше упоминалось, что девять десятых крестьянских хозяйств в Югославии принадлежат частному сектору, "единоличникам", по обозначению, принятому в СССР. Но что это за хозяйства? Каждый крестьянский двор имеет право владеть не более чем десятью гектарами земли. Землевладельцы обязаны покупать удобрения и семена у государства по высоким ценам, им запрещено продавать свою продукцию частным скупщикам. В результате подавляющее большинство сельских хозяев прокармливают самих себя, мало заботясь о снабжении продовольствием городских жителей. Маленький пример хорошо рисует обстановку, более или менее характерную для всей страны: на загребском рынке у трех молодых крестьян был отобран их товар за то, что они торговали клубникой по 250 динаров за килограмм. За соседним прилавком представители "общественного сектора" предлагали клубнику по цене 400 динаров за килограмм; никто ее не покупал.

Югославские иностранные рабочие возвращаются на родину (например, из Германии), надеясь на заработанные деньги открыть частное дело. Вот тут-то политические предрассудки против частной инициативы и становятся почти непреодолимой преградой. В любой другой стране ввоз валюты мог бы только поощряться; в Югославии не то. Двенадцать лет обсуждался закон, разрешающий лицам, которые возвращаются из-за рубежа, привозить с собой без пошлины станки и приборы. Закон был, наконец, принят, но и теперь "мелкий капиталист" обязан заполнить около 50 анкет и формуляров, чтобы добиться разрешения открыть крошечное частное предприятие.

Поэтому иностранные рабочие предпочитают либо вовсе не возвращаться, либо, вернувшись, строить собственные дома; за это по крайней мере не наказывают. Десятки тысяч таких домов возникли в Словении и Хорватии, и хозяевам их можно лишь позавидовать. Они не платят квартирной платы, возделывают фрукты, держат скот и снабжают себя всем необходимым; к этому добавляется доход от сдачи комнат внаем. Парадоксальным образом борьба с "капиталистическими тенденциями" приводит к оживлению предпринимательства в самых примитивных формах, напоминающих натуральное хозяйство.

Деньги ваши, идеи наши

Ни партийная верхушка, ни государственные руководители не ведают, как им решить экономические проблемы. Оно и понятно: ведь их главная забота — удержать власть. Стане Доланц, один из восьми членов Президиума СФРЮ, недавно заявил: "Дискуссии насчет того, чтобы изменить систему, создают политический климат, который в настоящий момент нам не нужен".

Золотые слова. Доланц знал что говорил. В борьбе за иностранную валюту и рынки, за влияние и господство федерация, некогда скрепленная, как бочка железными обручами, властью и авторитетом Тито, давно уже развалилась. Она развалилась на восемь враждующих княжеств. Югославия быстро превращается — если уже не превратилась — из федерации в конфедерацию без достаточно надежных скреп. "Давно известно, — замечает по этому поводу видный сербский коммунист Б.Бабич на страницах "Борбы", — что народ уважает свое государство ровно настолько, насколько государство соблюдает собственные законы. Если же государство неспособно поддерживать авторитет закона, это умаляет авторитет партии, ибо власть в конечном счете принадлежит ей."

Принадлежит ли она ей бесспорно — вот вопрос. Под видом местных трений и местных тенденций оживает старинная вражда народов, населяющих нынешнюю Югославию. Оживают гегемонические грезы, просыпается и страх порабощения. Распри между сербскими и хорватскими товарищами давно у всех на виду; сербское начальство вновь притязает на старые привилегии в Воеводине и Косове; в Македонии партийные

вельможи брюзжат по поводу подавления македонской культуры сербами. Прямой результат национальной розни — отсутствие солидарности рабочего класса, то, что так отличает Югославию от Польши. Ни один рабочий в Хорватии не станет бастовать в поддержку сербского рабочего.

Длинный список югославских бед можно, впрочем, разнообразить квази-оптимистическим фактом. Недавно Милка Планинц, нынешний председатель Союзного исполнительного веча (правительства), ездила в США и в СССР, а также приняла в Белграде канцлера ФРГ Гельмута Коля; предметом бесед были новые кредиты. И несмотря на очевидную неплатежеспособность страны, согласие на новые реанимирующие впрыскивания финансовой помощи Запада было получено. Почему? Да потому, что западные страны не хотят допустить, чтобы югославская дама упала в объятия Москвы. Даже если Югославия окончательно обанкротится, — ей подбросят деньги.

На одном из международных экономических симпозиумов был задан вопрос, доколе эта страна будет расплачиваться за ошибки своих руководителей, за рабочее самоуправление, за пресловутый югославский социализм — одолженными миллиардами. Ответить решился только один человек, югославский ученый Коста Михайлович. Он сказал:

”Югославия сама виновата в своих несчастьях. Пора распрощаться с иллюзиями. Пора понять, что капитализм — не тетенька из благотворительного общества, готовая в любую минуту раскошелиться, как только нам нечего будет есть, да при этом еще и погладить нас по головке.” ●

Франсуа МОРИАК

АННА АХМАТОВА В СЕРДЦЕ МОЕМ...

Вступительная заметка и перевод Е. Эткинды

Сто лет назад, 11 октября 1885 года, родился Франсуа Мориак, один из крупнейших мастеров французской прозы XX века, лауреат Нобелевской премии 1952 года. У русского читателя он, пожалуй, не менее популярен и любим, чем у себя на родине. В СССР переведены его романы и повести ”Тереза Дескейру”, ”Клубок змей”, ”Фарисейка”, ”Дорога в никуда” (”Дороги моря”), ”Подросток былых времен”, ”Обезьянка”, ”Шалый”, эссе ”Романист и его персонажи” и некоторые другие произведения; большими тиражами выходили в Москве романы Мориака по-французски, для студентов. Творчеству Мориака посвящены содержательные работы советских литературоведов. Однако католицизм Мориака и его принципиальная антиреволюционность не могли не вызвать подозрений у литературных чиновников, не упускавших случая его лягнуть: ”... Религиозная догма и реакционные политические взгляды ограничивают реализм этого сложного и талантливого писателя... Общественное мнение Франции складывается не в пользу писателя. Политическая публицистика Мориака получает отрицательную оценку во французской прессе...” (О.В.Ловцова. Литература Франции 1917—1965. М., 1966). Что еще можно было писать о публицистике Мориака в 1966 году? Ведь именно к этой поре относится его статья об Анне Ахматовой, напечатанная в ”Le Figaro Littéraire” 15 мая 1966 г., которую мы публикуем ниже (по-русски она не появлялась). Из статьи видно, какие события этого года волновали писателя, — они памятливы каждому из нас: смерть Анны Ахматовой, процесс Синявского и Даниэля, визит в Москву генерала де Голля, только что закончившееся дело Иосифа Бродского, отправленного в ссылку. С тех пор

прошло без малого двадцать лет, Франсуа Мориак умер в 1970 г., многое переменялось. Но то, что одушевляло его тогда, не утратило актуальности. Да и "Реквием" Ахматовой по-прежнему под запретом...

"*Анна Ахматова в сердце моем...*" Весь день я твержу эти слова — с тем же чувством, с каким, бывало, бормотал стих Бодлера: "Андромаха, полно мое сердце тобой..." Андромаха вставала перед глазами Бодлера из доисторической мглы. Анна Ахматова только что умерла, незнакомая нам при жизни; теперь мы знаем: она была одним из больших поэтов Советской России; но мы любим ее за другое: эта хрупкая женщина разделила нескончаемую крестную муку своего народа. Красавица, которая в расцвете молодости, накануне Великой войны, ценила лишь славу и любовь, захотела разделить судьбу тысяч, миллионов изгнанных и замученных; мужа ее расстреляли, сына продержали за решеткой с двадцати лет до сорока — из ненависти к унаследованной им фамилии.

Только об этом — "Реквием" Анны Ахматовой. Тоненькую книжку, вышедшую в издательстве "Полночь", можно прочесть за полчаса, но из нее вырывается волна, покрывающая нас с головой, и волна эта не уходит. Я знаю, что поэзия непереводаима. В книге стихов Анны Ахматовой страдания русской женщины сочатся по капле и, наконец, выбиваются потоком сквозь непонятные слова.

В 1914 году, уехав из Одессы, где она родилась, эта сияющая юная женщина уже была озарена славой, той славой, которой нас дарит свет, и никакие приметы не предвещали будущего:

Показать бы тебе, насмешнице,
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей...

А затем всю ее жизнь определило решение, принятое сразу после революции: не уезжать, как уезжали другие. Выбор был сделан: она не расстанется со своим распятым народом. Советская Россия — если свести страну к тому представлению, какое составили себе о ней миллионы телезрителей, — это победоносный космонавт, с выпяченной грудью приближающийся к сидящему на торжественном возвышении Президиуму. Советская Россия — это еще и другое: после сорока пяти лет кровавой или коварной борьбы это те юные комсомольцы, которые оскорбляют последних приверженцев русской Пасхи, — чтобы вырвать из народного сердца веру в Бога живого.

Анна Ахматова добровольно выбрала свой крест — ее устами стомиллионный народ кричит: "Муж в могиле, сын в в тюрьме, помолитесь обо мне!" Нельзя читать без слез все, что в "Реквиеме" относится к ее единственному сыну, — ему будет сорок лет, когда наконец отодвинутся засовы его тюрьмы. Прочитаю только "Предисловие", датированное первым апреля 1957 года:

"В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то "опознал" меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от собственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шопотом):

— А э т о вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом".

Анна Ахматова познала перерыв и отдых: начиная с 1941 года война освободила ее от кляпа. Ахматова подарила свой голос сражающейся России. Ее стихи пользовались

широчайшей известностью. Но уже в 1946 году, при Жданове, прерванная было травля возобновилась.

”Анна Ахматова в сердце моем...” В момент, когда в России будут торжественно встречать генерала де Голля, я хочу громко и внятно сказать, за что мы, французы и католики, любим эту страну. Не за то, что она, быть может, первой вступит на луну. Но мы ценим, мы горячо любим то, что осталось от Святой Руси — вопреки диким выходкам комсомольских юнцов; то, что упорно продолжает жить, несмотря на запрет крещения, несмотря на тысячи закрытых или разрушенных храмов (а в те, которые еще действуют, возбраняется вход детям и молодежи), — эта Россия наперекор всему остается верной себе, как Анна Ахматова осталась верной своей советской родине вопреки расстрелу мужа, вопреки заточению сына.

С тех пор, как Ницше объявил, что Бог умер, распято столько народов, что все эти кресты в каком-то смысле нейтрализовали друг друга; невыразимые страдания испанского народа, Польши, Израиля, многих других заслонили друг друга, и мы забываем о них. Современная история Европы разыгрывается среди леса крестов. Но распятая Россия живет уже более сорока лет. Ее крестная мука продолжается. И почти без единого крика: в этой стране кричать опасно. Все знают, чего это стоило в нынешнем году Сиявскому и Даниэлю. ”Реквием” Ахматовой звучит — среди полной тишины. Нужно, чтобы этот стон был услышан, благо перевод Поля Вале чудом передает хоть какую-то долю непередаваемого страдания.

Анна Ахматова знала славу. Она всегда верила, что ей когда-нибудь будет воздвигнут памятник. И она называет место, где ей хочется, чтобы стоял этот памятник — не в царском парке, где безутешная тень расстрелянного мужа по-прежнему ищет ее, нет,

А здесь, где стояла я триста часов,
И где для меня не открыли засов,
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть громыхание черных марусь...

Может быть, меня осудят за то, что я все это пишу накануне поездки в Москву нашего президента; вдохновляет меня любовь Анны Ахматовой к ее народу. С самого отрочества этот народ был мне ближе моего собственного: благодаря Толстому и Достоевскому, немного позднее — благодаря Бердяеву, Чехову, Пастернаку; в них я находил черты моего сокровенного существа, которых нет у наших сухих писателей...

С медленным удушением русской православной церкви я не могу примириться. Вы осуждаете молчание Пия XII, когда фашизм истреблял евреев, но вы же сами сегодня молчите, — а ведь на севере России подвергается гонениям, травле, разрушению неповторимая, воплощенная в этом народе надежда.

Анна Ахматова ушла в конце концов от своих палаток, — теперь она вкушает покой. Но другие русские поэты еще живы. Ученик Ахматовой Иосиф Бродский (прочтите сборник ”Холмы и другие стихотворения”, выпущенный издательством ”Порог”, с содержательным предисловием Пьера Эмманюэля), приговоренный к пяти годам исправительных работ, еще жив, — насколько там может остаться в живых интеллигентный человек, которому собственное представление о личности позволяет быть свободным. Именно эта свобода составляла его преступление: преступление поэта.

”Анна Ахматова в сердце моем...”

"КОГДА Я УМРУ, НЕ ПИШИТЕ ОБО МНЕ КНИГ..."

Письма к Ренате Швейцер

Перевод Р. Орловой

XIV.

30 сентября 1958

Рената, любушка моя,

начинают приходиться письма из Англии, из Америки, исполненные такого понимания, такой благодарности, — и я при этом каждый раз думаю о тебе. Д-р Готфрид Фишер, владелец издательства, тоже написал мне глубоко прочувствованное письмо с приветами от его жены и сотрудников издательства. Герду Руге, статья которого нас с тобой привела друг к другу, недавно пришлось срочно выехать на родину. Его жена захворала здесь в М [оскве], пока он путешествовал по Сибири. Она уехала в Мюнхен. Теперь он последовал за нею. Он трогательно пишет мне из Мюнхена, как она, не обращая внимания на болезнь, следит за публикациями Д [октора] Ж [иваго], читает его по-английски и ждет немецкого издания. Это нескромно, что я все это тебе рассказываю, но так получается из-за того, что все это наполнено волнующе-теплым дыханием. А теперь я хотел, не спросив у тебя разрешения, познакомить Руге с женой и Фишеров, раз уж они питают ко мне такие дружеские чувства, с тобой, то есть написать им про тебя, дать им твой адрес, предложить, если надо, связаться с тобой по всем моим немецким делам. Мне свойственна такая склонность к сводничеству — знакомить друг с другом всех самых любимых друзей, всех избранных. Друг с другом они встречаются много, много чаще, чем со мной, это скорее кружок знакомых О [льги]. К нашим обычным гостям, то есть к домашнему кружку, я гораздо равнодушнее. Это воскресное общество, с О [льгой] вовсе не знакомое, состоит из известных и обладающих средствами людей из мира искусств и театра, но мое сердце принадлежит не им, а бедным, побитым жизнью или молодым, неизвестным, которые тянутся к О [льге], совершенно так же, как для Тенса было радостью получить от тебя несколько строк. Теперь я рассказал О [льге], что хочу направить названных выше лиц к тебе. Она резонно возразила мне, что напрасно я так уверен, будто вся эта компания

друзей принесет тебе радость, мне бы надо, собственно говоря, спросить у тебя, не огорчит ли это, не вызовет ли это у тебя раздражение? — Я чувствую тебя (и, прости, Тенса за его добросердечие и душевную чистоту) настолько присутствующими здесь, так осязаемо, так явно, что мне кажется, Д[окто]р появится в середине октября (17-го) только ради вас, только для вас обоих в Германии, а для всех остальных — лишь с тем, чтобы доставить гордость и радость вам. Прости за бессмыслицу, которую пишу тебе. К моему переделкинскому адресу добавь два слова: "через Баковку". Будь здорова и счастлива. Люблю и обнимаю тебя.

XV.

21 октября 1958

Два поручения, Рената. Напиши, пожалуйста, Тенсу, что я получил его сообщение о первой вечерней радиопередаче по Д[октору] Ж[иваго], которую он слушал вместе с женой и тремя дочерьми. О, как подходит этот человек со всем его душевным переизбытком ко всему этому; как я все больше и больше делаюсь его неоплатным должником, почти как твоим. Напиши ему, что он не должен так расточительно тратить на меня столько своего времени, сил и мгновений своего досуга. Мой благодарный ответ ему не заставит себя ждать. Я ему напишу. Но не сейчас. Я взял одну срочную работу, не ради материальных соображений, но все же такую, где окупается именно быстрота исполнения. И еще я получаю множество писем из-за границы: не отвечать хотя бы на часть этих писем невозможно, это выше моих сил. (Кстати говоря: сколь очевидно велик голод по свободе, по простоте во всем мире, если все они радуются Д[октору] Ж[иваго] как счастливому поводу позволить себе непринужденность.) Вдобавок, из-за неприятностей с ногой, мне нельзя сидеть долго без движения, и приходится чуть ли не по-военному бодро вышагивать по четыре, самое меньшее по три часа в день. Далее, то, что ты называешь шведской возможностью, все еще мыслимо и в случае осуществления грозит все перевернуть в моей жизни, заслоняет и затемняет мое ближайшее будущее. Пусть Тенс простит меня за то, что некоторое время я не буду ему писать.

Теперь второе поручение. Скажи Ренате, — сам я, разумеется, не могу ей сказать, — что ее длинное письмо я читал, обливаясь слезами, что это просто преступление — обрушивать на человека такие охватывающие весь мир, подобные акту творения письма. Да, и что я дивлюсь тому, как широко она начитана! Я и понятия не имел, что у Ли Тай-бо есть такие строфы. Это ослепительное совпадение. Я подумал, что эта зависимость запаха мандаринной корки от легкой разгоряченности есть особенность моих воспоминаний и моего опыта, но вот и здесь подтверждается, что самое субъективное, если оно верно подмечено и названо, оказывается самым общечеловеческим.

Поздравляю тебя с твоими эликсирными успехами и, главное, с тем, что ты закончила чтение текста. Мне было приятно прочесть в твоём письме, что ты не смогла слушать второе чтение по радио, так как должна была пойти на концерт, что у тебя много дел, срочные обязательства, что ты была занята.

О, как мне знакома эта несвобода из-за писем, из-за срочных дел, из-за выдуманных важностей, — эта умножающаяся, возмутительная, возбуждающая проклятия несвобода! То, что и тебе приходится чувствовать себя её жертвой, конечно, не могло усилить тепло нашего духовного родства, — оно уже достигло предела и расти больше не может. Но уважение мое к тебе благодаря этому стало ещё больше... Ты была права в своём Н[обелевском] предсказании. Премия мне присуждена, поздравляю и тебя. Время для перевода Сл[овацкого] совсем не подходящее. С этим надо по возможности молниеносно покончить. Из-за двухдневного переутомления я уже потерял сон. Но надо это сделать. Так что не гневайся на меня, если я теперь умолкну, и не думай, что я тебя забыл.

Я с тобой, я люблю тебя, ты должна это чувствовать и знать. Прости меня.

XVI.

5 декабря 1958

Дорогая Рената,

спасибо тебе за все. Я все получил, письма, твоё прекрасное стихотворение "У боли темные крылья" с красной гвоздикой, открытки с репродукциями Микельанджело, Сикстинский сборник с чудным Росселли, которого я не знал.

Позавчера Г[ерд] Р[уге] переслал мне твоё большое письмо. Прости, пожалуйста, что я шлю тебе эту торопливую открытку вместо того, чтобы по-настоящему дождаться времени, когда я буду посвободнее и смогу ответить. Но ты ошибешься, если не найдешь привычного для тебя в моих вроде бы сухих и спокойных строках. Твоё первое ощущение при виде только что полученной и ещё не прочитанной открытки будет правильной, чем после чтения. Ты мне ничем не повредила, и я не понимаю, в чем ты каешься в своём прекрасном письме.

Кроме здешних событий, меня даже больше вот что огорчает: после успеха Ж[иваго] бросились переводить и издавать все что попало, в стихах и в прозе, лишь бы только это вышло из-под моего пера. Но все это почти что никуда не годится. На всем этом лежит печать прискорбной для всех (скажем ради краткости) поры экспрессионизма, распада формы, неустойчивых, отданных на произвол случайного и неполного понимания содержания, слабости и пустоты содержания. Оттого-то и возвышается над всем этим Ж[иваго], что это — сгущение духа, что это — деяние или работа духа,

доведенные до конца. А теперь эту мою духовную сгущенность хотят разбавить ведрами и бочками глупейшей воды. К чему такая спешка? Издатели получили от Ж [иваго] и удовольствие, и выгоду, можно и передохнуть, подождать, пока у меня еще раз не получится что-нибудь стоящее, идущее дальше.

И вот что еще удивительно и непостижимо. После искусно и по всем правилам написанной и переведенной прозы публикуют стихотворный конец в бесформенном, незаконном прозаическом переложении, которое ведь — попросту плохая проза, следующая за хорошим прозаическим текстом. Я не понимаю, в чем смысл этого венчающего книгу довеска. А ведь совсем рядом есть великолепные, точные переводы стихов, о чем никто не знает, — или, может быть, в них там еще сомневаются? Подробности и образцы их в следующем письме. Я получил от Елены Вольф (а также от Курта В.) и от г-жи Бригитты Фишер захватывающие, исполненные доброты, царственно-милостивые письма. Напиши госпоже Бригитте, что мой восхищенный ответ не заставит ждать себя, но пусть она простит мне временное молчание. И золотой Тенс написал мне благородное и мудрое, как всегда, письмо. Поблагодари его от меня.

XVII.

14 мая 1959

Рената,

прости, что я до сих пор тебе не отвечал. И, чтобы не забыть, — в том водовороте, в котором я гибну, который меня захлестывает, — я, наверное, уже спрашивал, как фамилия "ангела", но бесповоротно забыл. Поэтому напиши мне, пожалуйста, фамилию барышни, когда будешь мне снова писать. Эта девушка была неопишуемой голубизны и красоты, я пробовал ей что-то сказать на плохом немецком, который внезапно просто иссяк.

Ты очень хорошо описываешь свое новое жилье, озеро и деревья за окнами, парк. Поразительно, как много значат для меня определенные времена года, определенное пространство, местность, городской квартал, устройство, округа. Переезд на новую квартиру для меня больше, чем душевная драма. Если бы я захотел довести это до смешного, я бы сказал, что трагедии пишутся для того, чтобы оправдать расходы на декорации, на изображение местности.

Ты совершенно права ("Как все было иначе в прошлом году, вплоть до осени... Что значило тогда расстояние?"). Минувший год неизмеримо изменил все очертания моей деятельности, моего существования! То, что масса зимних писем, моих и твоих, потерялась, тоже принадлежит к закономерности этих изменений, к самой природе событий этого года. Даже наше "ты" в обращении друг к другу звучит удивительно, странно и натянуто. Но еще глупее было бы сейчас говорить "Вы". Все, о чем теперь судит и рядит мир, было, когда я год тому назад писал тебе из больницы, робкими, сугубо лич-

Б.Л.Пастернак
Переделкино, 1959 г.

ными мечтами, до которых никому не было дела (я имею в виду мою писательскую судьбу, ведь здесь от этого все зависит).

Ты хочешь осенью приехать сюда. Не делай этого, пожалуйста, отложи поездку на год. Ты не единственная, кого я заклинаю отказаться от этого. Пруайяр, моей французской приятельнице, необходимо, как славистке, ездить сюда с научными целями. Я умоляю и ее перестать, не делать этого и отложить на год. Для меня будет невыносимо, смертельно неестественно и фальшиво встречать тебя в пределах того возможного, что мне теперь единственно предоставляют. Я более несвободен, чем когда-либо прежде, в смысле подобных встреч. Что было бы, если бы ты приехала, а я с самого начала был бы вынужден отказаться впустить тебя в дом. Это же было бы каким-то бредом. Я не могу тебе даже объяснить колдовскую силу этих переходных мероприятий. Надеюсь, что все образуется, проступают некоторые улучшения. Похоже, что добрые намерения хотят, чтобы их заметили.

Но это определяется не только внешними, посторонними обстоятельствами и соображениями. Год отсрочки необходим мне и по внутренним причинам. Это бесстыдно, это позорно — получить такое признание, столько доброжелательности со всех сторон, не возмещая этого, не отвечая новыми творческими работами. Мне, наконец, необходимо воплотить то новое, что я вынашиваю в голове, необходимо не только в силу внутренней потребности, но и для того, чтобы оттеснить все то, что вышло из Д [октора] Ж [иваго], все следствия, как бы прекрасны они ни были, и освободившееся место занять новым переживанием. Я хочу написать пьесу в прозе. Но когда и как я за это возьмусь, до такой степени перегруженный письмами, различными связями?

А разные ложные представления обо мне, о моем романе распространяются везде (якобы для того, чтобы восславить меня) и, может быть, и тебя отчасти вводят в заблуждение. Например, в Америке мою книгу толкуют как некую тайнопись, все — имена людей, названия улиц, ситуации, все вплоть до отдельных слогов должно быть аллегорией и символом, во всем скрыт глубокий смысл. Если бы даже подобная неестественная, чуждая искусству несообразность была возможна, то зачем было бы ее хвалить? Весь мой символизм, если уж на то пошло, только и состоит в том, что я всегда, не отступая от необходимого для меня реализма, не нарушая ни в чем подробнейшей точности, стремлюсь изображать целое как явление ускользающее, изображать действительность всегда в состоянии движущейся одухотворенности, именно такой, какой я ее воочию наблюдал, видел, знал.

Ты удивишься, тебе покажется, из-за всех этих критико-биографических нелепостей, что ты не подготовлена к тому, что я тебе сейчас скажу о музыке и о романтизме. Мне жаль, что моя совсем небольшая (4—5 страниц) статья о Шопене остается непереведенной и неизвестной. Я сегодня напишу об этом в Париж, этот пробел хорошо бы заполнить. В ней все это есть.

То, что здесь стерто резинкой, грозило превратиться в трактат, невыполнимый и невозможный в письме. Слова "романтизм", "музыка" для меня вовсе не святыни. Эти сферы деятельности существуют в моем представлении лишь ради того, чтобы в огромной степени затруднить гению, который искупает и возмещает целые упущенные столетия ремесленного, легко достижимого и плоского, эту его задачу. Я люблю тихое безумие Шумана, все лирическое в его фантазиях, во Второй симфонии, в концерте, в квинтете. Люблю народно-мелодическую стихию у Брамса, но Крейслериана, все шумно уносящееся у них обоих, у всех, громовые марши, квадратность, ремесленность музыкальной формы, и темы, предустановленные формой, рождающиеся в готовом виде, эта риторика, эта пустая высокопарность лихорадочных, загнанных или якобы спокойных, барабанно-"волевых" ритмов, половина музыки, всего созданного в музыке — все это так до смешного легко и ничтожно, так мало отличается от механичности простых упражнений с гаммами, — профессиональный музыкант должен был бы проделывать эти шумные прыжки ежедневно в виде импровизации, с тем, чтобы потом их забыть. И вот после дьявольски-стремительного, раздираю-

щего воздух пиликанья Паганини — такого человека, как Шопен, внезапно осеняет, что музыка все-таки может иметь и подлинное внутреннее содержание, что эта новая широкая область техники и мастерства может быть заполнена неким реально существующим, талантливо осмысленным, личным, колоссально новым содержанием. И приходит, свершается избавление от звукового варварства. (Рядом с Шопеном я могу поставить только Баха и Вагнера, и еще Чайковского.)

Романтизм я люблю не как нечто осознанное по должности и вторичное, не как искусство в мундире гения. Неофициальная оригинальность какого-нибудь Готфрида Келлера, его сказочность в штатском, скрытая под поверхностью грубоватого реализма, говорит мне больше, чем все дикие выходы Э. Т. А. Гофмана. Но с другой стороны, чем был бы Достоевский, а быть может, и Диккенс без Гофмана?

После всего сказанного каких еще подробностей ты можешь от меня ожидать? Прежде всего: у тебя не должно быть сомнений в искренности того, что будет сказано дальше. Каждое слово будет чистой правдой. Но что мне сказать такого, что можно было бы процитировать? Я этого не боюсь. Приведи в проспекте все, что захочешь.

Для меня будет большой честью и радостью, если вы посвятите мне оперу. Но заслуживаю ли я посвящения? Дальше я пишу не обращаясь к тебе на "ты", в третьем лице, на случай, если это будет воспроизведено в проспекте.

Более чем естественно то, что мир идей Э. Т. А. Гофмана, возникший в театральной и музыкальной сфере, вновь то и дело выходит на подмостки музыкальных театров. Следует приветствовать новую оперу Макса Баумана "Эликсир дьявола" и радоваться тому, что она возникла. Либретто написала Рената Швейцер. Она сделала это мастерски. Ограниченность сцены и требования самого жанра либретто оказались для нее подспорьем.

Вольно или невольно, сознательно или бессознательно поэтессе удалось укротить и упорядочить все неистовое и произвольное у Гофмана, перегоняя, превосходя его. Главные мотивы действия ей пришлось по необходимости сжать в горсть жизненно-сильных элементов. И то, что в романтическом сюжете часто кажется истерической судорогой, стало в этой сосредоточенной, увлекающей за собой обработке здоровым мышечным сокращением. Эти основные элементы сюжета вначале разлетаются, словно птицы, выпущенные на свободу, а в конце собираются, как почтовые голуби, которые возвращаются домой. Всего лучше начало и конец построения и текста, где накал стихов самый неподдельный. Однако и в гораздо более искусственной и выспренней середине, там, где правила игры гофмановской фантазии неистовствуют и бушуют всего сильнее и где тема двойника проходит, словно перед вами поспешно тасуют колоду карт, автору опять-таки удалось создать с помощью преувеличений нечто в высшей мере удачное, достойное похвалы. Любовная путаница происходит не из-за того, что в ней действуют двойники, а потому что все персонажи — это, так сказать, заменяемые величины одного уравнения. Иными словами, так происходит

потому, что напряженность событий, бытия и явлений оттесняет любовные страсти на задний план, в индифферентность фона. Лучшей истины из философской подкладки гофмановских призрачных образов извлечь и почерпнуть невозможно, и составительница либретто не могла бы стремиться к большему.

Ах, как все это звучит и выглядит до невозможности глупо. Обнимаю тебя.

Твой Б.

XVIII.

15 июня 1959

Рената,

благодарю тебя за то, что ты такая, какая есть, что ты так присутствуешь в твоём письме, что я могу войти к тебе в письмо, пока я его читаю. Как же ты прекрасна и неподдельна, и сильна! Как ты все описываешь (чтение письма в постели), как свободно и великолепно ты даришь мне это переживание, как в твоих словах все происходит, все осуществляется — и лето, и город, и полдненное солнце, и все прямо, без околичностей, все чисто, сокровенно, полноправно, гордо и не называя имен! Благодарю тебя, ты видишь, ты понимаешь все!

То имя я, конечно, должен был бы знать. Без сомнения, я спросил тогда, как ее зовут, а теперь вспоминаю, что при первом знакомстве я спросил, пишется ли оно через "ф" (как "Фосс"). Этот вопрос все время звучал у меня в ушах, после того, как ты во мне его пробудила, но самое имя забылось, память мою так часто и неожиданно сбивают с толку (разного рода сюрпризами, огорчениями и радостями).

Пусть милый ангел не приезжает раньше конца июля. Я хотел подарить этой девушке что-нибудь стоящее, ценное, но еще не знаю, что именно.

Не трать свое время на меня, когда поедешь к морю. У тебя достаточно и своих забот, обязанностей, деловых целей и задач. Используй отпускное время. Не жертвуй им для меня. Пиши мне иногда короткие письма, только чтобы дать мне знать о тебе, чтобы я снова время от времени видел тебя в письме. Меня гложет, что я с моей никчемностью остаюсь в долгу прежде всего перед Л [арой] (я ведь писал тебе об О [льге] В [севолодовне]), но также и по отношению к тебе: от вас я получаю себе на радость все, а единственное, чем могу ответить вам, отблагодарить вас, — новая работа — продвигается вяло, медленно. Я вас недостоин, но моя работа уже живет, я в нее верю. Ты добра, ты неопишимо добра. Я сдерживаю более сильные слова, которые рвутся, моя прекрасная, милая подруга.

Твой Б.

P.S. Слышали ли вы (ты и Бауман) что-нибудь о Карлхайнце Штокхаузене? Мне писал о нем мой друг, эмигр [ировавший] рус [ский] музыкальный критик Пьер Лувчинский. Этот молодой музыкант (Штокхаузен) написал Лувчинскому прекрасное письмо о Д [окторе] Ж [иваго]. Почему ему?

Благослови меня, молись, чтобы я работал, чтобы не поддавался соблазну легкого и приятного писания писем, вместо того, чтобы исполнять трудный, серьезный долг.

XIX.

26 июля 1959

Рената,

о, как ты меня всегда волнуешь, и радостно, и пугающе. Я свинья, что до сих пор не ответил на великолепные твои стихи о грозе. Еще подлее, что я, поддавшись твоим клятвам, пишу тебе влюбленные письма. Но позволь мне на этом остановиться.

О книжке, изданной "Ковчегом", я ничего не знаю. Не слишком ли преобладает там гадкое над приемлемым? Коли так, то не стоит мне ее и присылать.

Некий д-р Рольф-Дитрих Кайль, проживающий в Гамбурге, Густав-Швабштрассе, 3, автор прекрасных переводов шекспировских сонетов, отлично перевел многие из моих новых стихов, сохранив размер и рифму. Он это сделал для издательства Фишер, добудь книгу, когда она появится. А может быть, фрау Мария перепечатает для тебя переводы на машинке еще до появления книги? Быть может, они и не столь хороши, как мне показалось, у тебя будет время сделать замечания. Его уменьшительные и несколько неточных рифм слегка вносят чужие черты, но эта примесь невелика и не очень заметна.

Я кое-что получил из современной немецкой поэзии, Куно Ребера, Пауля Целана и прочее. Не думай, исходя из моего личного поведения, что я противник модернизма. Все это довольно красиво, полно замечательной остроты восприятия, *непостижимо правдиво*. Таким, как они, я сам был когда-то. Но, кроме зрелости возраста, есть зрелость, которую требуем не мы, но сама жизнь, вещи, задачи времени и понятия времени. После всего, что увидено, выстрадано, вынесено за последние десятилетия, я не смею оставаться верным моим ранним привычным выразительным средствам. Я обязан принуждать себя к чему-то более тяжелому, непривычному. Я обязан, даже если бы этот долг был опасен, быть *постижимо правдивым*.

О музыке. С одной стороны, это верх легкомыслия, что я, с моей манерой тесниться и торопиться, а теперь еще и на плохом немецком, английском или французском языке набрасываю с пятого на десятое мысли, которые ведь должны выразить нечто твердое, определенное и в таком малопонятном изложении пропадают даром. Это глупая дерзость дурного вкуса.

Тот или иной стиль, минувшие эпохи, времена расцвета, высшие достижения искусства, в том виде, как им привычно поклоняются и пассивно ими наслаждаются люди, получившие образование в академиях и университетах, — для меня не святыня, они для меня ничто. Я почти мог бы сказать (несколько преувеличивая), что несмотря на то, что Шекспир 400 лет бес-

спорный авторитет, он и на самом деле поразительно жив и гениален. Или: хотя Бах был музыкантом, его произведения — на самом деле истинные пропасти бессмертия. Если ты подобные сопоставления не воспримешь просто технически, я почти мог бы сказать: искусство всегда кишит (так уж оно устроено) условностями формы, но это отнюдь не самоцель, а наоборот — препятствия, которые необходимо одолеть, разбить. Это вроде цирковых канатов, к которым надо относиться так, словно их вовсе нет, словно путь под куполом и обыкновенная дорога по земле друг от друга ничем не отличаются (снова сильное преувеличение, и не в смысле виртуозности, — Боже упаси, — а по сути): живешь, сочиняешь, и в конце концов хочется сделать вывод: размер и рифмы, поэзия — все это средства сохранить *естественность* в рамках *искусственной* формы, раздвинуть пределы естественного, углубиться в такие закоулки и слои *естественного*, о которых неискушенная посредственность и грубость не подозревают и не мечтают. Подумай, например, о возрастающей раскованности Гете, когда он свой поток мыслей заключает в стихотворную форму. Перед нами словно *высвобождается* вернувшийся к своим истокам первозданно-необузданный язык!

Итак, все дело в содержании. Однако возможность путаницы понятий в обществе и в культуре столь велики, что люди смешивают разные вещи, ошибаются и принимают одно за другое гораздо чаще, чем судят правильно.

Таким образом, "канаты" как таковые, на которые еще не ступала нога, которых никто не прошел (иначе говоря, малосодержательные или пустые, будь то искусство классическое или романтическое), признаются и объявляются значительными, как будто это настоящие канаты, настоящее живое искусство. Но искусство пребывает и сохраняет свою возвышенность не само по себе, не в силу законов формы, но благодаря тому, что нарушает законы, благодаря исключениям из правил. Кальдерон и испанский театр существуют потому, что была противоположность их канареечному щебетанию, был Шекспир. Один Микельанджело спасает все Возрождение и воскрешает то, что не удержалось бы на ногах, не будь оно оправдано им. (Ты, конечно, не должна забывать, что все это приблизительно и преувеличено, только чтобы дать тебе беглый намек на ход мысли.) Я говорю так долго и так косноязычно, потому что не хочу ввести тебя в заблуждение. Боюсь, что могу показаться тебе доктринером, что ты припишешь мне дурной и капризный вкус, ретроградный снобизм почитания классиков, и лишь по доброте будешь готова согласиться с тем, что противоречит твоей натуре. Под романтическим искусством я подразумеваю не определенное течение, не реальную школу, не ступень развития искусства, но романтизм как принцип: производное, неизначальное, литература о литературе, когда художеством восторгаются сами художники (в то время как творческий гений искусства презирает искусство и боготворит жизнь через искусство, — опять односторонность и преувеличение, чтобы ты легче могла понять). Близка к этому и музыка, потому что то, что не связано с содержанием, формальное — составляет в ней почти исчерпывающую часть, большую, нежели в поэзии и живописи. Ты слушаешь Брамса. Он трогает тебя тем, что это именно то самое, каковым ему следовало быть, что ты не натыкаешься на что-то неожиданное, непривычное. Гайдн, Вебер, Шуберт кажутся просто-

душным перезвоном колокольчиков, они — словно часовой механизм их эпохи. Возьмем, например, Баха (отчасти и Моцарта, частью Бетховена и Шумана, Шопена, Вагнера). Но возьмем для примера Баха. Нечто против всякого ожидания, превосходящее требования эстетики — вот что это такое, и это главное, это грандиозно. Нам было бы довольно одной такой модуляции, мы бы сказали спасибо за одно такое решение. Нет. Он громоздит и громоздит, и усложняет, и запутывает. Он мог бы тут и кончить, и мы аплодировали бы, обливаясь слезами. Но нет, его своенравие шествует дальше и дальше и не хочет остановиться. Это вломилось содержание и обрушилось на формы и условности, повалив их чем-то непреложно-сущим, случившимся, внезапно-вечным. И тут начинается святость, начинается реализм, и все, грозящее остаться подобным птичьему щебету либо вовсе ничтожным и бесплодным, — восстанавливается, и музыка становится музыкой, а Вебер и Брамс — композиторами.

Тебя удивляет, что я называю Вагнера. Томас Манн прав, когда он скачет по девятнадцатому веку. Еще более прав он, называя всегда именно Вагнера, как зерно, как душу этого времени. Припомни прологи к поре созревания, и все возникает сразу вместе: конка, железнодорожные поезда, путешествия, цветущие липы летом, в больших городах. И это не по привычке, не по ассоциативной связи, а потому, что все это сидит внутри, Вагнер же дал себе труд не удовлетворяться тем, что тогда ожидалось, что считалось правильным, и в условное ввести неслыханное — реальную жизнь. Так что ты могла бы за то многое, чего он достиг, простить ему его "Woge du Welle, walle zur Wiege"¹.

Ты, конечно, понимаешь, что под содержанием я имею в виду не иллюстративную, программную музыку. Впрочем, это (иллюстрирование) нигде невозможно. Даже в слове содержание — это не фабула или предмет, но степень напряжения, то, что поднимается над границами, вторжение живой жизни в искусственную среду искусства. Да, гармония еще недавно была содержательной стороной, содержательным языком музыки (твое высказывание о Моцарте меня не пугает), так же как для Баха тем же самым (выражением содержания) был хроматизм. Не знаю, к каким средствам выражения в этом смысле придет современность или будущее, но всегда дело будет идти о постижении жизни и открытиях, и это будут редкие вершины, ибо это самое трудное, и только эти вершины будут придавать смысл всей окрестности, и лишь благодаря горным вершинам ландшафт будет горным ландшафтом.

Я уже и не надеялся кончить это письмо. Как же часто я пишу тебе подобные трактаты и словоизвержения. Письмо Макса Баумана, о котором ты знаешь, так как адрес был написан твоей рукой, произвело на меня сильное впечатление, порадовало и польстило мне. Я обязательно ему отвечу. Я хотел сделать это в ближайшие дни, но это длинное письмо меня совершенно истощило. Вовсе не обязательно, чтобы он соглашался с тем, что я говорю (если ты ему об этом расскажешь) об искусстве, музыке и т. д. Сердечный ему привет. Если ты из-за этого письма позабыла, то напоминаю, что я полон любви к тебе. Обнимаю тебя. *Твой Б.*

¹ "Волнуйся, волна, плыви к колыбели" (из I акта оперы Р.Вагнера "Золото Рейна"). — Ред.

XX.

20 августа 1959

Милая моя девочка, ну почему ты говоришь: "пугает"? Потому что это — чувство, потому что оно по природе своей беспокоит, потому что волнуется и заботит. Потому что твое обращение и мой ответ охватывают и срывают меня как полностью достигнутая близость.

Твою гамбургскую сестру разве зовут не Мария? Это ее я имел в виду в связи с моим письмом Кайлю. Посмотри его немецкие переводы. Напиши мне об этом строго и честно. С письмами ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится. Мне нет нужды советовать тебе убрать оттуда все интимное, ты сама пишешь о том, чтобы изъять подробности личной жизни. Но какой-то след, указание на то, что здесь используются личные письма, должно быть сделано. *Статью* я не могу написать здесь и отослать туда. Сообщение, будто я собираюсь заняться Рабиндранатом Тагором, — здешнего происхождения, в основе своей ложно, ничего подобного я не делаю, да и не обещал. О музыке же и прочем я писал тебе так нескладно и глупо только в расчете на твое божественное, на лету схватывающее понимание. Что и было самым главным. Писал, что должно существовать искусство, что оно должно каким-то образом, где-то быть, как местность, которая существует на самом деле. Что уже и это достигнутое, вошедшее в обиход искусство есть само по себе радость и дар. Но что в редчайших случаях, когда жизнь пронизывается искусством (случаях, которых, по сути дела, так же мало можно ожидать и требовать, как и проникновения одного существования в другое), культура, история наполняются вечным, событиями, личностями (это я и имел в виду, говоря о содержаниях).

Почти год тому назад я попросил, чтобы на мои гонорары сделали подарки тебе и еще нескольким друзьям за границей. Это все тянулось и тянулось, потому что мой главный издатель поссорился с моей парижской приятельницей, уполномоченной вести мои дела (я писал тебе как-то о ней), и не хотел ей уступить. Но недавно я получил от Тенса и одного господина по имени Джон Херрис из Англии известие, что дело, наконец, сдвинулось, и меня удивляет, почему мне до сих пор ничего не сообщили. Неужели в почтовом отделении Зап. Берлин-30 на Марбургерштрассе не знают о том, что ты переменила адрес и живешь на новом месте?

Ты замечательная, я тобой горжусь.

Ты все знаешь и без моих подсказок. Не ищи этого в конце писем, снова черным по белому. Как ты умеешь все во мне разбудить и перевернуть! Меня в дрожь бросает от этого!

Творчество само возникло из жизни, насыщено и напоено жизнью. Я, однако, говорю о новом, последующем прорыве изначального в уже достигнутое и совершенное.

XXI.

29 сентября 1959

Я бы, наверное, промолчал (настолько я вижу себя с недавнего времени озабоченным и отягощенным вновь грозящими и то и дело возобновляющимися осложнениями), если бы не необходимость исправить ошибку, недоразумение, проскользнувшее в твоей открытке с морскими видами.

Меня запросили из Парижа о твоём адресе. Я не имел в виду ничего другого, как только сделать для тебя что-то полезное, как естественное следствие нашего сближения, возникшего благодаря тебе в письмах, и на память о нём. Ей-Богу, никаких тут задних мыслей не было. Почему другие поняли подобное же мое намерение верно? Когда ты делишься со мною своими черноморскими фантазиями или расписываешь другие путевые и географические грезы, то это выглядит так, словно ты надо мной просто смеёшься. Ты так далека от самого элементарного представления, в каком положении я нахожусь.

Как твоя рука? Мне так стало жаль тебя, когда я узнал о твоём заболевании. В этих случаях заболевания лимфатических желез на почве истощения вредно возбуждать воображение суетными, излишними, ненужными вещами. Я всегда называл этот образ мыслей засорением нервов (как бывает засорение желудка), что, конечно всего лишь аналогия и никакого медицинского смысла иметь не может. Отчасти и я виноват в том, что во время твоей болезни, не подозревая о ней, я бесцельно дразнил твой дух моими дурацкими рассуждениями, словно холостыми выстрелами.

Я расстаюсь с тобой долгим, долгим поцелуем и прощальным объятием. Может быть, некоторое время я — как это уже было однажды — не смогу ни отвечать, ни писать тебе. По утрам я собираюсь, как и прежде, заниматься своей пьесой, которая мне здесь ничего принести не может. Но я должен усердно подстегивать себя, пока я сам себе полностью принадлежу, чтобы сколотить глупой вечерней работой над переводами достаточное количество денег для дома, которые всем нам нужны. Разве я виноват, что меня охотно читают по всему свету? А здесь именно это некоторых людей приводит в бешенство, в ярость. Что меня в конце концов и прикончит. Будешь обо мне вспоминать и меня оплакивать. Прощай, Рената!

Прилагаемая фотография сделана этим летом. Безобразие моей внешности смягчено туманной расплывчатостью снимка. Я выгляжу на этой фотографии моложе. Целую тебя еще раз.

С оперой ничего не выйдет. Именно после того, как я пошел на концерт [Нью-Йоркского филармонического оркестра], появились признаки ухудшения. Неожиданно и это оказалось преступлением!!

Не создавай себе с моим подарком никаких проблем. Он очень простой; не надо его разворачивать и разбирать на части.

XXII.

3 ноября 1959

Я бы начал ответ на твое письмо от 15 октября (где ты сообщаешь, что фото получила и снова забралась с ним в постель) обращением: "Любимая моя девушка!" И два твоих стихотворения, с острова, "Дракон" и "Плотина", опять притянули меня к себе, словно твое прикосновение, и переполнили благодарностью. Все прочее — чепуха.

Ты совсем с ума сошла — переменить гражданство! Боже упаси тебя от такого безумия, придумай что-нибудь другое! Я не знаю ни одного случая, когда бы родившийся здесь человек вернулся сюда и это не кончилось бы трагедией, запоздалыми и горькими сожалениями всех участвующих в этом.

В моей привязанности к тебе ты можешь не сомневаться, не должна сомневаться. Я дал тебе некоторые доказательства этого... наоборот, даже боялся своей настойчивостью связать тебя теми или иными делами в связи с моими публикациями, боялся, что покажусь тебе слишком навязчивым. Я так и не могу понять, почему возникли затруднения (это касается не только тебя, но и других), почему нельзя выполнить мои пожелания и послать подарки. Ну ладно, когда-нибудь это все же осуществится.

Теперь насчет того, чтобы сделать фильм по "Доктору Живаго". Меня уже предупредили частные лица, отнюдь не близкие мне люди из Франции и Германии, что экранизация грозит опасностью опозлания. П [руайяр] в Париже против этой затеи. Ф [ишер], напротив, хочет, чтобы она состоялась. Я об этом знать ничего не хочу, пусть все идет как идет, я в это абсолютно не вмешиваюсь, не могу и не хочу портить.

Родная моя, во всем этом одно только важно: имя стало известно миру, необходимо оправдать возникшее доверие, к этому я и стремлюсь всеми силами. А между тем уже месяц, как я вынужден был отложить работу над пьесой. Срочно были необходимы деньги, и я воспользовался представившейся возможностью участвовать в издании Кальдерона и за три недели перевел "Стойкого принца". Сегодня я отослал перевод и вот пишу тебе и целую тебя... о, моя, сегодня моя, так больно, так невозможно долго, нескончаемая, милая, улыбающаяся...

XXIII.

12 ноября 1959

Дорогая Рената,

не сердись. Пройдет время, все образуется. Все плохое пройдет, и ты о нем позабудешь. Накопилось много всякого, непрочитанные книги, неотвеченные письма, невыполненные обещания, осложнения, неприятности. Но главное — это то, что предыдущей книгой я сам осложнил нынешнюю работу, так как она должна быть не хуже того, что ей предшествовало. Пишу

тебе поздно вечером, смертельно усталый, и прошу тебя лишь об одном: успокойся.

Непонятное свинство: ни один из тех, кто уже полгода тому назад должен был получить деньги, их не получил (а меня уже благодарили).

Спокойной ночи.

Твой Б.

XXIV.

10 декабря 1959

Веселого Рождества, Рената, и прекрасного, богатого, счастливого Нового года! На каком языке мне благодарить тебя за письма, за рождественскую свечу, за стихи Ли Бо, раз я так старательно, с такими усилиями обхожу любовный язык, чтобы не попасть на дорогу предательства и неверности. Целую и обнимаю тебя, сказал бы я, и воображение становится для меня таким живым, что я воистину почти не могу сдерживать содрогания.

Разумеется, мне не надо было ждать от тебя напоминания о мандарине под мышкой, чтобы я о нем внезапно вспомнил (ты, впрочем, отметила эту страницу шитой золотой закладкой).

Клабунд великолепно справился с этими стихами. Мне совершенно безразлично, неинтересно, насколько он близок к оригиналу, гораздо важнее поэтическая безусловность воспроизведения, господствующая в своей самостоятельности. Сомневаюсь, чтобы в своей собственной экспрессионистической поэзии Клабунд позволил себе нарушить запреты вкуса и нынешней моды и быть так щедро, целеустремленно естественным, как в этой несравненной книжке издательства "Инзель". Где теперь Клабунд? Жив ли он? Не могла бы ты, если он еще жив, передать ему мою благодарность и признание?

Два замечания по поводу мандарина, Я уже тебе писал, что я понятия не имел об этой строчке до того, как ты упомянула о ней. О Ли Тай-бо я знал столько же, тем же способом, каким я приобрел знания почти обо всем на свете: по звучанию имен, по цвету книжных переплетов и корешков. И какое поразительное совпадение! Запах мандариновой корки, связанный с первым дыханием школьных влюбленностей, с зимними праздниками, с ослепительно освещенной елкой, с разгоряченностью танцующих девочек, — один из таких лейтмотивов моей жизни я пробовал выразить дважды и сделал это — в одном из ранних стихотворений и в романе.

Второе замечание. Во время второй мировой войны посол тогдашнего Китая г-н Фу, человек образованный, любящий искусство, подарил мне великолепную антологию китайской поэзии на английском языке с надписью (книгу я тогда же дал кому-то почитать, кажется, Анне Ахматовой, и обратно не попросил): "Б. П., которого мои соотечественники (г-н Фу не знал по-русски) сравнивают с Ли Бо".

Благодарю тебя также за прекрасное стихотворение "Чужая".

Описав дом Марии, ты добавила, что из этого сада ребенком обычно слышала, как поют русские военнопленные... и вновь оживает во мне твое первое письмо, конец позапрошлой зимы, страдания, тревоги и тяготы в больнице. Только этот сад твоего детства и солдатское пение, не знаю почему, я мысленно перенес куда-то южнее Гамбурга, примерно в Висбаден или Вюрцбург.

Благодарю тебя, милый друг мой, за эти два протекших года, когда мне так легко далась возможность любить тебя, и это так обогащало меня и было для меня так важно. В наших предположениях и допущениях мы зашли так далеко.

Не будем больше этого делать. При всем том, что ты обо мне знаешь, это было бы с моей стороны нехорошо, нечестно.

Но если мое молчание время от времени будет затягиваться, то не по этой причине, а от сознания необходимости преодолеть свое нежелание работать, ведь это мой долг и перед тобой.

Тут поговаривали, что ты ездила в Париж, была у Жаклин де Пруайяр. Это верно? Будь здорова и счастлива в праздничные дни. Желаю тебе играючи и почти незаметно для себя внести те изменения в оперное либретто, о которых тебя просят.

Твой Б.

XXV.

23 декабря 1959

Безмерно благодарен за [книгу] Бойтлена и сумасшедшую надпись. Получила ли ты мое письмо о мандарине? Тут был на гастролях театр из твоего родного города. Я пошел за кулисы, большего я позволить себе не мог, от встречи у себя в доме мне пришлось отказаться. Но было хорошо, сердечно. В их компании я чувствовал себя по-братски, счастливым и свободным. Больше я тебе сегодня ничего не скажу. Писать становится все труднее, времени все меньше. Люблю, целую, обнимаю.

Твой Б.

XXVI.

25 января 1960

Ты пишешь мне великолепные письма, Рената. Твое стихотворение в золотой рамке о бое часов в новогоднюю ночь было прекрасно. А еще чудеснее описание Рождества в Гамбурге. Я так и представил себе эти образы. Письмо сверкало и плыло, полное сумрака и мерцания свечей, словно празднично убранная комната твоей сестры, переполненная роскошью елки. А твоего ангелочка-племянника ты просто подвела за руку ко мне, представила, а потом по строчкам письма, словно по дорожкам, увела вглубь дома.

Спасибо тебе за персов. Ты очень хороша, милый друг, на снимке в профиль. Мне кажется, что покой, достоинство, простота стали внутренним строем твоего последнего письма. Впервые я воспринял твое желание приехать в начале года без тревоги, без волнений, а со спокойной и легко объяснимой радостью. Ты приедешь и наведишь нас в Переделкине. Познакомишься с моей женой З [иной], с домом и с жизнью в этом доме. Ты приедешь и повидаешься с людьми, познакомишься с положением вещей, с тем, что может характеризовать меня, либо с теми людьми и положениями, которые, несмотря на кажущуюся близость ко мне, для меня совершенно не характерны. Все зависит от случая.

Потом я сведу тебя к О [льге]. Никакие разочарования, никакая натянутость и неестественность не может нас, никого из нас, ожидать и не может грозить нам. Поручкой этому твой дар и все, что между нами состоялось. Нас связало то непреходящее, что подарено природой, и этому не дано измениться. Не восприми мои слова как стремление что-либо сузить или уменьшить. Напротив. Этот твой далекий, еще только ожидаемый приезд для меня, так сказать, уже начался. И никто (и ты тоже) не хочет понять, как серьезно, как тяжело мое нынешнее положение, после всего достигнутого признания, после всего доверия, которое я вкусил. О, как все это обязывает! А работа движется медленно!!

XXVII.

27 января 1960

Дорогая Рената, еще несколько строк вдогонку предыдущему письму.

1. Ах, как тонко, как глубоко и верно, и родственно по духу сказанное Г. Гессе о Готфриде Келлере! Ты знала, чем поддержать меня. Если в марте месяце тебе попадетя на глаза моя немецкая статья о Шопене, тебе вспомнятся, может быть, эти слова Гессе.

2. Хотел тебе рассказать, но забыл. Когда года полтора тому назад одна американка, прочитав "Охранную грамоту", захотела похвалить мои описания, она написала мне, что Венеция осталась такой же, какой я ее видел, но фиалки больше не пахнут нигде, даже в Парме, где эта дама была в гостях, — не пахнут так, как они пахли в моем детстве и "все еще пахнут в Охранной грамоте". Впервые с тех пор я вдохнул этот запах, вскрыв твой конверт с фиалками. Какое далекое, давно ушедшее воспоминание! Спасибо тебе и до свидания, мой ангел.

Твой Б.

XXVIII.

14 февраля 1960

Спасибо тебе за орхидею и серебряный подсвечник, дорогая Рената. Ты так добра, так неопишимо добра!! Обнимаю тебя.

Твой Б.

На память о твоём посещении. Я мог бы сказать, что ты, как Цезарь, venisti, vidisti, vicisti, — пришла, увидела и победила. Но лучше я скажу другое. Ты увидела кое-что истинное, много настоящего, достопримечательного. Мне хотелось, чтобы ты не раскаивалась в своей поездке. Прощай, милый друг, живи легко, счастливо, просторно, с полной отдачей. Счастливого пути домой, будущее не разлучит нас. Твой Б.

В комнате с бесчисленными следами раздавленных мотыльков, с которыми я сражаюсь каждый вечер при свете лампы.

Надпись Б. Л. Пастернака на сборнике "Когда разгуляется", подаренном Ренате Швейцер.

XXIX.

Грущу, скучаю, лелею каждый изгиб голоса шлю привет обожаю усталый сердцем *Борис*.

XXX.

14 апреля 1960

Дорогая Рената,

в последнее время я не пишу писем, я не всегда чувствую себя здоровым. Я все думал, как ты приедешь снова на эти пасхальные дни, и боялся, что тебя все это разочарует. Имею в виду не себя (хотя и себя тоже), но все остальное: грязь, беспорядок, окружение, картину фатального жизнеустройства, которое я сам себе навязал и из которого не в силах выбраться. Если ты оставила мысль о приезде, это для меня облегчение.

Я уже когда-то получил смеющийся снимок, который ты надписала и о котором я тебе тогда же написал. Я его очень люблю. Уже и раньше бывало, что в нашей переписке наступали перерывы. Тебе снова придется некоторое время подождать, пока я не возобновлю писание писем. Послали ли тебе уже мой сборник "Когда разгуляется"? Это исключительно точные, замечательные переводы на немецкий. Ты убедишься, насколько посредственна и банальна моя истинная суть в точной по форме и выполненной со знанием дела передаче. Плохие переводчики обманывали читателей и сделали меня из-за неясности своего воспроизведения непонятым, влекущим, спутанным. Не приезжай сюда. Обнимаю тебя.

Твой Б.

XXXI.

Четверг, 21 апреля 1960

Я сейчас вернулся с телефонной станции, откуда пытался до тебя дозвониться (между двумя и тремя часами дня). Как мне тебя не хватает, как

мне грустно, что это было позавчера (хоть в день отъезда едва ли можно было надеяться застать тебя в гостинице).

Ты так глубоко вошла в мою кровь и жизнь, я благодарю тебя, я тебя люблю. И многое еще придет и произойдет.

Твой Б.

Это единственное, что я хочу и хотел тебе сказать. А если хочешь получить от меня поручения, передай, пожалуйста, от меня привет (если тебе это приятно) Элизабет Гебель и Вернеру Гинцу с Эми Бессель в Гамбурге и спроси, получили ли они мои письма и книги.

XXXII.

22 апреля 1960

Пишу тебе лежа в постели. Начиная с четверга, пять дней подряд у меня ужасно болит вся грудь, боли в спине, в левом плече. Не знаю, что это такое. Грудная жаба, рак легких? Сегодня вечером придет терапевт. Тогда я напишу тебе, что он скажет и что будет дальше.

Тем сильнее моя радость, что мы дошли до конца в узнавании друг друга и любви друг к другу. Это беспредельно милое, недавнее прошлое еще такого близкого позавчерашнего дня в эти дни страшной физической боли, когда я так спокойно думаю о смерти, стало для меня тем, чем всю жизнь было будущее, полным света и обетования.

Врач приходил. "Нервы, невроз". Но боли в левой лопатке жестокие, невыносимые. Предписания: временно нельзя то-то, нельзя то-то, нельзя то-то. Лежать, не спускаться вниз и т. д., и т. д. Насчет дел, касающихся помощи от меня, не волнуйся. Для этого нужно много времени (месяцы), придется действовать через Ф [ишера]. Больше писать не могу, погибаю — так болит сердце.

XXXIII.

[6 мая 1960]

Опасность не угрожает но непереносимая изнуряющая боль в груди плече спине третью неделю в постели прощай трудись радостно успешно *Борис*

Глупость — враг добра, более опасный, чем злоба. Против зла можно протестовать, можно выставить его напоказ, наконец, можно бороться с ним; зло в самом себе несет зародыш саморазрушения. Против глупости мы безоружны. Здесь не помогут ни протесты, ни активное сопротивление; доводы не убеждают; факты, избличающие бессмыслицу, попросту отменяются — в них не верят; а если их нельзя не признать, то всегда можно объявить их ничего не значащими исключениями. В отличие от злого человека дурак всегда доволен собой. И он может стать по-настоящему опасен, когда он переходит в наступление. С глупцами надо быть осторожней, чем со злодеями; не будем пытаться их переубедить, это бессмысленно.

Попробуем понять корень глупости. Ясно, что по своей сути глупость — порок не интеллектуальный, но скорее человеческий. Есть люди, одаренные весьма гибким интеллектом, но при этом глупые; и есть тяжелодумы, которых никак не назовешь дураками. Убеждаясь в этом, все больше склоняешься к мысли, что глупость — вовсе не врожденный дефект. Люди становятся глупыми — или позволяют себя одурачить — в определенных условиях. Замкнутый и одинокий человек менее поддается оглуплению, чем люди общительные или вынужденные возвращаться в обществе единомышленников. Глупость, по-видимому, не столько психологический, сколько социологический феномен: это особая форма воздействия исторических обстоятельств на человека. Можно заметить, что всякое сильное давление власти, политической или религиозной, поражает значительную часть людей глупостью. Власть одного нуждается в глупости окружающих... То, что дурак бывает упрям, не должно вводить в обман насчет мнимой самостоятельности его убеждений; поговорите с ним, и вы почувствуете, что имеете дело не с ним самим, а с лозунгами, партийными фразами и словечками, поработившими его. Он ограблен, у него отняли собственное лицо. Став безвольным орудием, глупец способен на любое зло. Но понять, что он стал игрушкой зла, он не в силах. Здесь и кроется опасность дьявольского манипулирования людьми.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Приближается конец года. Просим возобновить подписку на 1986 год — третий год существования нашего журнала.

- Журнал **СТРАНА И МИР** выходит один раз в месяц объемом в 96 страниц крупного формата.
- Журнал публикует актуальную политическую информацию о важнейших событиях в мире, ежемесячные аналитические обзоры международной обстановки, выступления и интервью западных политических лидеров.
- Журнал помещает статьи и обзоры о внутривосточной ситуации и общественной жизни Советского Союза, освещает проблемы правозащитного движения и внутренней оппозиции в стране.
- Постоянные рубрики журнала — "Вести из СССР", "Дым отечества", ежемесячный экономический комментарий — информируют об актуальных событиях экономической жизни СССР, структуре советской экономики, ее проблемах и тенденциях.
- Обширный культурно-философский и литературно-критический отдел знакомит русского читателя с неизвестными ему именами современных западных публицистов, философов, теологов и эссеистов и регулярно печатает материалы о советской, зарубежной русской и иностранной литературе.
- Одна из постоянных тем журнала — прошлое и будущее нашей страны.
- В журнале печатаются видные писатели эмиграции, авторы, живущие в СССР, и зарубежные публицисты.
- Журнал регулярно помещает материалы Самиздата.
- Журнал ставит своей целью восстановить искусственно нарушенное взаимопонимание между русскоязычным миром и демократическим Западом, в сознании общих целей — борьбы с тоталитаризмом, за достоинство личности, против попрания прав человека и гражданина.
- В каждом номере журнала много иллюстраций.
- Журнал **СТРАНА И МИР** обращен ко всем читающим по-русски, для кого интересы отечества остаются главным, для кого боль этой страны — их собственная боль.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем.марок (25 ам.долларов), в США, Канаде и Израиле — 35 ам.долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 45 ам.долларов. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой.

При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению.

Цена одного номера — 6 нем.марок.

Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 2 ам.долл.)

Адрес редакции: Das Land und die Welt e.V., Schellingstraße 48,
8000 München 40, Bundesrepublik Deutschland.

Банковский счет: Deutsche Bank München (BLZ 700 700 10), Konto-Nr. 331 9613.

Почтовый счет: Postgiroamt München, BRD, Konto-Nr. 223981-804 (BLZ 700 100 80)